

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 9. № 2/2023

DISCOURSE
Volume 9. No. 2/2023

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2023

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгоцкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

- Филатова М. И.** Проблема актуальной бесконечности и пути новоевропейской классической эпистемологии: от генезиса к современному кризису..... 5
- Серова Н. В.** О темпорализации отчаяния в экзистенциальной философии и в поэзии имажинизма 22
- Мамина Р. И., Пирайнен Е. В.** Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины..... 35

СОЦИОЛОГИЯ

- Гуренко Е. С.** Ценности современного руководителя-женщины в социально-структурных отношениях в бизнес-сфере 52
- Рочева Я. С., Шавонин А. Л., Шадрин А. А., Шeverдина С. В.** Репрезентация инвалидов в федеральных СМИ (по материалам контент-анализа)..... 64
- Дерюгин П. П., Баннова О. С., Маранчак А. Г.** Социально-профессиональная группа ИТ-специалистов: концептуализация теоретико-методологических оснований исследования..... 78
- Ярмак В. Е.** Осмысление цифрового капитала как фактора трансформации профессиональных сообществ 93

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Polyakov O. M.** R-linguistics. The Principle of Linguistic Duality 103
- Степанова Н. В., Синицкая Е. Ю.** Лингвокультурный анализ стилистических трансформаций при адаптации англоязычного сериала 111
- Тимралиева Ю. Г., Татаринцев Н. С.** Презентация пространства в рассказах ужасов Э. А. По..... 125
- Миронова М. Ю.** Научный дискурс: эволюция теоретико-методологических подходов и концепций 137
- Трофимова Н. А., Манукян Я. А.** Лингвокультурная составляющая в дискурсе о пандемии коронавируса (на материале немецких юмористических текстов и метафор)..... 156

- Правила представления рукописей авторами** 169

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

- Philatova M. I.** The Problem of the Actual Infinity and the Path of the New European Classical Epistemology: from Genesis to the Modern Crisis..... 5
- Serova N. V.** Existential Philosophy and Poetry Imaginism about the Temporalization of Despair 22
- Mamina R. I., Piraynen E. V.** Emotional Artificial Intelligence as a Tool for Human-Machine Interaction 35

SOCIOLOGY

- Gurenko E. S.** The Values of Modern Female Manager in Social and Structural Relations of the Business Sphere 52
- Rocheva Ya. S., Shavoni A. L., Shadrin A. A., Sheverdina S. V.** Representation of Disabled People in the Federal Media (by the Materials of the Content Analysis) 64
- Deryugin P. P., Bannova O. S., Maranchak A. G.** Socio-Professional Group of IT Specialists: Conceptualization of the Theoretical and Methodological Foundations of the Study 78
- Yarmak V. E.** Understanding Digital Capital as a Factor of Transformation of Professional Communities 93

LINGUISTICS

- Polyakov O. M.** R-linguistics. The Principle of Linguistic Duality 103
- Stepanova N. V., Sinitskaya Ye. Yu.** Linguistic and Cultural Analysis of Translation Techniques in the Process of Adaptation of an English Series 111
- Timralieva Ju. G., Tatarincev N. S.** Presentation of Space in E.A. Poe's Horror Stories 125
- Mironova M. Yu.** Scientific Discourse: Evolution of Theoretical and Methodological Approaches and Concepts..... 137
- Trofimova N. A., Manukyan Ya. A.** Linguistic and Cultural Component in Pandemic Coronavirus Discourse (German Humorous Texts and Metaphors)..... 156

Оригинальная статья
УДК 125; 165
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21>

Проблема актуальной бесконечности и пути новоевропейской классической эпистемологии: от генезиса к современному кризису

Мария Игоревна Филатова

*Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И. И. Иванова, Курск, Россия,
m.philatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>*

Введение. Цель статьи – показать перспективность проблемы актуальной бесконечности для понимания путей новоевропейской классической эпистемологии. Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнить лауну в истории новоевропейской эпистемологии, затрудняющую сегодня понимание сути ее кризиса. Такая лауну возникла из-за отсутствия оснований для перехода от вероятностной концепции естествознания, учитывающей связанный с идеей актуальной бесконечности апофатизм, к положительной науке, предполагающей положительное понимание актуальной бесконечности.

Методология и источники. Осуществляется реконструкция и критический анализ попыток основателей новоевропейской науки (Галилея и Декарта) реформировать онтологический проект Николая Кузанского ввиду необходимости положительного понимания актуальной бесконечности. Проводится различие между рецепцией проблемы актуальной бесконечности в новоевропейской философии и ее объективным состоянием. На основании сравнительного анализа устанавливается идентичность логики развития проблемы актуальной бесконечности в исследованиях Зенона Элейского и в новоевропейской эпистемологии, что свидетельствует о ее непреходящем значении.

Результаты и обсуждение. В развитии проблемы актуальной бесконечности проявляется объективная закономерность, состоящая в том, что неоправданное допущение возможности изменения физической природы на основе актуально бесконечного ведет к изменению природы, но основанием для этого изменения становится не актуальная, а потенциальная бесконечность. Эта логика и была воспроизведена в истории новоевропейской эпистемологии. Благодаря ей математическое естествознание действительно оказалось возможно, только не на том основании, которое полагали сами его создатели (актуальная бесконечность), а на производном от него (потенциальная бесконечность), что укрепляет позиции сторонников неклассики.

Заключение. Проблема актуальной бесконечности делает возможным понимание логики развития новоевропейской эпистемологии от генезиса к современному кризису, показывает, как одно здесь связано с другим.

© Филатова М. И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: актуальная бесконечность, экстенциональная установка, вероятностная концепция естествознания, эпистемологическая классика, потенциальная бесконечность, неклассическая эпистемология

Для цитирования: Филатова М. И. Проблема актуальной бесконечности и пути новоевропейской классической эпистемологии: от генезиса к современному кризису // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 5–21. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21.

Original paper

The Problem of the Actual Infinity and the Path of the New European Classical Epistemology: from Genesis to the Modern Crisis

Maria I. Philatova

*Kursk State Agricultural I.I. Ivanov Academy, Kursk, Russia,
m.philatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>*

Introduction. The purpose of the paper is to show the prospects of the problem of actual infinity for understanding the ways of New European classical epistemology. The relevance of the work is due to the need to fill a gap in the history of New European epistemology, which today makes it difficult to understand the essence of its crisis. Such a lacuna was formed by the lack of grounds for the transition from the probabilistic concept of natural science, which takes into account apophaticism associated with the idea of actual infinity, to positive science, which presupposes a positive understanding of actual infinity.

Methodology and sources. The author of the paper reconstructs and critically analyzes the attempts of the founders of New European science (Galileo and Descartes) to reform the ontological project of Nikolai Kuzansky due to the need for a positive understanding of the actual infinity. The author distinguishes between the reception of the problem of actual infinity in the New European philosophy and its objective state. Based on a comparative analysis, the author of the article establishes the identity of the logic of the development of the problem of actual infinity in the studies of Zeno of Elea and in New European epistemology, thereby testifying to its enduring significance.

Results and discussion. The author shows that in the development of the problem of actual infinity, an objective regularity manifests itself, consisting in the fact that an unjustified assumption of the possibility of changing physical nature on the basis of the actual infinite really leads to a change in nature, but only the basis for this change is not actual, but potential infinity. This logic was reproduced in the history of New European epistemology. Thereby, mathematical natural science really turned out to be possible, but not on what its creators put in the basis (actual infinity), but on a derivative of it (potential infinity), and as a result it strengthens the position of supporters of non-classics.

Conclusion. The problem of actual infinity makes it possible to understand the logic of the development of New European epistemology from its genesis to the modern crisis, and shows a deep interconnection between these two points.

Keywords: actual infinity, extensional setting, probabilistic concept of natural science, epistemological classics, potential infinity, non-classical epistemology

For citation: Philatova, M.I. (2023), "The Problem of the Actual Infinity and the Path of the New European Classical Epistemology: from Genesis to the Modern Crisis", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 5–21. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21 (Russia).

Введение. Соотношение классической и неклассической эпистемологии остается неоднозначной проблемой современной философии. С одной стороны, классические представления о познании действительно нуждаются в пересмотре. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения то, что реальный процесс познания не может осуществляться так, как это представляла себе классическая эпистемология. Реальным субъектом познания является не трансцендентальный субъект познания, который видит мир с неподвижной точки зрения «ниоткуда», а эмпирический субъект, присутствующий в самом мире «здесь и сейчас». Свой вклад в пересмотр классических представлений о познании вносят бурно развивающиеся частнонаучные исследования познания (когнитивная психология, нейрофизиология, когнитивная лингвистика, нейропсихология и т. д.). Но несмотря на это, эпистемологическая классика не утрачивает своей ценности в глазах современных эпистемологов, так как именно ее предположения о возможностях познания ознаменовали собой высшую степень развития познавательной деятельности в европейской культуре, ее вершину. По словам Б. И. Пружинина, «суть классики как раз в том и состоит, что она представляет возможность того или иного антропологически допустимого феномена в данной культуре – в нашем случае науки. В этом смысле классика абсолютна» [1, с. 239]. Именно выделенность точки зрения субъекта из среды познаваемого мира как внешней точки зрения «ниоткуда» стало основой субъект-объектного отношения, которое Б. И. Пружинин называет «философской формулой» научного познания, ядром классической эпистемологии Нового времени [1, с. 232, 235].

Основой классической эпистемологии XVII в.¹ является экстенциональная установка, согласно которой физическим телом, как поясняет М. К. Мамардашвили, «называется такое явление, которое полностью пространственно выражено в своем содержании», «полностью развернуто для внешнего пространственного наблюдения» или же «разрешимо на каких-либо наблюдаемых частях внешнего пространства» [2, с. 13]. Экстенциональная установка давала преимущества в познании. Благодаря ей стало возможно говорить об объективности в познании, в том смысле, что объективное положение вещей, определяемое внешней точкой зрения с позиции «ниоткуда», уже не зависит от частной перспективы, в которой рассматривается ситуация «здесь и сейчас». По словам Мамардашвили, «термины "объективное" и "пространственное" совпадают, могут употребляться через запятую, как и понятие "внешнее наблюдение"» [Там же]. (Ср.: характерным признаком неклассической рациональности, по Мамардашвили, является распад объективной реальности на связанные с активностью субъекта («здесь и сейчас») сращенности – объекты-кентавры по признаку различения «внешнего» и «внутреннего» [2, с. 50]). Но главное, внешнее пространственное наблюдение в рамках экстенционального подхода стало основой для беспрецедентной в истории возможности математизации природы, т. е. возможности рассматривать физические тела как предмет математики в их сущностной однородности и измеримости. Достаточно вспомнить, какое принципиальное эпистемологическое значение придавал пространственному протяжению Декарт, отождествлявший геометрическое пространство с физическим.

¹ Как утверждает Б. И. Пружинин, контуры классической эпистемологии – концептуальный инструментальный, стержневая проблематика и набор основных решений проблем – определились в XVII столетии [1, с. 235].

Но один важный вопрос в рамках экстенционального подхода все же остался нерешенным – это вопрос о месте самого субъекта познания, которое согласно экстенциональной установке должно было быть внешним. Так каким же образом реальный человек, живущий в мире, может считаться субъектом познания классической эпистемологии, видящим этот мир с точки зрения «ниоткуда»? Доступ к такой возможности упирается в проблему актуальной бесконечности, известную в качестве проблемы множества всех множеств, которое не содержит самого себя в качестве своего элемента. В отличие от обычного множества, опирающегося только на интуицию атома (первичного элемента) и принцип экстенциональности¹, множество всех множеств опирается еще и на интуицию мира как универсального многообразия, предполагающего исключительно внутреннюю перспективу. С ответом на вопрос о возможности такого множества всех множеств (ответом, который позволил бы говорить о мире как о целом) связана возможность ответа на вопрос о месте находящегося вне мира субъекта классической эпистемологии. Однако, как поясняет А. В. Родин, проблема множества всех множеств является заведомо неразрешимой, так как она спровоцирована столкновением «двух несовместимых идей: с одной стороны, идеи всего или целого, то есть идеи мира, а с другой стороны, идеи неограниченного экстенционального расширения универсума (за счет соположения этого универсума и его частей)» [3, с. 518–519]. Другими словами, под множеством всех множеств понимается такое бесконечное расширение, которое предполагается завершенным. Как комментирует А. В. Родин, «при таком подходе понятие множества всех множеств, то есть универсума, который уже не может быть расширен, оказывается камнем преткновения экстенционалистской теории множеств, приводя к знаменитым “парадоксам” (“антиномиям”), причем не только в рамках наивной теории множеств (есть основания полагать, что именно проблема множества всех множеств довела Кантора до сумасшествия), но и в рамках формальной теории (парадокс Рассела, подорвавший логическую систему Фреге и также спровоцировавший глубокий творческий кризис у ее автора)» [3, с. 518].

Таким образом, несмотря на ценность основанной на экстенциональной установке эпистемологической классике, нельзя забывать, что сама экстенциональная установка в математике и естествознании применяется в значительной степени некритически, как об этом напоминает А. В. Родин [3, с. 522]. Соответственно, неизбежность кризиса классической эпистемологии, завившего о себе сегодня в лице эпистемологической неклассики, была изначально предопределена данным некритическим допущением. Рано или поздно оно должно было принести свои плоды. Но несмотря на произошедшее крушение классики многие исследователи считают, что ее установки не должны быть отвергнуты, что они могут сохранить свою значимость и быть дополнены представлениями неклассики. Такую возможность рассматривает и сам А. В. Родин. В статье «Идея внутренней геометрии» он предпринял попытку построить систему, которая сочетала бы внешнюю установку с внутренней и предполагала бы экстенциональные операции наряду с интенциональными. Возможность такого сочетания двух несовместимых установок достигается путем отказа от их абсолютизации [3, с. 524]. По словам Родина, это была бы «система, которая позволяла бы начинать

¹ Так, «наивная» теория множеств предполагает некоторое множество атомов, т. е. исходных «элементов». В соответствии с принципом экстенциональности такое множество считается заданным именно своими элементами, из которых, как из кубиков, строятся новые множества.

рассуждать, так сказать, с середины...» [3, с. 523]. О возможности преодоления современного кризиса классической эпистемологии высказывается Б. И. Пружинин. Он подчеркивает непреходящее значение субъект-объектного отношения, найденного классической эпистемологией Нового времени, и напоминает, что в классических теориях познания «субъект-объектное отношение фиксирует саму суть научного познания, саму его возможность, так что любая попытка заменить это отношение равносильна претензии на новую классику» [1, с. 235]. По его словам, «с точки зрения классики речь, очевидно, должна была бы здесь идти о достаточно радикальной переинтерпретации субъект-объектного отношения, но именно переинтерпретации» [1, с. 233]. Соответственно, речь не должна идти об отказе от экстенциональной установки как основы субъект-объектного отношения, но лишь о радикальной ее переинтерпретации. И если найденный новоевропейскими первооткрывателями классической эпистемологии экстенциональный подход, отсылающий к понятию актуальной бесконечности как множеству всех множеств, оказался неработающим, то возникает вопрос, может ли он быть другим? С возможностью положительного ответа на этот вопрос связана возможность радикальной переинтерпретации субъект-объектного отношения, заявленной в качестве условия преодоления современного кризиса классической эпистемологии.

Методология и источники. Исследование данного вопроса может быть сегодня облегчено обращением к этапу генезиса новоевропейской науки. С этой целью мы привлекаем как оригинальные работы причастных к генезису науки мыслителей (Декарта, Галилея, Бэкона), так и труды исследователей их вклада в генезис науки (А. Койре, А. В. Ахутина, В. С. Библера, П. П. Гайдено, В. Н. Катасонова, Л. М. Косаревой). На этом основании в статье осуществляется реконструкция и критический анализ неудачных попыток основателей новоевропейской науки (Галилея и Декарта) найти положительное понимание актуальной бесконечности, фундирующей классическую эпистемологию. Основатели науки наверняка уже знали, что классическая эпистемология не может быть в чистом виде и, соответственно, задача совместить классические представления с теми, о которых заявляет сегодня неклассика, так или иначе уже стояла перед ними. А это значит, что возможные пути ее решения в истории философии уже пройдены. И если эти пути действительноходимы, то опыт их преодоления может быть сегодня привлечен и вновь актуализирован. Но фактом является то, что эта проблема так и осталась нерешенной тогда и вновь заявила о себе сегодня. Однако сам этот факт еще не означает, что проблема неразрешима. Он может быть следствием тех или иных посторонних причин. Основатели новоевропейской науки могли оставить данную проблему без рассмотрения по причине некоторых препятствующих этому привходящих обстоятельств, свойственных их эпохе или характерных для современного им интеллектуального уровня. И сегодня можно было бы ожидать, что в изменившихся условиях проблема переинтерпретации классики может быть решена с большим успехом. Такой расклад, кажется, был бы самым разумным для понимания логики развития новоевропейской эпистемологии и наиболее благоприятствующим перспективам преодоления современного кризиса классической эпистемологии. Но если все дело в такого рода привходящих обстоятельствах, то о них должно быть известно в истории науки. Однако, как будет показано далее, история науки не располагает такими сведениями.

Результаты и обсуждение. Из истории науки известно, что легализация новоевропейского проекта математизации физики упиралась в проблему актуальной бесконечности. И Галилей, заявляя о том, что природа написана на языке математики, начал как раз с пересмотра вопроса о допустимости актуальной бесконечности. По замечанию П. П. Гайденко, «Галилей в сущности возвращается к парадоксам Зенона», при этом, «если у Зенона парадоксы призваны были играть разрушительную роль..., то у Галилея дело обстоит иначе» [4, с. 58–59]. Однако такое изменение в отношении к актуально бесконечному произошло не вследствие обнаружения Галилеем некоторого до него никому не известного пути пересмотра апорий Зенона, пересмотра самой проблемы актуальной бесконечности именно как формальной проблемы. Решающую роль в этом вопросе сыграло философское наследие Николая Кузанского, идеи которого были восприняты Галилеем, вероятнее всего, как считает П. П. Гайденко, через Джордано Бруно [4, с. 56].

Господствующее отношение античности к актуальной бесконечности было отрицательным. По Аристотелю, актуально бесконечное не дано ни уму, ни чувствам [5, с. 58–63]. Существенная перемена в отношении к актуальной бесконечности произошла благодаря христианству, вместе с которым в сознание европейской культуры вошла актуально бесконечная сущность, то есть Бог-Творец. Но как бы то ни было, христианский Бог признавался запредельным сотворенному миру, поэтому актуальная бесконечность была лишь апофатической идеей, и сила слов Аристотеля об актуальной бесконечности по большому счету сохранялась. Только Николаю Кузанскому удалось ее отменить. У Кузанского известная всему Средневековью умонепостижимая основа мира – божественное Ничто – становится умопостижимой основой мира – минимумом мира, точкой, в которую ум проецирует бесконечную простоту запредельного миру Бога в ходе «апофатической рефлексии» [6, с. 49]. Бесконечной мощи Творца соответствует бесконечная возможность развертывания этой точки в абсолютный максимум, совпадающий с минимумом, – бесконечность, в которую разворачивается мир, свернутый в точку [6, с. 49]. Точка, совпадающая с бесконечностью, и есть актуальная бесконечность – категория, предполагающая парадоксальное сочетание двух несовместимых понятий – завершенности и полноты (актуальность), и, наоборот, незавершенности и неполноты (бес-конечность). Кузанский устраняет эту парадоксальность как препятствие для мыслимости актуальной бесконечности тем, что разводит ее составляющие – отделяет минимум и максимум мира как его простоту и единство от бесконечного многообразия его незавершенных возможностей. Мир, в котором актуальная бесконечность оказывается мыслима, становится иным миром. Ум, по Кузанскому, свертывает старый мир в точку, которая потом развертывается в бесконечность, как единица развертывается в бесконечный числовой ряд. Таким образом, свертывая старый мир качественных неизмеримых форм, Кузанский развертывает уже иной мир однородных измеримостей. «В максимальном единстве свернуто не только число, как в единице, но все вообще: как в развертывающей единице числе нет ничего, кроме этой единицы, так во всем существующем мы не находим ничего, кроме максимума» [7, с. 64].

В отличие от старого, оформленного в себе мира, в этом новом мире все неполно и незакончено. Каждая вещь из того многообразия, в который развертывается минимум, характеризуется тем, что она не есть все то, чем она может быть. В пределе раскрытия всех

тех возможностей, которые она в себе заключает, являясь развертыванием минимума, она может быть любой другой вещью из бесчисленного многообразия вещей, которые в своей сущности уже не отличаются друг от друга, и таким образом вновь приходят в то единство, из которого они изначально произошли. Так, предельным развертыванием минимума мира становится максимум мира, совпадающий с минимумом.

По словам А. В. Ахутина, в онтологическом проекте Кузанского нетрудно распознать черты новой природы, равно как и нового (новоевропейского) мышления [6, с. 51]. Характерные черты онтологического проекта Кузанского легко узнаваемы в общепринятом понимании прогресса научно-теоретического знания, согласно которому он состоит в том, чтобы охватить все более обширные сферы опыта все более простыми теоретическими принципами [6, с. 53]. В пределе это один принцип, на основе которого объясняется все и который является основанием всего, т. е. тем самым минимумом мира, совпадающим с его максимумом. Но в реальной научной практике исследование начинается с середины и направляется в обе стороны – к минимуму (найти минимальное число принципов) и к максимуму (охватить ими как можно больший класс явлений). При этом экспериментальное испытание природы призвано способствовать такому продвижению в обе стороны. Замысел эксперимента начал проявляться в стремлениях Бэкона методологизировать опыт. Эксперимент, по Бэкону, это не проверка выдвигаемых человеческим умом гипотез, так как сам ум, согласно бэконовскому учению об идолах (идолы человеческого рода), нуждается в исправлении и направлении извне, и правилом для него здесь будет некая вне ума и по своим законам существующая действительность. Этот бэконовский тезис, по мнению Ахутина, есть «одно из основоположений научного естествознания как экспериментального мышления» [6, с. 70]. Явления природы необходимо поставить в такие условия, чтобы в их собственной частности и единичности выступила, выразилась сама природа [6, с. 67]. «О себе самих мы молчим, – говорит Бэкон в предисловии к “Великому восстановлению наук”, – но в отношении предмета, о котором идет речь, мы хотим, чтобы люди считали его не мнением, а делом...» [8, с. 71]. Именно в эксперименте, в стесненном специально созданными условиями состоянии, природа улавливается за самим делом своего раскрытия. Развивая эти представления, Галилей приходит к основному парадоксу эксперимента, который состоит в том, чтобы свести бесконечность в конечное, сосредоточить ее в единичном (но об этом далее).

Однако важной особенностью основанной на онтологическом проекте Николая Кузанского новоевропейской эпистемологии был ее принципиально гипотетический, вероятностный характер. Понятия о максимуме и минимуме мира (которые уже используются в новоевропейском научном мышлении) не даны разуму как таковые, но связаны апофатической рефлексией с отсутствующим в мире божественным Ничто. Ввиду этого прогресс теоретического знания, понимаемый вышеуказанным образом, нельзя расценивать как приближение к этим пределам, от которых его отделяет бесконечность. (Несмотря на это, именно так понимается прогресс познания в рамках представления классической эпистемологии об абсолютной и относительной истине.) В отношении бесконечного отстояния проблема приближения к его пределу обстоит таким образом, что чем ближе приближаешься к нему, тем дальше от него отстоишь. Поэтому в задачу первооткрывателей научного мышления нового типа входило лишь уловить сам принцип действия природы, благодаря которому она

является той природой, которая известна из онтологического проекта Николая Кузанского, т. е. развертыванием абсолютного минимума. А это далеко не та природа, которая лежит перед нами как таковая, и не о ней говорили основатели новоевропейской науки. Они говорили не о действительном мире, а о мире воображаемом. Вот как выражает данную позицию Декарт: «Позвольте... нашему мышлению покинуть на некоторое время пределы этого мира и посмотрите на другой, совершенно новый, который я заставлю родиться в вашем присутствии в воображаемых пространствах... Дав нашей фантазии свободу измыслить эту [заполняющую пространство] материю, припишем последней природу, которая не заключала бы ничего такого, чего не мог бы совершенно ясно понять каждый... Придя благодаря этим [установленным Богом] законам сама собой в порядок, материя наша приняла бы форму весьма совершенного мира, в котором можно было бы наблюдать не только свет, но также и все остальные явления, имеющие место в нашем действительном мире» [9, с. 160–161, 163].

Вместе с тем, как вполне понятно, в качестве «гадательного» предприятия новая наука не могла иметь такого значения для европейской интеллектуальной культуры и человеческой цивилизации в целом, которое она впоследствии получила. Для этого вероятностная концепция естествознания должна была стать положительной наукой (т. е. наукой, описывающей действительный, а не воображаемый мир). На пути к такому преобразению стояла проблема актуальной бесконечности. Из апофатической идеи она должна была стать положительным понятием. Найти возможность такого понимания актуальной бесконечности пытался и сам Декарт. Об идее бесконечности он пишет следующее: «Я не должен считать, будто я не воспринимаю бесконечное с помощью истинной идеи, а воспринимаю его лишь путем отрицания конечного – как я воспринимаю покой и тьму через отрицание движения и света; ибо, напротив, я отчетливо понимаю, что в бесконечной субстанции содержится больше реальности, чем в конечной, и потому во мне некоторым образом более первично восприятие бесконечного, нежели конечного, или иначе говоря, мое восприятие Бога более первично, нежели восприятие самого себя» [10, с. 38].

По мнению историка науки и философии А. Койре, Декарт не только был заинтересован в положительной идее актуальной бесконечности, но и достиг существенных результатов на пути ее утверждения. Так, по словам Койре, «превосходящий Кантора мощью и глубиной своих взглядов, он [Декарт] смог не только утвердить существенную законность актуальной бесконечности и показать невозможность замены ее понятием неопределенного, но и, более того, сделать ее основанием и началом теории конечного» [11, с. 40]. Как утверждает А. Койре, для Декарта «именно бесконечное является первичным и позитивным понятием, так что конечное может быть понято лишь посредством отрицания бесконечного» [11, с. 42].

Однако далеко не все исследователи готовы признать вклад Декарта в решение проблемы положительного понимания актуальной бесконечности. Так, по замечанию Е. В. Малышкина, «французский мыслитель, хотя и утверждает, что бесконечность постигается раньше [несовершенного, конечного] созерцающего, все же развернутая демонстрация этой идеи бесконечности по крайней мере затруднительна» [12, с. 145]. В рассуждениях Декарта можно заметить частое смешение совершенного и несовершенного. Так, по мнению Е. В. Малышкина, «идея бесконечности дана наиболее начальным образом, она есть идея в высшей степени ясная и отчетливая, такая, которая должна бы предшествовать идее cogito

me cogitare, но по каким-то обстоятельствам следует за ней» [12, с. 141]. Все это свидетельствует о том, что бесконечное у Декарта созерцается не непосредственно, а в качестве причины той ясности и отчетливости, с которой мы встречаемся в ясных и отчетливых восприятиях конечных вещей. «Созерцание не обманывается, тогда как созерцающий – несовершенен» [12, с. 141]. Его несовершенство проявляется как конечность. Он способен только к конечным восприятиям, которые есть ограничение бесконечного, но само бесконечное он не способен представлять отчетливо. Как видно, Декарт, по сути, говорит лишь о причастности конечного к бесконечному, а не о положительной идее бесконечного как таковой. Но без последнего не может быть и первого. Поэтому попытки Декарта обосновать идею такой причастности не могут обойтись без порочного круга в обосновании этой идеи. Еще современники Декарта указывали ему на эту проблему. В наши дни об этом еще раз напоминает П. Рикёр. В статье «Кризис cogito» он выявляет порочный круг в обосновании связи конечного и бесконечного. Так, П. Рикёр пишет: «Если в нашем первоначальном сознании исходное и нерасторжимое единство идеи “Я” как конечности и несовершенства и идеи Бога как бесконечности и совершенства, то каким образом может сформироваться исходная уверенность в мнимом неведении относительно такого единства... либо cogito имеет значение основоположения, что, однако, имеет значение бесплодной истины, из которой можно делать какие-либо выводы лишь порвав с порядком доводов разума; либо cogito как ограниченное бытие происходит из идеи совершенства и первая причина утрачивает таким образом свой ореол исходного основания» [13, с. 24–25].

По замыслу Декарта, который он обнаруживает в других своих высказываниях (приведенных выше), cogito как ограниченное бытие и должно было происходить из идеи бесконечности и совершенства, но для этого сама эта идея должна быть ясной и отчетливой. А поскольку ясной и отчетливой является, наоборот, идея cogito, то Декарт и делает ее исходным основанием, но таким, которое якобы уже находится в нерасторжимом единстве с идеей бесконечности и совершенства, а значит, воспринимает его качества (оказывается причастной к бесконечности), а его наделяет своими (ясностью и отчетливостью). Таким образом, в cogito Декарта можно узнать абсолютный минимум Кузанского, который совпадает с максимумом и наделяет его своей простотой и единством. Но у Декарта он из исходной точки развертывания мира, которая не дана в самом бесконечном развертывании конечных форм, якобы становится исходной точкой развертывания рассуждений конечного человеческого ума, оказывается дан ему как его неустранимая опора. Но как бы в том не был заинтересован Декарт, cogito не может быть усовершенствованным аналогом абсолютного минимума, таким, который совпадал бы не только с максимумом (находясь с ним в исходном и нерасторжимом единстве), но также и с конечным человеческим сознанием. Поэтому cogito, как не имеющее причастности к актуальной бесконечности, и оказывается если не вполне бесплодной истиной, то во всяком случае приносит совсем не те плоды, на которые рассчитывал Декарт.

Но и до Декарта уже предпринимались попытки реформировать онтологический проект Николая Кузанского в желательном для развития новоевропейской науки направлении. Если Кузанский определял принципом полноты только божественное бытие-возможность, а во Вселенной ничто было не полно и незакончено, то Бруно говорит, что именно Вселенная «есть все то, чем она может быть, и в ней... действительность не отличается от возможности» [14, с. 275]. По Бруно, мир должен соответствовать всемогуществу Бога.

Затем Галилей в представлении об интенсивном и экстенсивном познании пытается преобразовать соотношение конечного и бесконечного таким образом, чтобы конечное было частью бесконечного. Он сравнивает конечные человеческие возможности познания со знанием Бога и говорит, что человек может знать так же, как и Бог, но только в меньшем количестве. В «Диалоге о двух главнейших системах мира» он утверждает, что «человеческий разум познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа, таковы чистые математические науки, геометрия и арифметика, хотя божественный разум знает в них бесконечно больше истин, ибо он объемлет их все, но в тех немногих, которые постиг человеческий разум, я думаю, его познание по объективной достоверности равно божественному, ибо оно приходит к пониманию их необходимости, а высшей степени достоверности не существует» [15, с. 201]. Это значит, что если Бог знает все истины, то мы можем знать только некоторые из них, которые при этом являются пусть и ничтожно малой, но все же частью известных Богу истин. Можно иллюстрировать этот тезис Галилея высказыванием Августина, по словам которого Бог может созерцать весь бесконечный числовой ряд сразу.¹ Это и будет знание Бога, недоступное человеку. Знанию человека в этом бесконечном числовом ряду может быть доступна пусть и очень большая (по человеческим меркам), но все же всегда конечная числовая последовательность. Но при этом такая последовательность, по Галилею, является частью самого бесконечного числового ряда, выделяется в нем же самом, т. е. качественно это то же самое, тот же самый ряд, но только в меньшем количестве. Так или примерно так Галилей пытался преобразовать общепринятое представление о соотношении конечного и бесконечного, согласно которому конечное и бесконечное различаются именно качественно, причем различаются принципиально. Эта идея Галилея нашла отражение в свойственном ему пониманию эксперимента, суть которого сводилась для него к тому, чтобы вместить бесконечное в конечное. В «Беседах» Галилея можно встретить парадоксальные математические эксперименты, как бы открывающие бесконечность конечных форм [17, с. 494–503]. Галилей считал, что специальных экспериментальных условий достаточно, чтобы преобразовать физическое в математическое, сделать первое количественно измеримым, представить его как часть бесконечного числового ряда, в который оно разворачивается из простоты единицы. По словам Р. Е. Баттса, Галилей хотел, «чтобы то, что мы наблюдаем как результат экспериментов, считалось бы реальным, но в то же время он хотел, чтобы эта реальность была математической» [18, с. 61–62]. Баттс определяет философскую (онтологическую и гносеологическую) задачу Галилея как необходимость показать, «что опыт, который возникает в эксперименте, суть опыт математический, т. е. допускающий математическое, количественное выражение» [19, с. 119]. Таким образом, Галилей пытался опустить математическое «небо» на «землю» эмпирической действительности. Но даже если существующее в физическом мире, по Кузанскому, и представляет собой разворачивание минимума как простоты единицы, но здесь (в мире) оно уже утратило эту простоту и может вновь вернуться к ней лишь в абсолютном максимуме, когда станет всем тем, чем оно может быть, когда «все будет во всем», что, однако, недостижимо, исходя из самого бесконечного процесса разворачивания конечных

¹ Эту мысль Августин высказывает в кн. 12 «О Граде Божиим», в гл. XVIII, которая имеет название «Против тех, которые говорят, что бесконечное не может быть обнято даже божественным ведением» [16, с. 269].

форм. Это показал еще Зенон Элейский, впервые исследовавший возможность преобразования физического в математическое, или делимого в неделимое. По Зенону, все, что существует в физическом мире, имеет величину, а величина по определению (впервые данному Зеноном)¹ всегда делима. Неделимой является единица. Она обладает природой неделимого Единого. Зенон инициирует дихотомическое деление целой величины с целью исследования вопроса о возможности превращения делимой протяженности в неделимую единицу. Название этого процесса носит апория Зенона «Дихотомия». Другая его апория – «Ахиллес и черепаха» – принципиально не отличается от «Дихотомии» [21, с. 279]. Ф. Х. Кессиди показывает, как решение трудности, заключенной в атории «Стрела», также переходит в аторию «Дихотомия» [21, с. 283].

Обращение к методу рассуждения от обратного позволило тогда Зенону допустить, что актуальная бесконечность реализуема. В пределах рассуждения от обратного он допускал, что весь путь, уже пройденный телом в ходе его эмпирического движения, может быть пройден также и в ходе бесконечно возобновляющегося дихотомического деления, из чего бы следовало, что физическая природа, представленная целой (конечной) величиной, изменилась и из конечной стала актуально бесконечной, из природы делимой стала природой, состоящей из неделимых, т. е. из физической стала математической. И хотя Зенон рассуждал здесь от обратного и по замыслу такого рассуждения его итог должен был свидетельствовать, что изменения конечной физической природы не происходит, однако он столкнулся именно с изменением, только основанием для него стала не актуальная, а потенциальная бесконечность. Это изменение зафиксировано апорийным итогом рассуждений Зенона, когда оказалось, что уже пройденный телом путь не может быть им пройден.

Таким образом, в своем исследовании Зенон не нашел ответа на вопрос, как возможно преобразование делимого в неделимое. Значимость полученных Зеноном результатов остается в силе и применительно к задаче Галилея. Несмотря на то, что, по Галилею, специально организованный эксперимент становится тем местом, где такое преобразование происходит, по итогам анализа его аргументации в пользу этого утверждения Баттс заключает, что «его вера в то, что, используя геометрические истины, человеческое понимание становится идентичным пониманию Бога, осталась без обоснования... а его аргумент, будто математика приложима к миру, был скорее метафизической верой, чем безупречным философским выводом» [19, с. 127]. Трактую вклад Галилея в науку, автор подчеркивает, что «его философская программа была пропагандистской и соответственно логически неупорядоченной» [19, с. 118]. Впоследствии позиция Галилея была откорректирована в вероятностной концепции естествознания. Но несмотря на то, что положительное понимание актуально бесконечного так и не было найдено, вероятностная концепция естествознания, возникшая именно в силу отсутствия такого понимания, просуществовала в истории новоевропейской науки очень недолго и уступила место положительной науке. Касаясь этого эпизода, историки науки затрудняются с разъяснением возможности такого перехода. Так, Л. М. Косарева констатирует

¹ Оно сохранилось у Аристотеля: «В самом деле, если прибавление чего-то к вещи не делает ее больше и отнятие его от нее не делает ее меньше, то, утверждает Зенон, это нечто не относится к существующему, явно полагая, что существующее – это величина, а раз величина, то и нечто телесное: ведь телесное есть в полной мере сущее; однако другие величины, например плоскость и линия, если их прибавлять, в одном случае увеличивают, а в другом нет; точка же и единица не делают этого никоим образом» [20, с. 75–76].

присутствие стихийных эффектов в качестве движущих сил этого события. Она утверждает, что невиданный успех ньютоновства породил эффект его догматизации, хотя сам Ньютон никогда не считал свою концепцию тяготения достоверным знанием в аристотелевском смысле [22, с. 217]. Невозможность указать на основания перехода от вероятностной концепции естествознания к положительной науке в каком-то смысле обесценивает эту проблему для исследователей, поэтому большинство из них вовсе обходят ее вниманием. Акцентируя этот пробел в истории и философии науки, Л. М. Косарева указывает на ошибочность распространенного мнения об эссенциалистском характере гносеологии XVII в., о ее онтологизме, – мнения, отраженного, в частности, в схеме развития форм самосознания науки И. В. Блауберга, Э. Г. Юдина, Б. Г. Юдина, – и указывает на его причины. Такими причинами стали: 1) отсутствие различения двух понятий, характеризующих научное знание, – точности и достоверности; 2) экстраполяция утверждений Декарта, Локка, Лейбница, касающихся достоверности математического знания на область физического знания [22, с. 215].

Затруднение исследователей в этом вопросе понятно. Ведь современники стихийно произошедшего перехода от вероятностной эпистемологии к положительной науке не высказывались по этому поводу, иначе такого перехода могло бы не произойти. Но, с другой стороны, без понимания путей такого перехода остается открытой и сама проблема генезиса новоевропейской науки. Современные историки науки подчеркивают, что в исследованиях генезиса новоевропейской науки невозможно указать единичного, четко очерченного и исторически связанного события конца XVI – начала XVII вв., которое стало столь революционным и решающим, что радикально и бесповоротно изменило представления людей о природе и методы получения знаний о ней [23, с. 78]. Таким беспрецедентным в истории событием и должно было быть обретение положительной идеи актуальной бесконечности. Но этого события как раз и не случилось. Вместо него произошло подспудное и неоправданное допущение актуальной бесконечности, положительное понимание которой так и не было найдено. Однако такая подмена тогда не выглядела проблематично. И решающую роль в затушевывании ее проблематичности сыграл сам факт эффективности и успешности математического естествознания. Он продолжает ее играть и по сегодняшний день. Логика здесь такова. Если математическое естествознание оказалось работающим, значит, оно имеет под собой какие-то основания, даже если мы их не знаем [24]. Это соображение побуждает сегодня искать это неизвестное и воодушевляет на его поиски, невзирая ни на какие несовместимые с искомым реалии, зафиксированные неклассической эпистемологией. Примером этому может служить позиция Б. И. Пружинина, о которой было сказано выше. С другой стороны, наоборот, если математическое естествознание оказалось работающим, являясь при этом безосновательным, т. е. не имеющим того основания (положительное понимание актуальной бесконечности), которое оно должно было иметь по самой своей сути, то это может служить поводом для пересмотра именно этой сути.

Такой пересмотр и проводится в рамках неклассической эпистемологии. Он не может не настораживать исследователей, ведь речь здесь идет ни больше, ни меньше – о пересмотре самого европейского типа мышления, высшим развитием которого стала классическая эпистемология XVII в., основанная на идее актуальной бесконечности. Примером того, какие перемены влечет за собой признание безосновательности математического естествознания, дает

К. Мейясу. Он ссылается на теорию множеств Г. Кантора, который решал ту же проблему положительного понимания актуальной бесконечности, что и первооткрыватели новоевропейского естествознания. Но вместо ее решения он столкнулся с ее неразрешимостью. Одним из плодов вклада Кантора в разработку проблемы актуальной бесконечности стало обнаружение нетотализируемого трансфинитного (потенциально бесконечного) на месте искомой актуальной бесконечности и вместо нее. Нетотализируемое трансфинитное Мейясу признает абсолютом, который есть не что иное, как крайняя форма хаоса, гипер-Хаос, поддерживаемый принципом неоснования, или не-Все как абсолютизация нетотализируемого трансфинитного (потенциально бесконечного) [25, с. 91, 94, 165]. При этом такой абсолютом, по сути, переворачивающий основы западноевропейской философии,¹ остается математически мыслимым. Так, по словам А. Бадью, значимость теории множеств Кантора в том, что «она раскрывает математическую мыслимость детотализации бытия-как-такового» [26, с. 560]. Другими словами, математизированная физика остается работающей, хотя и не на том основании, которое полагали ее первооткрыватели.

Несмотря на экстравагантность подобных взглядов, следует поставить вопросы, могут ли они быть альтернативой классики, насколько они вписываются в историю новоевропейской науки в качестве ее закономерного итога, соответствуют ли логике ее развития от XVII до XXI в.? Из проведенного в статье обращения к генезису новоевропейской науки можно было видеть, что проблема положительного понимания актуальной бесконечности (от решения которой зависела возможность классической эпистемологии) была поставлена, но не была решена создателями новоевропейской науки на этапе ее генезиса. Классическая эпистемология, основанием которой должна была быть актуальная бесконечность, утвердилась в новоевропейской науке при неясных обстоятельствах, которые ничего не говорят ни о путях, следуя по которым создатели науки пришли тогда к возможности ее утверждения, ни о привходящих, посторонних обстоятельствах, которые могли тогда им препятствовать. Однако из обстоятельств утверждения классической эпистемологии в новоевропейской науке ясно, что актуальная бесконечность вошла тогда в новоевропейскую науку вследствие неоправданного допущения, каковое явилось не ошибкой, которую можно признать через три сотни лет (как в случае неклассической эпистемологии) или которую можно попытаться исправить (как в случае с защитниками классики), а началом некоторого объективного процесса, закономерным итогом которого становится обнаружение потенциальной бесконечности (нетотализируемого трансфинитного) на месте неоправданно допущенной актуальной бесконечности. И впервые эту закономерность выявил еще Зенон Элейский.

В завершение хотелось бы дополнить рассмотрение проблемы актуальной бесконечности кратким обзором ее состояния в новоевропейской математике. Здесь, так же, как и в новоевропейской теории познания, возникла потребность в признании актуальной бесконечности, но так же, как и там, отсутствовала возможность сделать это обоснованно

¹ По Мейясу, одним из следствий такого рода переворота основ западноевропейской философии становится возможность дать окончательные ответы на все старые вопросы метафизики. «Нужно понимать, – заявляет он, – что на метафизические вопросы, в которых спрашивается, почему нечто есть так, а не иначе, ответ “просто так” – подлинный ответ... И открыть, благодаря этому факту, что такие вопросы действительно были вопросами, и к тому же превосходными. Нет больше тайны, но не потому, что нет проблемы, а потому что больше нет основания» [25, с. 164].

и открыто. Появилось понятие бесконечно малой величины. Причем одни считали ее потенциальной, а другие актуальной. И с этих пор вопрос об актуальности или потенциальности бесконечно малой остается дискуссионным [27, с. 41]. Хотя многие считают эту дискуссию законченной в пользу потенциального бесконечно малого [28, с. 281–283]. Так, Эйлер категорически отрицает «законченную бесконечность». Однако логика математических операций с бесконечно малыми часто заставляет его сомневаться в единственности потенциального вида бесконечности. Он указывает на противоречия, вытекающие как из признания бесконечного числа, так и из его отрицания [29, с. 87–88]. «Классические математики, – отмечается в книге Н. Бурбаки, – тщательно избегали вводить в свои рассуждения “актуальную бесконечность” (т. е. множества, содержащие бесконечное число объектов, рассматриваемые как существующие, по крайней мере мысленно, одновременно) и довольствовались “потенциальной бесконечностью”» [30, с. 326]. Именно эта точка зрения давала возможность «развить большую часть классической математики», хотя и содержала некоторую долю лицемерия» [30, с. 327], поскольку фактически в математике уже давно использовали актуальную бесконечность [30, с. 326]. Математическим обоснованием бесконечно малой явилась созданная О. Л. Коши теория пределов. Она стала средством оперирования с бесконечно малым и давала практические результаты. Однако теория предела не дала разрешения общих проблем, в частности вопроса о существовании актуальной бесконечности, и споры об актуальности или потенциальности бесконечно малого и бесконечно большого продолжались. Так, К. Вейерштрасс понимал сумму бесконечно многих положительных слагаемых как законченную сумму, т. е. как актуальную бесконечность, а не как предел, но его критиковал за это Г. Фреге [31, с. 154]. В целом, отрицание актуальной бесконечности было, по замечанию Бурбаки, «еще долго в XIX веке... почти повсеместно принятой догмой» [30, с. 327]. Только Кантор решился на признание актуальной бесконечности и ее широкое использование в математике. Его вклад в развитие математики был охарактеризован в книге Бурбаки как «канторовская революция» [Там же]. Но о последствиях этого канторовского начинания было упомянуто выше. Обнаружение парадоксов в теории множеств Кантора положило начало третьему кризису оснований математики.

Заключение. Таким образом, в развитии проблемы актуальной бесконечности следует различать ее рецепцию историей философии от объективной закономерности ее развития, состоящей в том, что неоправданное допущение реализации актуальной бесконечности ведет к обнаружению вместо нее бесконечности потенциальной. Логика этой закономерности и была воспроизведена в истории новоевропейской эпистемологии. Благодаря ей математическое естествознание действительно оказалось возможно, только не на том основании, которое полагали сами его создатели (актуальная бесконечность), а на производном от него (потенциальная бесконечность). Это обстоятельство должно стать перспективным ресурсом для пересмотра проблемы соотношения классической и неклассической эпистемологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пружинин Б. И. Неклассическая эпистемология: взгляд из классики // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Миръ, 2009. С. 230–248.

2. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010.

3. Родин А. В. Идея внутренней геометрии // Математика и опыт / под ред. А. Г. Барабашева. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 502–545.
4. Гайденок П. П. К вопросу о генезисе новоевропейской науки // Философия науки. 1998. Вып. 4. С. 52–60.
5. Аристотель. Физика / пер. с греч. и примеч. В. П. Карпова. М.: КомКнига, 2007.
6. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988.
7. Кузанский Н. Об ученом незнании / пер. с лат. В. В. Бибикина. М.: Академический проект, 2011.
8. Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. С. 57–84.
9. Декарт Р. Космология. Два трактата / пер. С. Ф. Васильева. М.; Л.: ГТТИ, 1934.
10. Декарт Р. Размышления о первой философии // Соч.: в 2 т. / пер. с лат. и фр. Т. II. М.: Мысль, 1994.
11. Койре А. Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий / пер. с фр. Я. А. Ляткера. М.: Прогресс, 1985.
12. Малышкин Е. В. Две метафоры памяти. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011.
13. Рикёр П. Кризис Cogito / пер. О. В. Мачульской // Бессмертие философских идей Декарта: материалы междунар. конф., посвященной 400-летию со дня рождения Р. Декарта. М.: ИФРАН, 1997. С. 14–31.
14. Бруно Дж. Диалоги / пер. с итал. М.: Госполитиздат, 1949.
15. Галилей Г. Диалог о двух системах мира / пер. А. И. Долгова // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1964.
16. Блаженный Августин. О Граде Божиим / репр. воспроизведение изд.: Киев, 1905–1910. Т. II. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. ставропигиал. монастыря, 1994.
17. Библер В. С. Галилей и логика мышления Нового времени // Механика и цивилизация XVII–XIX вв. М.: Наука, 1979. С. 448–518.
18. Butts R. E. Some tactics in Galileo's propaganda for the mathematization of scientific experience // *New perspectives on Galileo*. Vol. 14. Dordrecht: Springer, 1978. P. 59–85. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-009-9799-8_2.
19. Баттс Р. Е. Тактика пропаганды Галилея в пользу математизации научного опыта // Методологические принципы современных исследований развития науки (Галилей) / отв. ред. Л. М. Косарева. М.: ИНИОН, 1989. С. 114–128.
20. Аристотель. Метафизика / пер. с древне-греч. А. Кубицкого. М.: Изд-во АСТ, 2022.
21. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003.
22. Косарева Л. М. Рождение науки нового времени из духа культуры. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.
23. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Прогресс-Традиция, 2017.
24. Катасонов В. Н. Концепция актуальной бесконечности как «научная икона» Божества // Христианство и наука: XII междунар. Рождественские образовательные чтения: сб. докладов конф. М., 2004. URL: http://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel2/2-10_v.n.katasonov_koncepcija_aktualnoj_beskonechn.htm (дата обращения: 14.09.2022).
25. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
26. Badiou A. *L'être et l'événement*. Paris: Ed. du Seuil, 1988.
27. Выгодский М. Я. Основания исчисления бесконечно-малых. М.; Л.: Огиз – Гос. науч.-техн. изд-во, 1931.
28. Юшкевич А. П. История математики. Т. 2: Математика XVII столетия. М.: Наука, 1970.
29. Эйлер Л. Дифференциальное исчисление / пер. с лат. М. Я. Выгодского. М.; Л.: ГИТТЛ, 1949.

30. Бурбаки Н. Теория множеств. Кн.1. / пер. с фр. Г. И. Поварова, Ю. А. Шихановича. М.: Мир, 1965.

31. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Bd. II. Jena: Verlag von Hermann Pohle, 1903.

Информация об авторе.

Филатова Мария Игоревна – кандидат философских наук (2013), преподаватель кафедры философии Курской государственной сельскохозяйственной академии им. И. И. Иванова, ул. Карла Маркса, д. 70, Курск, 305021, Россия. Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: онтология и теория познания, философия науки.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 28.06.2022; принята после рецензирования 26.10.2022; опубликована онлайн 24.04.2023.*

REFERENCES

1. Pruzhinin, B.I. (2009), "Non-classical epistemology: a look from the Classics", *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Postnonclassics: philosophy, science, culture], Mir, SPb., RUS, pp. 230–248.

2. Mamardashvili, M.K. (2010), *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality], Azbuka, SPb., RUS.

3. Rodin, A.V. (2003), "The idea of internal geometry", *Matematika i opyt* [Mathematics and experience], in Barabashev, A.G. (ed.), Izd-vo MGU, Moscow, RUS, pp. 502–545.

4. Gaidenko, P.P. (1998), "On the question of the genesis of New European science", *Philosophy of science*, iss. 4, pp. 52–60.

5. Aristotel' (2007), *Physics*, Transl. by Karpov, V.P., KomKniga, Moscow, RUS.

6. Akhutin, A.V. (1988), *Ponyatie "priroda" v antichnosti i v Novoe vremya* ("fysis" i "natura") [The concept of "nature" in antiquity and in modern times ("fysis" and "nature")], Nauka, Moscow, USSR.

7. Cusanus, N. (2011), *De Docta Ignorantia*, Transl. by Bibikhin, V.V., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.

8. Bacon, F. (1971), *Instauratio Magna Scientiarum, Works in 2 vol.*, vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, p. 57–84.

9. Descartes, R. (1934), *Le monde ou traite de la Lumiere. La description du corps humain. De la Formation de l'animal*, Transl. by Vasil'ev, S.F., GTTI, Moscow, USSR.

10. Descartes, R. (1994), *Meditationes de prima philosophia*, in 2 vol., vol. 2, Transl., Mysl', Moscow, RUS.

11. Koyre, A. (1985), *Etudes d'Histoire de la Pensee philosophique*, Transl. by Lyatker, Ya.A., Progress, Moscow, USSR.

12. Malyshkin, E.V. (2011), *Dve metafory pamyati* [Two metaphors of memory], Izd. dom SPbGU, SPb, RUS.

13. Ricoeur, P. (1997), "The Crisis of the "Cogito"", *Bessmertie filosofskikh idej Dekarta* [Immortality of Descartes' philosophical ideas], RAS Institute of Philosophy, Moscow, RUS, pp. 14–31.

14. Bruno, G. (1949), *Dialogi* [Dialogues], Transl., Gospolitizdat, Moscow, USSR.

15. Galilei, G. (1964), "Dialogo", Transl. by Dolgov, A.I., *Opere Scelte*, in 2 vol., vol. 1, Nauka, Moscow, USSR.

16. Sanctus Aurelius Augustinus (1994), *De Civitate Dei*, vol. II, Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo Stavropigial'nogo monastyrja, Moscow, RUS.

17. Bibler, V.S. (1979), "Galileo and the Logic of Modern Thinking", *Mekhanika i tsivilizatsiya XVII–XIX vv.* [Mechanics and civilization of the XVII–XIX centuries], Nauka, Moscow, USSR, 448–518.

18. Butts, R.E. (1978), "Some tactics in Galileo's propaganda for the mathematization of scientific experience", *New perspectives on Galileo*, vol. 14, Springer, Dordrecht, ND, pp. 59–85. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-009-9799-8_2.

19. Butts, R.E. (1989), "Some tactics in Galileo's propaganda for the mathematization of scientific experience", *Metodologicheskie printsipy sovremennykh issledovaniy razvitiya nauki (Galilei)*

[Methodological principles of modern research on the development of science (Galileo)], in Kosarev, L.M. (ed.), INION, Moscow, USSR, pp. 114–128.

20. Aristotel' (2022), *Metaphysics*, Trans. by Kubitsky, A., AST Publishing House, Moscow, RUS.
21. Kessidi, F.Kh. (2003), *Ot mifa k logosu: stanovlenie grecheskoi filosofii* [From Myth to Logos: The Making of Greek Philosophy], Aleteiya, SPb., RUS.
22. Kosareva, L.M. (1997), *Rozhdenie nauki novogo vremeni iz dukha kul'tury* [The birth of modern science from the spirit of culture], In-t psikhologii RAN, Moscow, RUS.
23. Agazzi, E. (2017), *Scientific objectivity and its contexts*, Transl. by Lakhuti, D.G., Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
24. Katasonov, V.N. (2004), "The concept of actual infinity as a "scientific icon" of the Deity", *Khristianstvo i nauka: XII mezhdunar. Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya* [Christianity and Science: XII Intern. Christmas Educational Readings], Moscow, RUS, available at: http://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel2/2-10_v.n.katasonov_koncepcija_aktualnoj_beskonechn.htm (accessed 14.09.2022).
25. Meillassoux, K. (2015), *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*, Transl. by Medvedeva, L., Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Moscow, RUS.
26. Badiou, A. (1988), *L'etre et l'evenement*, Ed. du Seuil, Paris, FRA.
27. Vygodskii, M.Ya. (1931), *Osnovaniya ischisleniya beskonечно-malykh* [Foundations of the calculus of infinitesimals], Ogiz – Gos. nauch.-tekhn. izd-vo, Moscow, Leningrad, USSR.
28. Yushkevich, A.P. (1970), *Istoriya matematiki. Vol. 2. Matematika XVII stoletiya* [History of mathematics. Vol. 2. Mathematics of the 17th century], Nauka, Moscow, USSR.
29. Euler, L. (1949), *Vollständige Anleitung zur Differential-Rechnung*, Transl. by Vygodskii, M.Ya., GITTL, Moscow, Leningrad, USSR.
30. Bourbaki, N. (1965), *Theorie Des Ensembles. Livre I*, Transl. by Povarov, G.I., Shikhanovich, Yu.A., Mir, Moscow, USSR.
31. Frege, G. (1903), *Grundgesetze der Arithmetik*, bd. II, Verlag von Hermann Pohle, Jena, GER.

Information about the author.

Maria I. Filatova – Can. Sci. (Philosophy, 2013), Lecturer at the Department of Philosophy, Kursk State Agricultural I.I. Ivanov Academy, 70 Karl Marx str., Kursk 305021, Russia. The author of 25 scientific publications. Area of expertise: ontology and theory of knowledge, philosophy of science.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 28.06.2022; adopted after review 26.10.2022; published online 24.04.2023.*

Оригинальная статья

УДК 1.11.115

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-22-34>

О темпорализации отчаяния в экзистенциальной философии и в поэзии имажинизма

Наталья Викторовна Серова

*Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия,
nvserova72@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-8242>*

Введение. Трагические времена испытаний начала XX в. мотивировали философов-экзистенциалистов и поэтов-имажинистов к поиску темпорального значения отчаяния в жизни людей. Осмысляя природу отчаяния, философы приходят к выводу о его зарождении в душе в момент подчинения человеческой темпоральности объективному времени как причине неизбежных потерь. Освобождение от его власти начинается с обращения человека к ценностному содержанию собственной темпоральности. Слово-образ связывает отчаяние с настоящим мгновением времени в составе человеческой темпоральности и вне объективного времени. Выявляя особенности темпорализации отчаяния в поэзии имажинистов, автор предполагает, что слово-образ изменяет экзистенциальную установку отчаявшегося человека, придавая ценность его темпоральной экзистенции.

Методология и источники. Методологической основой работы являются герменевтический подход в осмыслении понятия «отчаяние», концептуальный анализ термина «слово-образ», метод компонентного анализа языковых единиц с темпоральным значением и сравнительный анализ интерпретаций темпорализации отчаяния в философии экзистенциалистов и в поэзии имажинистов.

Результаты и обсуждение. Результатами изучения проблемы темпорализации отчаяния стали следующие выводы: во-первых, отчаяние может быть следствием вовлечения надеющегося человека в объективное время и частью субъективного времени отчаявшегося человека; во-вторых, отчаяние ведет человека не только к утрате, но и к поиску ценностей в противостоянии объективного и субъективного времен; в-третьих, в философии темпорализация отчаяния понимается как переход от временного переживания к вневременному понятию, а в поэзии выражается вневременностью самого переживания; в-четвертых, в философии смысл отчаяния раскрывается во временной последовательности потерь, а в поэзии слово-образ кладет предел потерям, что возвращает отчаявшегося человека к ценностям и способствует коррекции его темпоральной экзистенции.

Заключение. В техногенную эпоху сфера действия объективного времени расширяется и подчиняет своим ритмам темпоральность человека, приводя его к отчаянию. Экзистенциалисты рассматривают темпорализацию как способ выявления подлинного смысла отчаяния, а имажинисты применяют ее, чтобы человек иначе пережил это чувство и по-иному выстроил свою темпоральную экзистенцию.

Ключевые слова: человек, темпорализация отчаяния, философы-экзистенциалисты, поэты-имажинисты, слово-образ, объективное время

Для цитирования: Серова Н. В. О темпорализации отчаяния в экзистенциальной философии и в поэзии имажинизма // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 22–34. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-22-34.

© Серова Н. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Existential Philosophy and Poetry Imaginism about the Temporalization of Despair

Natalya V. Serova

*Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia,
nvserova72@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-8242>*

Introduction. The tragic times of trials at the beginning of the 20th century motivated existentialist philosophers and imaginists poets to search for the temporal meaning of despair in people's lives. Philosophers comprehended the nature of despair, and came to the conclusion about its origin in person's soul at the moment of subordination of human temporality to objective time as the cause of inevitable losses. Liberation from its power begins with the person's turn to the value content of their own temporality. The word-image connects despair with the present moment of time as part of human temporality and outside of objective time. Revealing the features of the temporalization of despair in imaginists poetry, the author suggests that the word-image changes the existential attitude of a desperate person, giving value to their temporal existence.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is a hermeneutic approach to understanding the concept of "despair", a conceptual analysis of the term "word-image", a method of component analysis of language units with temporal meaning and a comparative analysis of the interpretations of the temporalization of despair in existentialist philosophy and imaginist poetry.

Results and discussion. The results of studying the problem of the temporalization of despair are the following conclusions. Firstly, despair may be a consequence of the involvement of a person who hopes, into objective time or part of the subjective time of a desperate person. Secondly, despair may lead a person not only to losses, but also to the search for values in the confrontation of objective and subjective times. Thirdly, the temporalization of despair is understood as a transition from a temporary experience to a timeless concept in philosophy and is expressed by the timelessness of this experience in poetry. Fourth, in philosophy the meaning of despair is revealed in the temporal sequence of losses, and the word-image puts a limit to losses in poetry, which returns a desperate person to values and contributes to the correction of their temporal existence.

Conclusion. The scope of objective time expands in the technogenic epoch and subordinates a person's temporality to its rhythms, leading them to despair. Existentialists consider temporalization as a way to reveal the true meaning of despair, and imaginists use it so that a person experiences this feeling differently and builds their temporal existence in a different way.

Keywords: person, temporalization of despair, existentialist philosophers, imaginist poets, word-image, objective time

For citation: Serova, N.V. (2023), "Existential Philosophy and Poetry Imaginism about the Temporalization of Despair", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 22–34. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-22-34 (Russia).

Введение. В трагические времена испытаний отчаяние завладевает человеком, пытающимся выстоять перед ударами судьбы. Видя его бедственное положение, философы-экзистенциалисты выявляют причины и последствия отчаяния, а поэты-имажинисты описывают то, как его порождает потери, разлуки, неудачи и как надежда спасает от него. Они

видят выход из фатальной для человека ситуации в слове: философский термин раскрывает природу отчаяния, а поэтическое слово помогает пережить его по-иному. Подобным воздействием обладает слово-образ, в котором представители имажинизма видели не только средство выражения мысли, но и самостоятельную цель поэзии [1, с. 113]. Особенностью темпорализации отчаяния посредством слова-образа является то, что оно соотносится с настоящим моментом субъективного времени.

Актуальность проблемы темпорализации отчаяния объясняется ростом влияния технического мира и, как следствие, увеличения доли объективного времени в темпоральной экзистенции современного человека. Выработав привычку ориентироваться на его количественные измерения, человек вовлекается в деперсонифицированный мир техники и подчиняется его ритмам. Определяя жизненные ориентиры, объективное время постепенно разрушает человеческую темпоральность, и человек смиряется с потерей гуманизирующих мир нравственных ценностей [2]. Крах надежд на очеловечивание мира в начале XX в. впервые приобрел массовый характер, а трагедии людей не могли оставить равнодушными ни экзистенциалистов, ни имажинистов. Отчаяние стало темой их творчества и образом жизни, определив отношение к самим себе в исторической эпохе. Сегодня изучение опыта темпорализации отчаяния может стать условием предотвращения объективации как дегуманизации человеческой темпоральности.

Целью данной работы является понимание значения экзистенциального опыта темпорализации отчаяния в произведениях экзистенциалистов и имажинистов для коррекции темпоральной экзистенции отчаявшегося человека. Исполнение предлагаемой цели определяют следующие задачи: во-первых, рассмотреть особенности выражения времени в литературном произведении как условия формирования и преобразования темпоральности человека; во-вторых, раскрыть содержание философской категории «отчаяние» и показать его влияние на темпоральную экзистенцию человека; в-третьих, выявить особенности темпоральной лексики поэзии имажинистов, применяемой в темпорализации отчаяния посредством слова-образа; в-четвертых, показать возможности коррекции темпоральной экзистенции отчаявшегося человека на материале экзистенциальной философии и поэзии имажинизма.

Научная новизна работы состоит в проведении сравнительного анализа темпорализации отчаяния в произведениях экзистенциалистов и имажинистов, определении роли слова-образа в коррекции темпоральности отчаявшегося человека, а также в сочетании метафорических и логических средств в достижении поставленной цели и обосновании полученных результатов.

Методология и источники. В процессе изучения проблемы темпорализации отчаяния был применен герменевтический метод к интерпретациям категории «отчаяние» в философских текстах и выявлены различия. Проведение концептуального анализа понятия «слово-образ» позволило выявить особенности темпорализации отчаяния в поэзии имажинизма, а применение метода компонентного анализа языковых единиц с темпоральным значением привело к установлению ее неоднородности в стихах его представителей. Произведен анализ философских текстов по проблеме переживания человеком отчаяния для выявления

наиболее характерных для него черт (С. Кьеркегор, Л. Шестов, Дж. Аруси¹), философских трудов, посвященных вопросам темпорализации переживания в поэтическом произведении (П. Рикёр), и произведений поэтов-имажинистов (В. Шершеневич, С. Есенин, Р. Ивнев).

Результаты и обсуждение. Техногенная эпоха порождает все новые способы подавления гуманистических ориентаций человека, оборачиваясь для него источником личных потерь. Признавая некоторое превосходство техники над собой, он отчаивается и отступает от избранного им курса на очеловечивание мира. Понимая суть мотивирующего его отчаяния, человек вынужден отказаться от самого себя или возвратиться к себе. Примером погружения в многообразное переживание отчаяния стало творчество имажинистов, раскрывающих его суть в процессе темпорализации, чтобы читатель ощутил его как содержание своей темпоральной экзистенции. Воплощение отчаяния в поэтическом произведении отличается от его осуществления в действительности через поступок [3] тем, что оно разворачивается не в объективном времени фактов, а в языковом времени текста, представленном «рядом лексико-грамматических единиц с темпоральным значением» [4, с. 9].

В герменевтической концепции П. Рикёра внутреннее время текста или конфигурированное время является одним из трех уровней темпорализации в поэтическом произведении, связующим префигурированное время или временной опыт переживаний автора и рефигурированное время или временной опыт переживаний читателя. Проведение различия между действием вещей и человеческим действием составляет суть префигурированного или хронологического времени повествования о событиях и их участниках. «На этом предпонимании, общем для поэта и читателя, и базируется построение интриги, а с ним и текстуальная и литературная миметичность» [5, с. 79]. Конфигурированное или нехронологическое время рассказа разрушает представление о линейном и дискретном характере повествования, способствует соединению разделенных событий и формирует единую рассказанную историю. В этом П. Рикёр увидел суть времени поэтического произведения, которое «раскрывается слушателю или читателю в способности истории быть прослеживаемой» [5, с. 82] от начала и до конца развития сюжета. В результате актуализации рассказанной истории в интерпретации читателя в его собственной темпоральной экзистенции реализуется рефигурированное время. Природой конфигурированного времени определяются особенности темпорализации переживания в поэтическом произведении, состоящие в разнообразной множественности определяемых текстом временных уровней. В изучении проблемы темпорализации отчаяния в поэзии имажинистов будем исходить из лексических, семантических и грамматических особенностей текстов и покажем, как с их помощью нехронологическое время текста преобразует хронологически ориентированное время жизни отчаявшегося человека.

В философском тексте темпорализация предполагает преобразование чувственного переживания в понятие об отчаянии путем выявления его существенных черт. В этом направлении проходили поиски С. Кьеркегора, Л. Шестова, А. Камю и Дж. Аруси. Описываемое

¹ Аруси Дж. – профессор, ст. научный сотрудник библиотеки Хонг Кьеркегора в Колледже Святого Олафа в Нордфиле, штат Миннесота, автор работ «Диалектическое Я: Кьеркегор, Маркс и становление современного субъекта», «Свобода и темпоральность отчаяния», «Этическое обоснование политики: почему Кьеркегор нуждается в Марксе».

в работах С. Кьеркегора отчаяние присутствует в каждом мгновении эстетической экзистенции человека, неспособного совершить выбор в многообразии мира и терпящего потери. Отчаяние переживается человеком как страх перед будущими переменами и недоверие к открывающимся перед ним возможностям. С. Кьеркегор проводил различие между истинным отчаянием, когда человек становится независимым от внешнего мира и обретает себя в свободе, и неистинным отчаянием, когда он привязывается к миру и под его давлением теряет себя. «Конечное отчаяние» [6, с. 697] настигает человека, предпочитающего свое временное существование вечным ценностям и потому теряющего возможность быть самим собой. «Абсолютное отчаяние» [Там же] есть итог отречения от привязанности к конечному миру через самоотдачу ради спасения себя в качестве свободной личности. В этом смысле оно становится условием глубокого духовного преобразования человека «в своей вечной значимости» [6, с. 687] и возвращения ему подлинной темпоральной экзистенции. С. Кьеркегор наметил два направления темпорализации отчаяния: либо, отказываясь подчиниться объективному времени, человек в каждый момент своей экзистенции реализует «абсолютное отчаяние» [6, с. 697], либо, подчиняясь объективному времени, погружается в поток перемен внешнего мира и теряет себя в «конечном отчаянии» [Там же].

Интерпретируя кьеркегоровскую категорию «отчаяние», экзистенциалисты отмечают его негативное значение и связывают с потерей веры [7], утратой надежд [8] и отказом от свободы [9]. Отчаяние, по мнению Л. И. Шестова, является следствием своеволия и отступления от веры в Бога. В результате человек подчиняется уничтожающему его душу ничто, следует необходимости логического мышления и исполняет общепринятые нормы в ущерб своей личности. Пока необходимость и долженствование выступают внешним принуждением, человек верит в возможности, но когда он сам принуждает себя следовать этим принципам, отчаяние окончательно завладевает им. В этот момент человек освобождается от иллюзии обыденности, заканчивающейся там, «где начинается отчаяние, где разум показывает со всей очевидностью, что человек стоит перед невозможным, что все кончено – и навсегда, что всякая дальнейшая борьба бессмысленна» [7, с. 76]. Отчаяние настигает человека, когда у него отняты все возможности: возможное в прошлом не сбылось, возможное в настоящем не сбывается, а возможное в будущем не сбудется никогда. Темпорализация отчаяния представляется Л. И. Шестовым в качестве непрерывного процесса иссякания веры и потери человеком возможности быть самим собой. Если бы он мог восстановить свою веру в Бога, возможности стали бы его спасением от отчаяния. Фразой «Бог значит, что все возможно, что нет ничего невозможного» [7, с. 78] Л. И. Шестов хотел сказать, что не только возможности появляются в жизни человека через веру в Бога, но и вера в Бога зарождается в его душе через открытие возможностей в его темпоральной экзистенции.

Темпорализация отчаяния, по мнению А. Камю, начинается с крушения «недвижимого мира надежд» [8, с. 33] и с каждой потерей продолжается в нарушении целостности темпоральной экзистенции человека. Распадающаяся на фрагменты, она оказывается во власти объективного времени, разделяющего мир на мгновения и растрачивающего смысл как признак человечности. Отчаяние проявляется в момент отказа человека от надежды на обретение смысла в бессмыслице окружающей действительности. С этого мгновения начинается его саморазрушение, которое продолжается в разрушении мира. В осознании безысходно-

сти своего положения у человека остается «приводящая в отчаяние надежда» [8, с. 111] на то, что ценой невыносимых потерь он вернет себе достоинство под натиском бесчеловечного мира.

Выявляя в философии С. Кьеркегора два способа понимания времени (времени изменения сущности и времени изменения существования), Дж. Аруси сравнивает темпоральность отчаяния с темпоральностью свободы. Определяемое необходимостью развитие природы связано с изменением форм воплощения одной и той же сущности явлений, что исключает порождение в ней чего-либо нового. Но вмешательство руководствующегося свободой человека в ее развитие ведет к созданию принципиально новых явлений, воплощаемых в существовании. Однако человек не всегда следует своей свободной воле и выбору новых возможностей в непредсказуемом по своей природе времени (как это характерно для темпоральности свободного человека). Подчиняя свою волю необходимости объективного мира, человек демонстрирует отказ от свободы его творческого преобразования и предпочитает предсказуемое будущее, в котором ничего нельзя изменить. Отказавшись от свободы, человек «вместо того, чтобы воспринимать время как непрерывное рождение нового, в котором осуществляется его свобода и которому он мог бы быть благодарен за удачу, из-за которой он обрел этот мир, он начинает воспринимать время как вечную смерть старого; вместо того, чтобы действовать в будущем, он упускает будущее» [9, с. 228]. В этом и заключается темпоральность отчаявшегося человека, который страдает от неумолимости времени, не понимая, что собственная природа времени не в повторении, а в преобразовании, не в предрешенности, а в непредсказуемости. Темпорализация отчаяния подразумевает согласие человека с необходимостью и цикличностью естественного мира. Попытки его изменить воспринимаются как отказ от прошлого и потеря настоящего в противоположность обретению новых возможностей свободного бытия в будущем.

Анализируя природу отчаяния, экзистенциалисты приходят к выводу о том, что оно порождается последовательностью потерь человеком ценностных ориентиров. В результате этого его темпоральная экзистенция вписывается в детерминируемый объективным временем и потому предсказуемый мир. Темпорализация отчаяния проявляется в навсегда утраченном прошлом, в мгновенно исчезающем настоящем и в будущих переживаниях человека о невозможных потерях. В результате он приходит к саморазрушению и разрушает все, что стало частью его темпоральной экзистенции – темпоральные экзистенции близких ему людей. Определяя смысл термина «отчаяние», невозможно исчерпать всю многогранность этого чувства, но, сопереживая автору литературного произведения, можно прочувствовать всю его палитру и глубину. Когда читатель переориентируется с отчаяния как следствия его личных потерь на отчаяние как сюжет стихотворения, то получает возможность взглянуть на него со стороны и изменить собственную темпоральную экзистенцию.

Тема отчаяния является общей для поэтов-имажинистов и передается особым типом словесности – словом-образом. Оно стало «для имажинистов – самоцелью» [10, с. 383] и описывается в концепциях образности поэзии С. Есенина как «образ заставочный», «корабельный образ» и «ангелический образ» [11, с. 392–393] и Р. Ивнева, чей стиль выражается в форме «ошеломляющего образа» [12, с. 440]. Разрушая «словесную мертвенность» [11, с. 393] языка, слово-образ призвано было освободить читателя от опустошающего душу

отчаяния. В комментариях к творчеству имажинистов современные критики отмечают, что «акцент был основан на конструктивных принципах создания новой поэтической образности» [13, с. 89]. Ее особенностью стало применение разных видов метафор и неожиданных ассоциативных сочетаний образов [13], прямых и переносных образов одновременно [14, с. 10]. Обычное слово освобождалось от навязанного ему контекста и смысловых ограничений и превращалось в составную часть слова-образа. «То есть образ соединяет самые далекие чувственные и мыслительные факты в данный момент, в как бы застывшем времени, в целостности, в пространстве» [1, с. 118]. Задаваемое словом-образом восприятие времени определяется одновременностью и мгновенностью, а не хронологической последовательностью сочетаемых в нем образов. Отсюда формируемое им «образное время» [1, с. 121] не отмечено переменами времен, а созвучно неизменной вечности. Следуя этому, имажинисты соотносили временное существование человека с настоящим моментом без прошлого и без будущего, «прошлое для него – предвосхищение будущего» [1, с. 123]. В этом смысле настоящее является постоянным возобновлением прошедшего и не предполагает перемен в будущем. Повторение здесь является условием освобождения человека от власти объективного времени и увековечивания мгновений его бытия.

Связывающее экзистенцию человека с настоящим моментом слово-образ выводит ее из-под власти исчисляемого минутами линейного времени и подводит под внутреннее для него время. Отсюда происходит та антропоморфная образность, которой имажинисты наделяли обычные измерения времени. В стихах В. Шершеневича, С. Есенина и Р. Ивнева она выражается эпитетами «час страшный расставанья» [15, с. 309], «зловещий час сомнения» [15, с. 35], «лется час мой» [16, с. 39], «тайный час» [11, с. 45], «усталый день» [11, с. 27], «милое прошлое» [11, с. 33], «одинокий рассвет» [11, с. 173], «жалкий день» [16, с. 30], «мертвые пустынные года» [16, с. 39]. В произведениях имажинистов темпоральные переживания передаются словами: время, вечность, мгновенье, теперь, недавно, поздно, нынче, век, час, навек, прежде, вечер, снова, сегодня, прошлое, будущее, ритм. Характерное для слова-образа акцентирование на краткости и конкретности момента подчеркивается словами «каждый», «теперь», «нынче», «миг», «сейчас», повторяемость моментов или возврат к прошлому выражаются словами «опять», «снова», «вновь», а непредсказуемость момента передается словами «вдруг», «внезапно», «нежданно», «небрежно». Особенности для каждого поэта-имажиниста сочетания приведенных здесь слов становятся приемом лексического и семантического выражения неповторимого образа времени, представляющегося мерилем отчаяния и надежды в темпоральной экзистенции человека.

В стихах поэтов-имажинистов время выражается последовательностью веков, лет, дней, которая, подобно водной стихии, уносит все за собой. В. Шершеневич писал: «Потому, что только на меня время льет холодный душ, // Ведрами дней меня окачивает впопыхах» [15, с. 227]. Все, что захвачено потоком времени, оказывается в полной его власти, и никому не вырваться из него. Это не случайно, так как для В. Шершеневича время является потоком, увлекающим человека не к жизни, а к смерти: «Время, на жизнь поглядите! Давно она // Песенок просит, а Вы – мертвец» [15, с. 59]. Время символизирует все, что неспешно проходит, кануло в прошлое и умерло вместе со всеми, кого уже нет, и потому «все время бредем с похорон» [15, с. 306]. Безразличное к значимым для человека

мгновениям время ведет к потере веры в торжество жизни над смертью и надежды над отчаянием.

С. Есенин понимал, каким неумолимым может быть время, сравниваемое им также с потоком безвозвратно уходящих в небытие моментов: «Время – мельница с крылом // Опускает за селом // Месяц маятником в рожь // Лить часов незримый дождь» [11, с. 127]. В непрестанном потоке времени сложно не потерять себя и не растратить все, с чем пришел в этот мир. Отчаиваясь, поэт винил время в забвении им близких друзей и в расставании с милыми для него местами. Но Есенин понимал, что все это неизбежно, как и тот час, когда ему самому предстоит выполнить свое предназначение: «Время мое пришло // Не страшен мне лязг кнута» [17, с. 127], и от этого нельзя отказаться, так как никто другой не может этого свершить. Однако, чем ближе надвигается роковой момент, тем больше надежды возлагает поэт на то, что все еще переменится.

Мысль о разрушительной силе времени высказывал и Р. Ивнев: «И гильотина времени вдали // Нас ожидает, час казня за часом» [16, с. 33]. Время представляется ему не в качестве потока безразличных к нему моментов, а как череда мгновений, переходящих от бытия к небытию и исчезающих в нем. Оглядываясь назад, поэт не только сожалел об утраченном, но и испытывал надежду на возобновление того, что было когда-то ему дорого: «Жизнь пройдена. И все же вновь и вновь // Хочу идти тропинкою знакомой, // Вновь воскресить убитую любовь // И вновь томиться утренней истомой» [16, с. 63]. Р. Ивнев понимал, что отчаяние не длится вечно и ему на смену приходит надежда на лучшие дни. В любом случае, «идет ли время к осени ль, к весне» [16, с. 66], вечные истины и нетленные ценности остаются с человеком навсегда и придают смысл его временному существованию. «Пусть ночь без надежд отвечает мне темнью // И грудь каменеет во мгле без дыханья, // Верни мне осколок потухшего времени // И глаз невозвратных земное сияние» [Там же]. Глубина отчаяния не исключает надежд на перемены к лучшему несмотря на почти пройденный человеком жизненный путь. Анализируя категорию времени в поэзии имагинистов, мы прослеживаем темпорализацию отчаяния в том, что человек поглощается им, ищет выход из него и находит утешение в надежде на счастливый поворот в его судьбе. Более точное понимание этого процесса возможно при изучении влияния модусов времени на темпоральную экзистенцию человека.

С. Есенин побуждал читателя, переживающего настоящее мгновение, ощутить в нем красоту и возвыситься над суетностью уходящего времени. Словами «теперь», «опять», «снова», «сегодня», «нынче» поэт подчеркивал быстротечность настоящего, кроме которого у нас ничего нет. Настоящее есть мгновение переоценки всего случившегося до него и точка отсчета того, что неизбежно произойдет: «Да! Теперь решено. Без возврата // Я покинул родные поля» [11, с. 166]. В поэзии В. Шершеневича выражающееся словом «теперь» настоящее означает предел и итог тому, что было прежде. Как правило, итог печальный и необратимый: «Ничего. Жернов сердца все перемелет, // Если сердце из камня теперь» [15, с. 306]. Настоящее отделяет человека от прошлого, но не приближает к будущему. Для передачи переживания настоящего Р. Ивнев применял слова «теперь», «сегодня», «ныне», «пока». Настоящее есть не только предел прошлому или момент переоценки предстоящего будущего, но оно является его полной противоположностью: «Еще недавно – камни, пыль

и зной. // Теперь прохлада ключевой воды» [16, с. 27] или «Теперь я – против, а Вы – за» [16, с. 29]. Настоящее, передаваемое словом «сейчас», многогранно, так как, ставя акцент на мгновении, Р. Ивнев связывал его с разными темпоральными переживаниями. Это – «звездный час» [16, с. 71] поэзии ради единственного дорогого человека, «скорбный час» разлуки с ним [16, с. 59], «час этот праздничный» воспоминания о лучших днях с ним [16, с. 69], «час рожденья и смерти начертанный час» [16, с. 70] и «странные часы – часы любви, волнения и тревоги» [16, с. 106], также обращенные к нему. Если словом «теперь» преодолеваются невзгоды прошлого, то словом «пока» на мгновение или навсегда предотвращаются будущие несчастья.

С. Есенин тосковал о прошлом, вспоминая проведенные в родной деревне беззаботные и счастливые дни, и понимал, что уже ничего не вернуть. Ощущение безвозвратности передается с помощью контраста, на котором построено описание перемен мира, который никогда не будет прежним. Применяя глаголы прошедшего времени, поэт помогает нам понять, что все подвержено переменам и прошлое не повторится [18]. В. Шершеневич не только грустил по безвозвратности прошлого словами «И прошлое теряю, как листву» [15, с. 44]. С потерей прошлого поэт прощался и с самим собой в прошлом: «Вывалился из прошлого просто, как пьяный седок» [15, с. 257]. Он понимал, что невозможно вернуть прежнего себя, ибо и этот образ потерялся бы в лабиринтах памяти. Р. Ивнев упоминал о прошлом как о сне, который исчез, и в него уже нельзя вернуться, но и не нужно «звать с упоеньем того, что прошло» [16, с. 56]. Призрачность прошлого рождает сомнение в том, что все прошедшее когда-то случилось, и потому поэт писал, что «был ли я на свете, или не был» [16, с. 72]. Прошлые чувства не возвращаются, но можно с той же силой их пережить в настоящем или будущем, заставляя время хоть на миг повернуть назад.

Будущее казалось С. Есенину несбыточной мечтой, на воплощение которой он все же робко надеялся, но сомневался в ее реальном осуществлении. Надежды и иллюзии в духе эстетической темпоральности [3] поэт выражал словами: «Говорят, что я скоро стану // Знаменитый русский поэт» [11, с. 108]. Отдаленность и неясность будущего рождали в его душе грусть и ощущение надвигающейся трагедии, которая разрушит все надежды и мечты. «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, // Перстень счастья ищущий во мгле» [11, с. 271]. Самая большая трагедия человека, по мнению В. Шершеневича, заключалась в том, «что к будущему нет возврата» [15, с. 188]. Отрицание будущего влечет за собой не только исчезновение иллюзий, но и крах надежд. Р. Ивнев обращался к будущему как к предвестнику лучшей жизни: «новый день – великий и прекрасный» [16, с. 28], но день также горечи и потери. Будущее не было бы таким, если бы не хранило того, что было прежде, и если бы невозможно было «пронести и в будущие дни прошедших дней истлевшие страницы» [16, с. 110]. Р. Ивнев надеялся на понимание потомками своего творчества в будущем, но осознавал недостижимость этого будущего для себя.

Ориентирование человека на фатальный исход любого временного бытия стало ключевым мотивом темпорализации отчаяния в поэзии имажинистов. В. Шершеневич относился к счастью, творчеству, городу и жизненным противоречиям как к преходящим явлениям, подчиненным независимой от человека судьбе, итог которой хорошо известен. «Судьба огрызнулась. Подол ее выпачкан // Твоим криком предсмертным... О ком?» [15, с. 209]. Все

испытываемые человеком надежды рушатся перед неизбежностью смертельного конца его временного существования.

Сердце С. Есенина принадлежало природе, деревне, родине, братьям меньшим и любимой женщине – всему, что не длится вечно, и будущее казалось ему предсказуемым и фатальным: «Устал я жить в родном краю // В тоске по гречневым просторам, // Покину хижину мою, // Уйду бродягою и вором // [...] И необмытого меня // Под лай собачий похоронят» [11, с. 85]. В стихах поэта нашли выражение тоска, трагедия, несчастье и безысходность – переживания, характерные для отчаявшегося человека. Метания поэта из крайности в крайность явились следствием понимания того, что все дорогое людям обесценивается и они теряют смысл жизни. Поэзия Р. Ивнева, напротив, проникнута стремлением идти наперекор судьбе, невзирая на прожитые годы любить и каждым мгновением своей жизни подтверждать, что все в ней имеет смысл. «И как зеницу, берегите мост, // Ведущий от отчаяния к надежде» [16, с. 94]. Отчаяние может иногда настичь человека, но оно не завладевает им полностью пока он спасается от порабощения объективным временем.

Останавливая поток времени, слово-образ позволяет читателю ощутить значение настоящего момента в плане вневременного бытия вечности, чтобы изменить его отношение к потерям во временном существовании. Роль настоящего момента в отношении к будущему и к прошлому поэты-имажинисты раскрывают по-новому в интерпретациях модусов времени. Если в поэзии В. Шершеневича настоящее есть предел, разрывающий связь между прошлым и будущим, то в стихах С. Есенина настоящее связывает прошлое и будущее так, чтобы исключить допущенные в прошлом потери из будущего и увидеть открывающиеся в нем возможности. Р. Ивнев противопоставлял прошлому настоящее как условие признания его ценности и повторения ранее пережитого по-новому. В результате отчаяние выхватывается из контекста объективного времени и, входя в план субъективного времени, утрачивает свое тотальное воздействие на жизнь человека. Придание антропоморфного смысла применяемым в стихотворениях словам (нонче) и словосочетаниям (усталый день, тайный час) для обозначения времени переориентируют читателя с измерений объективного времени на измерения субъективного времени. В объективном времени день, час или минута не могут быть ни счастливыми, ни несчастными, они становятся таковыми по воле человека и образуют его субъективное время. Интерпретируя категории «время», «настоящее», «прошлое», «будущее», поэты пытались изменить отношение человека к рождающему чувство отчаяния объективному времени. Если у В. Шершеневича время является неизбежным условием потерь и смерти, то для С. Есенина время – не только причина потерь, но и условие становления человека самим собой благодаря надежде на победу жизни над смертью. А в поэзии Р. Ивнева, хотя время и разрушает жизнь человека, но оно же вселяет в него надежду на перемены, освобождающие его от отчаяния. Таким образом, на примере поэзии имажинистов мы видим, как в ходе темпорализации переживание отчаяния раскрывается в новых значениях и как поэты переориентируют темпоральную экзистенцию отчаявшегося человека.

Заключение. Проведя анализ философских интерпретаций термина «отчаяние» экзистенциалистов и поэтических образов переживания отчаяния имажинистов, можно сделать следующие выводы. Во-первых, философы-экзистенциалисты связывают отчаяние с утратой человеком моральных ценностей, а поэты-имажинисты рассматривают отчаяние в качестве

начала поиска этих ценностей. Во-вторых, если философы раскрывают смысл переориентации экзистенциальных установок обнадёженного человека на отчаяние, то поэты пытаются изменить жизненные ориентиры отчаявшегося человека. В-третьих, экзистенциалисты видят причину отчаяния в потерях как результате полного вовлечения человека в объективное время и обезчеловечивание его экзистенции, имажинисты же описывают отчаяние как одно из многих переживаний, принадлежащих субъективному времени и не представляющих угрозы человечности. В-четвертых, философы представляют темпорализацию отчаяния посредством перехода от вписанного в хронологическое время переживания к формируемому в рамках нехронологического времени текста понятию, а поэты выражают смысл отчаяния посредством слова-образа, возвышающего это переживание над хронологическим временем. В-пятых, согласно экзистенциалистам, отчаянием открывается последовательность потерь человека в прошлом, настоящем и будущем, а, по мнению поэтов, ограничение отчаяния моментом настоящего времени ведет к пониманию его вневременного смысла, изменению экзистенциальных установок и обретению человеком своей темпоральной экзистенции.

В потоке объективного времени нет особых моментов, и потому рождается неверное представление о том, что в человеческом существовании все равнозначно. Однако в жизни людей время несчастий сменяется временами благополучия, минуты огорчений – мгновениями радости, а потому нельзя утверждать об однородности их темпоральности. Приверженность к настоящему моменту не влечет за собой забвения прошлого или непринятия будущего, но является началом нового этапа в жизни человека. Возвышая краткий миг над временем и понимая его роль в воплощении вечных ценностей, имажинисты освобождали мгновения человеческой темпоральности от гнета объективного времени. Темпорализация отчаяния в философии экзистенциалистов ведет к переосмыслению прежних экзистенциальных установок человека на растрачивание себя в объективном времени, а в поэзии имажинистов приводит к переориентации на ценности его истинной темпоральной экзистенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы / под ред. С. И. Тиминой. СПб.: Logos; М.: Высшая школа, 2002.
2. Serdyuk E. G. The meaningful sphere of personality and the level of anxiety // Freedom and Responsibility in Pivotal Times. 2022. Vol. 125. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. P. 349–357. DOI: 10.15405/epsbs.2022.03.42.
3. Bouton C. Time and freedom. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2014.
4. Ласица Л. А. Внутреннее время текста: лексико-грамматические и онтологические модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Оренбург. гос. ун-т. Челябинск, 2008.
5. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / пер. с франц. Т. В. Славко. СПб.: Университетская книга, 1998.
6. Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с дат. Н. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Амфора, 2011.
7. Шестов Л. И. Керкегард и экзистенциальная философия (глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992.
8. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с франц. М.: Политиздат, 1990.

9. Aroosi J. Freedom and the temporality of despair // *Kierkegaard Studies Yearbook*. 2014. Vol. 19 (1). P. 217–229. DOI: 10.1515/kierke-2014-0110.
10. Шершеневич В. Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль: Верхнее Волжское книжное издательство, 1997.
11. Есенин С. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Астрель, 2003.
12. Исаев Г. Г. Авторские стратегии в сборнике стихов Рюрика Ивнева «Солнце во гробе» // *Вестн. РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22, № 3. С. 433–442. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-3-433-442.
13. Бандурина Н. С., Шукуров Д. Л. Имажинизм в России: историко-философский аспект // *Известия вузов. Сер. Гуманитарные науки*. 2012. Т. 3, № 2. С. 88–91.
14. Поэты Серебряного века: каталог книжной выставки / под ред. Т. А. Клеменковой. Иркутск: НТБ ИргТУ, 2010.
15. Шершеневич В. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000.
16. Ивнев Р. Избранное. М.: Правда, 1988.
17. Есенин С. А. Стихотворения. Поэмы. М.: АСТ, 2005.
18. Серова Н. В., Алексеенко В. В. Выражение эстетической темпоральности человека в поэзии Сергея Есенина // *Традиции и инновации в пространстве современной культуры: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Липецк, 14–15 апр. 2022 г.* Липецк: ЛГПУ, 2022. С. 60–64.

Информация об авторе.

Серова Наталья Викторовна – кандидат философских наук (2003), доцент (2010), доцент кафедры гуманитарных дисциплин Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, пр. Ленина, д. 93, Краснодарский край, г. Новороссийск, 353918, Россия. Автор 57 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, философия техники, философия языка, феноменология, экзистенциализм.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.11.2022; принята после рецензирования 25.12.2022; опубликована онлайн 24.04.2023.*

REFERENCES

1. *Russkaya literatura XX veka: shkoly, napravleniya, metody tvorcheskoi raboty* [Russian literature of the XX century: Schools, directions, methods of creative work] (2002), in Timina, S.I. (ed.), Logos; Vysshaya shkola, SPb.; Moscow, RUS.
2. Serdyuk, E.G. (2022), "The meaningful sphere of personality and the level of anxiety", *Freedom and Responsibility in Pivotal Times*, vol. 125, *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, pp. 349–357. DOI: 10.15405/epsbs.2022.03.42.
3. Bouton, C. (2014), *Time and freedom*, Northwestern Univ. Press, Evanston, USA.
4. Lasitsa, L.A. (2008), "Internal time of the text: lexical-grammatical and ontological models", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Orenburg. gos. un-t, Cheljabinsk, RUS.
5. Ricoeur, P. (1998), *Temps et Recit*, Transl. by Slavko, T.V., Universitetskaya kniga, SPb., RUS.
6. Kierkegaard, S. (2011), *Enten – ellen*, Transl. by Isaeva, N. and Isaev, S., Amfora, SPb., RUS.
7. Shestov, L.I. (1992), *Kerkegard i ekzistentsial'naya filosofiya (glas vopiyushchego v pustyne)* [Kierkegaard and Existential Philosophy (The Voice of One Crying in the Desert)], Progress-Gnoziz, Moscow, RUS.
8. Camus, A. (1990), *L'Homme révolté*, Transl., Politizdat, Moscow, RUS.
9. Aroosi, J. (2014), "Freedom and the temporality of despair", *Kierkegaard Studies Yearbook*, vol. 19 (1), pp. 217–229. DOI: 10.1515/kierke-2014-0110.
10. Shershenevich, V. (1997), *Stikhotvoreniya. Poemy. Teoreticheskie raboty* [Verses. Poems. Theoretical works], Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, Yaroslavl', RUS.

11. Esenin, S.A. (2003), *Stikhotvoreniya. Poemy* [Verses. Poems], Astrel', Moscow, RUS.
12. Isaev, G.G. (2017), "Author Strategies in Ryurik Ivnev's "The Sun in the Coffin". Book of Poems", *RUDN J. of Studies in Literature and Journalism*, vol. 22, no. 3, pp. 433–442. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-3-433-442.
13. Bandurina, N.S. and Shukurov, D.L., (2012), "Imaginism in Russia: Historical and Philosophical aspect", *Izvestia Vyssih Ucebnyh Zavedenij. Seria "Gumanitarnye nauki"*, vol. 3, no. 2, pp. 88–91.
14. *Poety Serebryanogo veka: katalog knizhnoi vystavki* [Poets of the Silver Age: book exhibition catalog] (2010), in Klemenkova, T.A. (ed.), NTB IrGTU, Irkutsk, RUS.
15. Shershenevich, V. (2000), *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems], Akademicheskij proekt, SPb., RUS.
16. Ivnev, R. (1988), *Izbrannoe* [Selected works], Pravda, Moscow, USSR.
17. Esenin, S.A. (2005), *Stikhotvoreniya. Poemy* [Verses. Poems], AST, Moscow, RUS.
18. Serova, N.V. and Alekseenko, V.V. (2022), "The expression of the aesthetic temporality of man in the poetry of Sergei Yesenin", *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoi kul'tury* [Traditions and innovations in the space of modern culture], Lipetsk, RUS, April 14–15 2022, pp. 60–64.

Information about the author.

Natalya V. Serova – Can. Sci. (Philosophy, 2003), Docent (2010), Associate Professor at the Department of Humanities, Admiral Ushakov Maritime State University, 93 Lenina avn., Krasnodar Territory, Novorossiysk 353918, Russia. The author of 57 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, philosophy of technology, philosophy of language, phenomenology, existentialism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.11.2022; adopted after review 25.12.2022; published online 24.04.2023.*

Оригинальная статья

УДК 172.004

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51>

Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины

Раиса Ильинична Мамина^{1✉}, Евгения Викторовна Пирайнен²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}maminaraisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>

²evpiraynen@etu.ru

Введение. Сегодня среди глобальных трендов мирового значения – тематика искусственного интеллекта (ИИ) и его новации. Одной из таких новаций стал эмоциональный искусственный интеллект (эмоциональный ИИ/ЭИИ), который называют революционной технологией, способной идентифицировать человеческие эмоции, своевременно их обрабатывать и реагировать должным образом. Специалисты считают эмоциональный ИИ инструментом, который обеспечивает построение эмоционально-ориентированной коммуникации человека с машиной. В статье рассматривается специфика эмоционального ИИ, достижения, потенциальные возможности, перспективы развития.

Методология и источники. Используется методология философского, социально-психологического, компаративистского и междисциплинарного подходов. Содержание статьи опирается на специальную литературу отечественных и зарубежных авторов (Б. Герцель, Д. Гоулман, Р. Пикард, Д. И. Дубровский, Э. М. Пройдаков и др.), публикации результатов научных исследований и информационные паблики, посвященные эмоциональному искусственному интеллекту и его особенностям, в частности, «Эмоциональный искусственный интеллект: меняя мир человека к лучшему» Алии Григ и др.

Результаты и обсуждение. Актуальность тематики эмоционального ИИ определила необходимость обращения к понятию «эмоциональный интеллект» (ЭИ) как базовой основе эмоционального искусственного интеллекта, что позволило показать существенные характеристики эмоционального интеллекта человека, его отличие от ЭИИ. Эмоциональный искусственный интеллект – это новация современного ИИ, ее главные акторы – антропоморфные роботы, текстовые, голосовые чат-боты и видеоботы, активно демонстрирующие общественности полученные знания и навыки в области психологии эмоций, которые совершенствуются в рамках текущего ИИ.

Заключение. В настоящее время идет планомерный процесс обучения эмоционального ИИ взаимодействию с человеком, ЭИИ постепенно развивается в соответствии с вызовами новых реалий с позиций специфики современного прикладного ИИ. Однако в цифровую эпоху коммуникация человека с машиной и машины с человеком – это взаимосвязанные процессы, которые должны быть направлены на построение как утилитарно-полезных, так и партнерских отношений в практиках их взаимодействия. Такой вектор развития текущего ИИ отвечает требованиям эпохи и ведет к его дальнейшему прогрессу – созданию нового, общего ИИ, «ИИ человеческого уровня», который, как предполагается, многократно расширит возможности и человека, и социума в целом.

© Мамина Р. И., Пирайнен Е. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный интеллект, коммуникация, цифровые технологии, прикладной ИИ, эмоциональный ИИ, генеративный ИИ, общий ИИ, роботизация, антропоморфный робот, текстовый чат-бот, голосовой чат-бот, видеоботы

Для цитирования: Мамина Р. И., Пирайнен Е. В. Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 35–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51.

Original paper

Emotional Artificial Intelligence as a Tool for Human-Machine Interaction

Raisa I. Mamina^{1✉}, Evgeniya V. Piraynen²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*maminaraisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>*

²*evpiraynen@etu.ru*

Introduction. One of the trends of global importance is the artificial intelligence (AI) and its innovations. One of such innovations has become emotional artificial intelligence (emotional AI/AI), it is called a revolutionary technology that can identify human emotions, process them in a timely manner and react “properly”. Experts consider emotional AI as an instrument that provides emotionally-oriented human-machine communication. The article discusses the specifics of emotional AI, achievements, potential opportunities, development prospects.

Methodology and sources. The methodology of philosophical, socio-psychological, comparative and interdisciplinary approaches is used. The sources used in the article are: special literature of domestic and foreign authors (B. Goertzel, D. Goleman, R. Picard, D.I. Dubrovsky, E.M. Proidakov) scientific research, publications and websites devoted to emotional artificial intelligence, and its features (Aliya Green Emotional artificial intelligence: changing the human world for the better).

Results and discussion. The relevance of the topic of emotional AI determined the need to refer to the concept of “emotional intelligence” (EI) as the basic basis of emotional artificial intelligence, which allowed us to show the essential characteristics of human emotional intelligence, its difference from AI. Emotional artificial intelligence is an innovation of modern AI, its main actors are anthropomorphic robots, text, voice chatbots and video bots, which are already actively demonstrating to the public their knowledge and skills in the field of psychology of emotions, which are being improved within the framework of the current AI.

Conclusion. Currently, there is a gradual process of teaching emotional AI to interact with a person, and although these achievements are not great yet, EII is gradually developing in accordance with the challenges of new realities within the specifics of modern applied AI. However, in the digital age, human-machine and machine-to-human communication is an interconnected process that should be aimed at building both utilitarian-useful and partnership relations in the practices of their interaction, which meets the requirements of the era and leads to further progress of AI – to the creation of a new, common AI – “human AI the level” which is supposed to greatly expand the capabilities of a person and society as a whole.

Keywords: emotions, emotional intellect, communication, digital technologies, applied AI, emotional AI, generative AI, general AI, robotization, anthropomorphic robot, text chat bot, voice chat bot, video bots

For citation: Mamina, R.I. and Piraynen, E.V. (2023), “Emotional Artificial Intelligence as a Tool for Human-Machine Interaction”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 35–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51 (Russia).

Введение. Тематика искусственного интеллекта – один из ведущих технологических трендов современности. ИИ не просто вошел в повседневность, он проник практически во все сферы нашей жизнедеятельности и открыл человеку и всему социуму новые необычайные возможности. Ресурс прикладного ИИ достаточно велик: сегодня это и приложения к смартфонам и компьютерам, домашние роботы и умные дома, голосовые и визуальные помощники, беспилотные аппараты, самоуправляемые автомобили, ИИ-продукты для диагностики и лечения различных заболеваний, системы ИИ в здравоохранении, позволяющие получать качественные услуги и заботу о здоровье пациентов, и многое другое. Благодаря способности к распознаванию, осмыслению, действию и обучению, современный ИИ расширяет человеческий потенциал [1], но этот потенциал ограничен спецификой технологии текущего ИИ.

Все существующие в настоящее время ИИ-системы – программируемые, они не могут функционировать без человека, поэтому являются управляемыми, что имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования – эмоциональному искусственному интеллекту. Эмоциональный ИИ рассматривается в статье как новая ИИ-технология, показаны ее достижения, тенденции развития.

Методология и источники. Представленные в работе выводы опираются на методологию философского, социально-психологического, компаративистского и междисциплинарного подходов. Проведенный в статье анализ базируется на специальной литературе, в частности, это коллективный труд известных российских ученых, специализирующихся в области ИИ, «Сильный искусственный интеллект. На подступах к сверхразуму» (2021) [2], научные работы и публикации признанных западных и отечественных исследователей ИИ (Б. Герцель, Р. Пикард, Д. И. Дубровский, Э. М. Пройдаков, А. Колонин и др.), работы ведущих западных авторов, занимающихся вопросами ЭИ (Д. Гоулман, Ст. Кови, К. Флеминг и др.), а также интернет-источники, посвященные тематике эмоционального ИИ, в частности, «Эмоциональный искусственный интеллект: меняя мир человека к лучшему» Алии Григ [3]; А. Колонин «В чем сила, Сильный ИИ?» [4]; «ChatGPT: искусственный интеллект “для поговорить”, о котором говорят все – ADPASS» [5] и др.

Результаты и обсуждение. В настоящее время тематика эмоционального ИИ рассматривается как одна из новых, перспективных и достаточно привлекательных областей развития индустрии, науки и исследований современного искусственного интеллекта. Однако прежде, чем обратиться к эмоциональному ИИ как технологической новации ИИ, новому инструменту в налаживании эффективной коммуникации человека с машиной, обратимся к базовой основе ЭИИ, в качестве которой выступают и текущий ИИ, и эмоциональный интеллект человека.

Современный ИИ. В настоящее время все ИИ-системы являются управляемыми, при этом текущий ИИ используется для решения какой-либо одной или нескольких интеллектуальных задач, имеющих прикладной характер, именно поэтому его называют прикладной/узкой/слабый ИИ (Narrow AI/AI). Узкому ИИ современное научное сообщество противопоставляет общий ИИ (ОИИ/Artificial General Intelligence/AGI) – новый вид ИИ, который, по замыслу ученых, будет выполнять любую интеллектуальную задачу с человеческой эффективностью. Отсюда и главная целевая установка – разработка системы, способной думать самостоятельно, как это делают люди.

Автором термина «общий ИИ» и одним из ведущих разработчиков данного понятия является Бен Герцель, известный американский ученый, специалист в области ИИ. Его считают первым, кто подчеркнул принципиальную разницу между современными программами ИИ и общим ИИ, способным достигать сложных целей в сложных средах, основанным на познании и понимании природы человеческого сознания и интеллекта. «Я придумал этот термин в 2002 или 2003 г., – пишет Герцель, – и каждый год я организовывал конференцию по ОИИ, и за последнее десятилетие мы видели, как концепция растет и процветает довольно плодотворно...» [6]. В настоящее время повестка общего ИИ стала общепризнанной во всем мире.

Концептуально общий ИИ рассматривается большинством специалистов как новый прогрессивный этап в эволюционном развитии ИИ на пути к суперсильному искусственному интеллекту (Artificial Super Intelligence/ASI), по прогнозам ученых, превосходящему интеллект отдельного человека. В отличие от ASI, AGI, или общего ИИ рассматривают как «ИИ человеческого уровня», «ИИ, который соответствует уровню интеллекта человека во всех областях», «ИИ как рукотворный вариант человеческого разума», «ИИ как система, которая по функциональным возможностям приближается к естественному интеллекту» и т. п. При этом ученые предполагают, что эпоха нового ИИ наступит в относительно недалеком будущем и значительно расширит возможности современного социума: «ИИ сравнимый с интеллектом человека, – пишет Э. М. Пройдаков, признанный отечественный специалист в области искусственного интеллекта, – будет иметь неограниченную сферу применения и кардинально изменит наше существование» [7, с. 131].

В то же время практикуются и другие подходы к пониманию специфики ОИИ. Так, согласно авторам книги «Сильный искусственный интеллект» (2021), которая, по оценкам аналитиков, на сегодняшний день представляет собой самый полный и глубокий обзор тематики ИИ, общий ИИ «не лежит между слабым и сильным ИИ, а просто находится в стороне от них и определяется без отсылки к человеческому интеллекту как ИИ, способный решать широкий круг задач» [2, с. 27]. При этом отмечается: «Идея общего ИИ предполагает, что компьютеры смогут самостоятельно решать новые и узкие, и сложные задачи, чем будут заметно отличаться от современного ИИ» [2, с. 33]. Среди этих заметных отличий вслед за Б. Герцелем авторы выделяют способность ОИИ действовать в разных средах, однако добавляют: «Делая акцент на широком диапазоне сред, область AGI позволяет нам избавиться от антропоцентричных предпочтений и предлагает сфокусироваться на общих решениях, пригодных для разных агентов (человека, животных, роботов, ботов и т. д.), действующих в разных условиях...», в том числе и «на «неизведанных планетах» [2, с. 29]. Здесь мы имеем дело с довольно расширенным подходом к пониманию ОИИ, выходящим за рамки общепринятых представлений. По мнению Д. И. Дубровского, авторитетного специалиста в области методологии ИИ, столь широкая трактовка общего ИИ теоретически правомерна и может быть актуальной вне рамок антропологического и биологического контекстов, оставляя простор для творчества технологических суперноваций, для осмысления гибридных и иных новообразований в ходе нарастающей антропотехнологической эволюции [8].

Безусловно признавая заслуги авторов коллективного исследования «Сильный ИИ», в том числе и право на существование такой широкой трактовки общего ИИ, ученый одновременно задается вопросом, почему на задний план отодвигается наш естественный интеллект (ЕИ), с помощью которого человек и создает все искусственные интеллекты. Данный автор также подчеркивает, что «именно в ЕИ присутствуют драгоценные и желательные для AGI свойства». Главную причину определения ОИИ без отсылки к аналогу он видит в погруженности большинства ИИ-специалистов в прикладные задачи, решение которых происходит в отрыве от теоретического осмысления роли сознания в развитии ИИ [8]. Выходом из сложившегося положения и Дубровский, и другие специалисты в области методологии ИИ называют наметившуюся тенденцию к объединению усилий ИИ-сообщества с представителями гуманитарного знания, специализирующимися в области ИИ. В частности, по мнению Дубровского, такое объединение усилий более чем актуально в философско-методологических вопросах проблемы сознания и анализа его ценностно-смысловых и деятельно-волевых структур [8].

Однако в настоящее время общий ИИ – это только наука и исследования, поэтому прикладной ИИ, его проблематика, особенности, тенденции развития остаются в центре внимания мирового научного сообщества и бизнес-индустрии.

Важной отличительной особенностью современного ИИ является совмещение технологии больших данных (Big Data) и методов глубинного обучения (Deep Learning), основанных на использовании искусственных нейронных сетей (ИНС). ИНС – это упрощенный аналог естественных нейронных сетей, но способный обучаться. При этом одна из важнейших составляющих технологии ИНС – не только машинное обучение, но и самообучение. Алгоритм, помимо изначально заложенных в него данных, может получать и обрабатывать новую информацию, чтобы в дальнейшем на ее основе принимать относительно более сложные и эффективные решения, т. е. современный ИИ учится, в том числе и непосредственно на собственном опыте, но только в пределах своих технологических возможностей.

В то же время, как подчеркивают специалисты, процесс обучения (с учителем, с частичным привлечением учителя, с подкреплением) происходит с каждой новой завершенной задачей, поэтому идет постоянный процесс совершенствования текущего ИИ, что и определило растущий потенциал его новаций, несмотря на ограниченные возможности узких методов. Одной из таких новаций инструментального характера стал эмоциональный ИИ (Emotion AI/EAI), который называют революционной технологией, способной распознавать эмоции человека и реагировать на них подобно человеку [3].

Авторство понятия «эмоциональный ИИ», а также развитие этой темы как новой области научного знания принадлежит доктору Розалин Пикард (Массачусетский технологический университет, США). В своей книге «Эмоциональные вычисления» («Affective computing», 1997) доктор Пикард впервые показала важность эмоций не только в реальной, но и в виртуальной среде, а также определила возможности распознавания и моделирования эмоций с помощью компьютерных систем [9]. Обозначившееся новое направление исследований эмоций, посвященное тематике ЭИ в контексте с ИИ, как отмечают аналитики, послужило стимулом для дальнейшего развития отрасли человеко-компьютерного взаимодействия. Однако определимся сначала с понятием «эмоциональный интеллект».

Эмоциональный интеллект. Область эмоций всегда рассматривалась специалистами как одна из сущностных характеристик человека, но только в результате целой волны исследований, посвященных роли эмоций в жизни человека, которая пришлось на конец XX столетия, ученые пришли к выводу, что эмоциональные реакции интеллектуальны по своему значению и являются одной из структурных составляющих естественного интеллекта. В частности, известный специалист в области личностного роста и лидерства Ст. Кови в своем бестселлере «Восьмой навык: от эффективности к величию», представляя современную парадигму человека, выделяет четыре вида интеллект-способностей, которыми обладает каждый человек, – это ментальный, физический, эмоциональный и духовный интеллект [10, с. 62]. Автор подробно описывает функциональные свойства и потенциальные возможности каждого из этих видов интеллекта, составляющих ЕИ, подчеркивает ведущую роль духовного интеллекта. Отдельное внимание уделяет эмоциональному интеллекту и его значению в новых условиях как для саморазвития личности, так и для развития эмоциональной компетентности и лидерства.

Понятие «эмоциональный интеллект» впервые встречается в публикациях американских психологов П. Селовой и Дж. Мейера (1990) [11]. Развитие эта тема получила благодаря профессору Гарвардского университета Д. Гоулман и его книге «Эмоциональный интеллект» (1995), в которой он не только обобщил имеющиеся на тот период данные нейрофизиологии и результаты исследований в области социальной и поведенческой психологии, но и обосновал необходимость разделения интеллекта на рациональный и эмоциональный [12]. Согласно Гоулману, великая революция XXI в. состоит в реванше чувства над интеллектом, однако подготовить эту революцию должно развитие эмоционального интеллекта, поскольку умение читать эмоциональные состояния других людей и понимать их являются приобретенными, а не врожденными, поэтому таким знаниям важно обучаться.

Эмоциональный интеллект сегодня рассматривают как умение правильно понимать свои эмоции и эмоции окружающих, контролировать и управлять своими и чужими эмоциями. В частности, современная практика управления проявляет повышенный интерес к эмоционально-ориентированной коммуникации как наиболее эффективному использованию человеческих ресурсов организации, но, прежде всего, это касается руководителей. Тема эмоционального лидерства настолько актуальна в настоящее время, что постоянно находится в центре внимания специалистов. Например, в одной из работ Д. Гоулмана и др. «Эмоциональное лидерство» (2012) особо подчеркивается, что лидеров отличает не только профессиональное мастерство и проницательность, но и умение налаживать контакты с людьми, вдохновлять их, поддерживать мотивацию и преданность делу [13].

Подобную точку зрения высказывают и другие специалисты, например К. Флеминг, автор известной книги «Эмоциональная гибкость» (2019). В числе главных вопросов современного лидерства он называет вопрос развития эмоциональной гибкости, которую рассматривает как эмоциональный интеллект в действии [14]. В свою очередь Б. Джордж, признанный специалист в области лидерства, выделяет в своей более чем популярной книге «Внутренний компас лидера» (2019) в качестве главного преимущества лидеров XXI в. развитый эмоциональный интеллект [15]. При этом развитый эмоциональный интеллект рассматривается специалистами не как противоположность ментальному, а как их уникальное сочетание (Д. Гоулман, Ст. Кови, К. Шваб, Б. Джордж и др.).

В цифровую эпоху развитый ЭИ стал насущной потребностью межличностного и делового взаимодействия в практиках не только реального бытия социума, но и его виртуального бытия, включая виртуальное лидерство – одно из последних нововведений эмоционального ИИ 2022 г.

Эмоциональный искусственный интеллект. Сегодня эмоциональный ИИ определяют как инструмент, который обеспечивает эффективное взаимодействие между машинами и людьми, поскольку он может не только анализировать тончайшие изменения невербального языка общения, например в человеческой мимике, рисунке голоса, жестике, но и реагировать на них. Технология эмоционального ИИ представляет собой современное конвергентное знание, объединяющее разработки компьютерных и когнитивных наук, психологии, нейробиологии, социологии и лингвистики. По оценке экспертов, тесная взаимосвязь этих научных направлений способствует росту возможностей текущего ИИ, включая эмоциональный ИИ [3].

Один из актуальных примеров такой взаимосвязи в рамках текущего ИИ – новая архитектура глубоких нейронных сетей – Transformer (Google Brain, 2017) и ее модели. В частности, модель BERT, созданная для задач обработки естественного языка (2019). В данной модели используется механизм self-attention, позволяющий взаимодействовать с другими словами в предложении, что, по оценке аналитиков, сделало возможным по-новому взглянуть на проблему обучения ИИ. Последние трансформерные модели, подобные BERT, также имеют инструмент сентимент-анализ (англ. sentiment analysis), позволяющий находить в тексте эмоционально окрашенную лексику [16], но не только. Например, языковую программную модель (нейросеть) GPT-3 (Generative Pre-trained Transformer-3/2020) от компании OpenAI, по словам ее разработчиков, можно использовать для решения «практически любых задач», а вместо повторного обучения на дополнительных данных достаточно выразить задачу в виде текстового запроса, описания или примеров, что принципиально отличается от других подобных моделей ИИ. Считается, что сегодня GPT-3 является наиболее крупной и продвинутой языковой моделью в мире [17].

Нейросеть GPT-3 относят к третьему поколению алгоритма обработки естественного языка с архитектурой «трансформер». Третья версия обошла две предыдущие (GPT-1/2018 и GPT-2/2019) с большим отрывом как в количестве параметров, которое в GPT-3 достигло 175 млрд (против 117 млн в GPT-1 и 1,5 млрд – в GPT-2), так и в объеме датасетов, который составил 600 Гб (против 5 и 40 Гб датасетов в первой и второй версиях). Нейросеть учится на данных из Интернета, таких как книги, статьи, веб-страницы и других, чтобы создавать человекоподобный текст. Она хорошо запоминает сложные зависимости между словами и лучше других выделяет наиболее важные слова из контекста. Это значительно облегчает разработчикам создание приложений, способных интерпретировать и реагировать на естественный язык. Как и другие генеративные сети-трансформеры, GPT-3 предсказывает, какое слово появится в тексте, но делает это гораздо быстрее своих предшественников, при этом использует меньшие вычислительные мощности. Но при всех достижениях GPT-3, так же, как и другие языковые модели, не понимает контекста и просто пытается предсказывать текст слово за словом [17].

Однако в конце ноября 2022 г. компания OpenAI представила новую разработку – чат-бот ChatGPT, обученный на новой версии GPT-3 – GPT-3.5. ChatGPT взаимодействует в диа-

логовом режиме и лучше справляется с контекстом благодаря тому, что запоминает детали разговора. Разработчики подчеркивают, что формат диалога позволяет новой нейросети отвечать на дополнительные вопросы, признавать свои ошибки и даже отклонять неуместные запросы. Новую нейросеть называют не просто первой многозадачной и первой универсальной из-за большого потенциала ее возможностей, но и революционной [18]. Среди наиболее значимых применений чат-бота выделяют, прежде всего, генерацию текста, языковой перевод, резюмирование текста, написание кода (на разных языках программирования), анализ настроений и др. Оценивая специфику функционала нейросети, аналитики особо отмечают, что, например, анализ настроений может быть полезен для понимания общего тона и эмоций для определения настроения отзывов клиентов и прочего [18], что имеет особое значение в коммуникации «человек – машина». Свое особое значение этот показатель имеет и для совершенствования технологии эмоционального ИИ. В то же время, как и любую другую модель машинного обучения, ChatGPT характеризуют определенные ограничения и недостатки: зависимость от данных, предвзятость, ограниченное понимание и др. В частности, комментируя такой показатель, как «ограниченное понимание», специалисты подчеркивают, что хотя нейросеть ChatGPT и способна генерировать высокоточные и беглые ответы на подсказки, но она не обладает глубоким пониманием мира или способностью рассуждать как человек, поэтому модель может оказаться неспособной генерировать ответы на сложные или абстрактные вопросы, а также понимать контекст и последствия конкретной подсказки [18]. При этом разработчики отмечают еще одно важное ограничение новой нейросети – ее база знаний заканчивается периодом 2021 г. [5].

Однако, несмотря на определенные минусы, эксперты оценивают ChatGPT как важный шаг в развитии технологии современного ИИ, в частности, речь идет о генеративном ИИ (ГИИ), его рассматривают как новый сдвиг парадигмы, который заключается в том, что человека при обучении машины заменили машиной. ГИИ представляет собой взаимодействие двух компьютерных нейросетей: одна генерирует образы, тексты, видео, а другая ищет ошибки, сравнивает правильные образы с неправильными и т. д. Специалисты определяют ГИИ как новую более мощную и зрелую разновидность современного ИИ мультимодального поведения, предназначенную для создания совершенно новых контентов на основе обучающего набора. Однако ГИИ, как и все алгоритмы текущего ИИ, зависят от участия человека, и этого участия, по свидетельству аналитиков, становится все больше, но уже в другом ролевом исполнении [4, 19].

Сегодня к особо заявившим себя системам генеративного ИИ относят генерацию изображений, генерацию текста, а также написание программного кода, что в целом, несомненно, окажет прогрессивное воздействие на дальнейшее развитие современного ИИ и, соответственно, ЭИИ [20].

Таким образом, потенциал современного ИИ значительно возрос, но, как и раньше, ИИ зависит от человека, в частности, не только от предоставляемых разработчиками объемов данных, но и от качества этих данных для реализации целевых установок, создаваемых алгоритмов. Соответственно и ЭИИ в рамках текущего ИИ зависит не только от объемов данных, содержащих информацию о невербальном языке общения пользователей, но и от качества этих данных. При этом эмоции пользователей в технологии ЭИИ не имеют смыслового

значения и рассматриваются не как основа интеллектуального, а как опознаваемые состояния или идентифицируемые процессы. В основании этих алгоритмов заложен метод поисковой идентификации, цель – построить взаимодействие с человеком максимально «человекообразным» образом, адаптироваться к его эмоциональному состоянию, а также влиять на него с помощью различных эмоциональных выражений, которые заложены в программу ее разработчиком, т. е. ЭИИ и все его новации в настоящее время зависят от человека, который их создает.

В то же время аналитики называют две причины, которые идут в направлении дальнейшего развития и совершенствования ЭИИ как инструмента эмоционально-ориентированного взаимодействия машины с человеком. Первую причину они связывают с определением эмоционального интеллекта как обучаемой для человека области знания, такой же обучаемой она является и для ЭИИ. Вторая причина объясняется следующим образом: способность чувствовать, характерная для человека, не означает, что все люди могут понимать эмоциональные состояния других людей, и учатся такому пониманию далеко не все. Эмоциональный ИИ не наделен такими человеческими способностями, но не только учится умению распознавать эмоциональные состояния человека, но и постоянно развивает свои навыки. Отмечается, что если человек развивает свой эмоциональный интеллект на основе самопознания и самоконтроля, в практиках социализации и социальной коммуникации, то эмоциональный ИИ учится определять взаимосвязь между эмоцией и ее проявлением на больших массивах размеченных данных [3]. При этом существующие сегодня системы эмоционального ИИ отличаются друг от друга по своим предназначениям и целевым установкам.

Так, например, системы компьютерного зрения считывают выражения лица при помощи любого оптического датчика (веб-камеры, камеры смартфона и др.), определяя его на видео в режиме реального времени, на записи или изображениях. Алгоритмы фиксируют основные точки человеческого лица (глаза, кончик носа, брови, уголки рта) и отслеживают их движение для расшифровки эмоций. Программа для распознавания лиц, сопоставляя собранные данные с образцами из базы изображений, может определять чувства человека по сочетанию выражений его лица. Появились и новые программы, которые умеют отслеживать такие показатели эмоций, как радость, грусть, гнев, презрение, отвращение, страх, удивление. В настоящих условиях возникли и дополнительные программные функции, которые могут включать идентификацию и верификацию по изображению лица, определению возраста, пола, этнической принадлежности и многое другое.

В свою очередь, программы распознавания эмоций по голосу позволяют обрабатывать аудиофайлы, содержащие человеческий голос, анализировать то, как говорят, извлекая паралингвистические сигналы, отражающие изменения интонации, громкости, темпа, качества речи, и «переводить» полученные данные на язык эмоций ИИ [21].

В целом все эти системы – распознавания лиц, голоса, тела, различные модели биосенсоров и другие, с позиций научно-исследовательского поиска относят к инструментам, которые предоставила разработчикам область «эмоциональных вычислений» – подход, который, как уже отмечалось, разработан Р. Пикард и ее коллегами из Массачусетского технологического университета [9]. По оценке экспертов, в настоящее время данный подход очень удачно дополняется двумя другими относительно самостоятельными подходами

ЭИИ: «эмоциональное взаимодействие» и «технологии как опыт». Направление «эмоционального взаимодействия» опирается на феноменологию и видит эмоции, созданные во взаимодействии как между людьми, так и между людьми и машинами (Ф. Сэнгерс, П. Дориш, У. Гэвер и др.). Особенность направления «технологии как опыт» заключается в том, что оно переключило внимание с трактовки эмоций как изолированного явления на целостный подход к пониманию эмоций (Д. МакКарти, П. Райт, Д. Норман и др.). Аналитики отмечают, что все три направления, несмотря на совершенно разные теоретические точки зрения на область эмоций и проектирования, имеют совпадения, базирующиеся на определенных общих концепциях и целях проектирования, поэтому в целом обеспечивают единство теории и практики в развитии технологии и ИИ, и ЭИИ [22].

Такое единство на повестке дня современного ИИ представляет, в частности, широко обсуждаемая мировым научным сообществом тема сверхглубоких мультимодальных нейросетевых моделей, которые получили название «базисные модели». Именно они позволяют системам ИИ, в частности ГИИ и его инструментам (например, как уже упоминавшаяся последняя новация ГИИ – ChatGPT), осуществлять так называемое мультимодальное поведение. Оно отличается возможностью интеграции информации из различных сенсорных модальностей (текст, изображение, видео, звук и т. д.), осуществлять «привязку» («grounding») информации этих разных модальностей к окружающей реальности с построением полноценных связных «образов мира», как это присуще человеку [4]. В целом развитие подобных нейросетевых моделей оценивается как многообещающая перспектива движения в сторону ОИИ, однако специалисты постоянно подчеркивают, что в настоящее время практически все существующие системы, в том числе и последние новые, не являются автономными, они остаются управляемыми и могут функционировать только с помощью человека, но полностью или частично зависят от применяемой модели нейросети [4]. Это значит, что среди вопросов, связанных с созданием ОИИ, ключевыми были и остаются вопросы сознания, это касается и эмоционального ИИ.

Эмоциональный ИИ «в лицах». Ярким примером того, насколько продвинутым стал сегодня ЭИИ, является первый реалистичный социальный робот София от Hanson Robotics (Гонконг, 2016) и одновременно первый робот в мире, получивший гражданство (2017, Саудовская Аравия) [23]. София смоделирована по образу актрисы «Золотого века» Голливуда Одри Хепбёрн. Робот, по словам его создателя Дэвида Хэнсона, использует много уровней ИИ (включая визуальную обработку данных и распознавание лиц, мимику человека, жесты, позы и др.). В результате София умеет выражать до 60 эмоций, распознавать речь, поддерживать разговор с людьми и генерировать ответы на основании собственного опыта и данных из Интернета. Ее камеры позволяют распознавать людей, следить за лицами и поддерживать зрительный контакт и др.

Софию постоянно совершенствуют и программно, и аппаратно. Б. Герцель, являясь одним из главных участников разработки данного проекта, отмечает: «Для робота София мы используем множество инструментов из OpenCV (OpenCV – библиотека алгоритмов компьютерного зрения) для обработки компьютерного зрения. Мы используем наработки нейронных сетей от разных разработчиков для распознавания лиц и объектов. Мы используем Google Voice для обработки речи. Также используем инструментарий одной компании для

перевода текста в речь. Мы используем наши собственные инструменты ИИ для памяти, обучения и индивидуальности, затем мы соединяем десятки различных инструментов ИИ в конкретной архитектуре для управления самим роботом» [6].

Аналитики отмечают, что если изначально София мало что умела, теперь она стала отличным помощником для пожилых людей в быту, в частности в доме престарелых, также она может помогать людям на различных мероприятиях и т. д. В то же время создатели и разработчики Софии ставят перед собой новые цели – разработать робота, который, получая социальные навыки, будет в полной мере взаимодействовать с другими людьми. «Одна из вещей, которую мы поняли при разработке нашей технологии ИИ, – подчеркивает Герцель, – состояла в том, чтобы осуществить дальнейший большой скачок в функциональности ИИ» [6].

В настоящее время София является основой для исследований в области робототехники и искусственного интеллекта, особенно для понимания взаимодействия человека и бота, а также потенциальных приложений для обслуживания и развлечений. Например, она использовалась для исследований в рамках проекта Loving AI, цель которого – понимание того, как роботы могут адаптироваться к потребностям пользователей посредством внутриличностного и межличностного развития [23].

Недавно у Софии появилась младшая сестра – мини-версия робота (2019). В компании ее в шутку называют «новым членом семьи Hanson Robotics». Рост маленькой Софии составляет 36 см, ее голова так же, как у «старшей сестры» лишена волос. На затылке отсутствует «кожа»: там расположено небольшое окошко, через него видны детали и механизмы, которыми оснащен роботизированный аппарат. Считается, что младшая София будет особенно полезна для девочек возрастом 7–13 лет, вдохновляя и обучая их новым знаниям и навыкам, также мини-София поможет детям обучаться робототехнике и программированию [23].

В январе 2022 г. на выставке новых технологий CES-2022 в Лас-Вегасе, США, был представлен реалистичный робот – демонстратор технологий Амека от британской компании Engineered Arts. Робот обладает человеческими чертами лица и очень реалистичной мимикой. Разработчики сознательно сделали ему серый цвет лица и прозрачный череп для демонстрации работы механизмов, которыми он оснащен. Этот антропоморфный робот особенно поражает правдоподобной симуляцией эмоций.

В развитии эмоционального ИИ особый интерес как для исследований, так и для бизнеса представляют сервисные роботы. Сервисные роботы или ИИ-системы в виде чат-ботов представляют собой мощные программы, которые имитируют реальный разговор с пользователем с помощью текстовых или аудиосообщений на сайтах, в мессенджерах, в мобильных приложениях к телефону. Такие голосовые помощники, как Siri, Cortana, Assistant, Alexa, Алиса, Маруся, перестают быть только технологическим инструментом, каждый ИИ-бот становится лицом бренда, поэтому, чтобы общение ИИ-бота с клиентами и работниками компании соответствовало бренду компании и ее деловой репутации, их постоянно обучают эмоциональной коммуникации.

Предназначение виртуальных «цифровых людей» – уже не просто отвечать на вопросы, как Siri, Alexa, Алиса или Маруся, а вести реальный разговор с собеседником, выглядеть и вести себя как люди и как люди показывать свои эмоции. Интересным примером такого умного помощника является видеочат-бот Ava от Autodesk. Смоделированный в 3D

интеллектуальный агент Ava имеет реалистичный человеческий облик и характер. Система основана на машинном обучении и распознавании естественного языка и может вести диалог с клиентом в режиме реального времени, имитировать соответствующее выражение лица, что во многом облегчает клиенту взаимодействие с машиной [24].

Одно из последних новшеств ЭИИ связано со сферой управления. Об этом новшестве мир узнал из сообщения компании мобильных игр NetDragon Websoft о назначении в своей дочерней компании Fujian NetDragon Websoft виртуального человекоподобного робота с ИИ – мисс Тан Юй на должность CEO (Гонконг, август 2022 г.). Руководство компании надеется, что объединение менеджмента и ИИ повысит эффективность работы организации и ее сотрудников. Вопросов и к разработчикам, и к администрации компании возникает огромное множество, поскольку речь идет о первом в мире опыте, когда в роли CEO выступает человекоподобный робот, однако подробная информация о мисс Тан Юй пока не разглашается [25].

Однако самая последняя новация в области ИИ, имеющая прямое отношение к ЭИИ (о ней уже говорилось ранее), – это текстовый чат-бот ChatGPT. Он увидел свет только 30 ноября 2022 г., но сразу же привлек к себе внимание общественности и стал широко использоваться в различных сферах жизнедеятельности социума, начиная с образовательной. При этом о боте стали говорить и писать, как о самой «человечной», «обучаемой» и «достоверной» разработке ИИ. Согласно аналитикам, оптимисты предвкусывают, что ChatGPT заменит человека в написании текстов и кода, а пессимисты ужасаются, что он заменит человека в написании текстов и кода. Одна из главных фишек ChatGPT заключается в том, что его алгоритм можно совмещать с другими алгоритмами, в частности, проблему Siri с ее ограниченными диалоговыми возможностями уже решили, объединив Siri с возможностями ChatGPT. После перепрограммирования Siri научилась отвечать почти «на все вопросы» [20], что, несомненно, обогатило потенциал брендового бота и функционально, и эмоционально.

Проблемные зоны ЭИИ. Несмотря на определенные коммуникативные успехи, у ЭИИ есть свои проблемные зоны, в частности это так называемый «эффект зловещей долины», под которым подразумеваются сильные эмоциональные реакции, связанные с антропоморфностью умных машин; проблема баланса между интеллектом умной машины и ее телесной внешностью, например, глупое поведение робота при внешней реалистичности; феномен AI bias, который проявляется в некорректности ИИ по отношению к человеку, например, при приеме на работу по половому, возрастному, расовому и другим признакам, и др.

Открытие феномена «эффект зловещей долины» принадлежит известному японскому специалисту по робототехнике Масахиро Мори. Изучая, как человек реагирует на роботов, он обнаружил определенную закономерность: чем реалистичнее робот, тем выше эмоциональная оценка и чувство эмпатии, но любые изъяны и отклонения у робота, похожего на человека, начинают вызывать у людей отторжение. Если эти изъяны убраны и робот становится почти неотличимым от человека, он снова начинает вызывать у него позитивные эмоции. Резкое снижение эмпатии Мори обозначил термином «зловещая долина», этот феномен аналитики называют одним из важных препятствий на пути взаимодействия человека и машины.

Попытку преодоления «эффекта зловещей долины» предприняли разработчики пермской компании «Промобот» – одной из крупнейших в сфере производства автономных сервисных роботов в России и Европе. Они создали антропоморфного робота Дуняшу, которая

была представлена на Петербургском международном экономическом форуме – ПМЭФ-2022 [26]. Презентация вызвала настоящий ажиотаж. Оказалось, что робот-буфетчица Дуняша представляет собой целый комплекс – робокафе с роботизированной рукой и оборудованием для выдачи холодных и горячих напитков, при этом девушка-робот с яркой внешностью отличается умением поддержать с клиентом разговор или сделать селфи, пока тот ждет свой заказ. Она всегда в хорошем настроении и никогда не устает. Эксперты отмечают, что этот робот пока не имеет аналогов на рынке.

По свидетельству соучредителя компании «Промробот» О. Кивокурцева, компания находится в процессе решения проблемы «зловещей долины». В частности, отмечается, что если раньше компания делала роботов с кожей, не слишком похожей на человеческую, неестественной мимикой, руки роботов двигались слишком резко, то сейчас эти недостатки устраняются, что рассматривается как один из серьезнейших аргументов на пути выхода из «зловещей долины» [27]. В итоге, внешний образ Дуняши, ее манеры, голос, функциональное поведение, которые были тщательно продуманы разработчиками, не просто привлекли внимание на ПМЭФ, после форума поступило более 200 заявок на производство робокафе со всей России, стран СНГ и Ближнего Востока, что позволило компании надеяться на то, что в будущем Дуняша станет массовым продуктом [26].

Опыт с Дуняшей показывает, что имеющиеся в настоящее время проблемные зоны ЭИИ, даже в рамках текущего ИИ, имеют свои решения, но эти решения нуждаются в постоянном совершенствовании и развитии. Однако главной причиной каждой из проблемных зон современного ИИ, включая эмоциональный ИИ, аналитики называют прежде всего человеческий фактор, хотя проявляется он очень по-разному.

В целом эмоциональный искусственный интеллект – это новация современного ИИ, которая детерминирована как спецификой текущего ИИ, так и спецификой естественного эмоционального ИИ. В настоящее время ЭИИ находится в процессе формирования и развития, главные акторы этого процесса – антропоморфные роботы, текстовые и голосовые чат-боты, а также видеоботы, все они активно демонстрируют полученные знания и навыки в области эмоциональной коммуникации. При этом в соответствии с ресурсами текущего ИИ эти знания и навыки развиваются и в процессе дополнительного обучения (с учителем, с частичным привлечением учителя, с подкреплением), и в процессе самообучения, которое стало возможным благодаря технологии ГИИ, в частности, функционала новой нейросети ChatGPT. И хотя эмоциональные компетенции современного ИИ все еще далеки от искомого совершенства, ученые предполагают, что «рано или поздно настанет день, когда появятся системы, обладающие тем же уровнем креативности, ощущений и эмоционального интеллекта, что и человек» [28, с. 9].

В то же время, как отмечают специалисты, сегодня не только ИИ обучается эмпатии и эмоционально-ориентированной коммуникации, человек проходит свой путь обучения современной эмоциональной компетентности. Главные доводы – у эмоционального ИИ отсутствует стереотипное мышление и приобретенные предвзятости. Робот распознает, но не испытывает эмоций, соответственно, он не знает, что такое внутренний конфликт, поэтому не отвечает грубостью на грубость, агрессией на агрессию, не поддается на провокации и, как следствие, учит терпимости человека. Отсюда понимание того, что значимость эмоционального

ИИ для человека заключается не только в его коммуникативной полезности, но и, как особо подчеркивают исследователи, в том, что, взаимодействуя с такой технологией, мы на подсознательном уровне работаем над своей эмоциональной осознанностью, а также пониманием и своих эмоциональных состояний, и эмоциональных состояний других людей [3].

Заключение. В настоящее время эмоциональный ИИ находится в процессе своего формирования и развития. Его компетенции весьма далеки от аналога, поскольку системы компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания эмоций по голосу, анализа данных (машинного обучения) и прочее являются управляемыми, это только программы ИИ. Однако те достижения, которые уже сегодня демонстрирует ЭИИ, обусловленные новыми реалиями текущего ИИ, в частности генеративного ИИ, можно рассматривать как важные шаги к созданию нового вида искусственного интеллекта – общего ИИ, который, как предполагается, многократно расширит возможности человека и социума в целом. И хотя общий ИИ – еще только абстрактное понятие, аналитики считают, что у общего ИИ как системы, приближающейся по своим функциональным возможностям к естественному интеллекту, должны появиться способности к целеполаганию, принятию решений, умению планировать и многие другие, желательные для ОИИ, в частности, умение коммуницировать с человеком. И именно этому учится сегодня современный эмоциональный искусственный интеллект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / пер. О. Сивченко, Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
2. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму / М. С. Бурцев, О. Л. Бухвалов, А. А. Ведяхин и др. М.: Интеллектуальная литература, 2021.
3. Алия Григ. Эмоциональный искусственный интеллект: меняя мир человека к лучшему // VC.ru. 13.07.2021. URL: <https://vc.ru/u/194266-aliya-grig/269320-emocionalnyy-iskusstvennyy-intellekt-menyaya-mir-cheloveka-k-luchshemu> (дата обращения: 05.12.2022).
4. Колонин А. В чем сила, Сильный ИИ? // РСДМ, 11.11.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-chem-sila-silnyy-ii/> (дата обращения: 22.12.2022).
5. ChatGPT: искусственный интеллект «для поговорить», о котором говорят все – ADPASS // ChatGPT. URL: <https://chat-gpt.ru/chatgpt-iskusstvennyj-intellekt-dlya-pogovorit-o-kotorom-govoryat-vse/> (дата обращения: 25.01.2023).
6. Cyril Gilson. Ben Goertzel on how blockchain can decentralize artificial intelligence // Cointelegraph. Oct 20, 2017. URL: <https://cointelegraph.com/news/ben-goertzel-on-how-blockchain-can-be-used-to-decentralize-artificial-intelligence> (дата обращения: 22.12.2022).
7. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 129–153. DOI: 10.31249/scis/2018.00.09.
8. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, общий искусственный интеллект: новые стратегические задачи и перспективы // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 128–159.
9. Picard R. W. Affective computing. 1997. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Affective-Computing-Picard/35858c5a69cf765fd2874e96553f693187da6d66#related-papers> (дата обращения: 14.11.2022).
10. Кови Ст. Р. Восьмой навык: от эффективности к величию / пер. с англ. Ю. Сундстрем. М.: Альпина Паблишер, 2014.

11. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*, 1990. Vol. 9, iss. 3, P. 185–211. DOI: <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>.
12. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. Исаевой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022.
13. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / пер. с англ. А. Лисицыной. М.: Альпина Паблишер, 2012.
14. Флеминг К. Эмоциональная гибкость. Завоевать расположение коллег, управлять решениями партнеров / пер. с англ. Д. Шалаевой. М.: Эксмо, 2020.
15. Джорж Б. Внутренний компас лидера / пер. с англ. Е. Деревянко. М.: Альпина Паблишер, 2019.
16. Искусственный интеллект: угроза или помощник человечеству // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38931070> (дата обращения: 15.08.2022).
17. На что способна нейросеть GPT-3 // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/602c161c9a79474c3372027c> (дата обращения: 25.01.2023).
18. ChatGPT: самый продвинутый чат-бот с искусственным интеллектом // ChatGPTPRO. URL: <https://chatgpt.pro/ru/> (дата обращения: 25.01.2023).
19. Гриффит Э., Мец К. Сгенерированный бум: как в технотраке появился новый свет // Идеономика. 24.01.2023. URL: <https://ideanomics.ru/articles/29573> (дата обращения: 25.01.2023).
20. Она может все: как ChatGPT меняет мир // NewsFactory. URL: <https://www.newsfactory.su/ru/hi-tech/478157-ona-mozhet-vse-kak-chatgpt-menyayet-mir> (дата обращения: 25.01.2023).
21. Эмоциональный ИИ: как технология обретает человеческое лицо // Evergreen. URL: <https://evergreens.com.ua/ru/articles/emotion-ai.html> (дата обращения: 16.10.2022).
22. Путеводитель по человеко-компьютерному взаимодействию: эмоциональные технологии // LPGenerator. URL: <https://lpgenerator.ru/blog/2017/10/22/putevoditel-po-cheloveko-kompyuternomu-vzaimodejstviyu-emocionalnye-tehnologii/> (дата обращения: 22.12.2022).
23. Робот София: первый человекоподобный робот с гражданством // Mentamore. URL: <https://mentamore.com/robototexnika/robot-sofiya.html> (дата обращения: 02.11.2022).
24. Autodesk: AVA Видео-чатбот // Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Autodesk_AVA_Видео-чатбот (дата обращения: 02.11.2022).
25. Катушкин С. Китайскую компанию возглавил робот с искусственным интеллектом // Involta. 02.09.2022. URL: <https://involta.media/post/kitayskuyu-kompaniyu-vozglavil-robot-s-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 21.12.2022).
26. Шакирова М. Как робот-буфетчица «Дуняша» принесла создателям 20 млн рублей и прославилась на ПМЭФ // Forbes. 22.06.2022. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/469357-kak-robot-bufetcica-dunasa-prinesla-sozdatelam-20-mln-rublej-i-proslavilas-na-pmef> (дата обращения: 23.12.2022).
27. Сооснователь «Промобота» рассказал, какие человекоподобные роботы больше всего нравятся людям и почему // Финмаркет. 05.08.2022. URL: <http://www.finmarket.ru/interview/?id=5775005> (дата обращения: 09.09.2022).
28. Белда И. Разум, машины и математика / пер. с исп. М.: DeAgostini, 2014.

Информация об авторах.

Мамина Раиса Ильинична – доктор философских наук (2007), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиосфера современного социума, коммуникативные практики, кросскультурное сотрудничество, цифровые коммуникации, цифровой этикет, цифровая самопрезентация, инновационные образовательные траектории.

Пирайнен Евгения Викторовна – кандидат философских наук (2007), доцент (2013), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, коммуникативные практики, кросскультурное сотрудничество, цифровые коммуникации, цифровой этикет, цифровая самопрезентация, проблематика ИИ, философия образования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.12.2022; принята после рецензирования 18.01.2023; опубликована онлайн 24.04.2023.

REFERENCES

1. Daugherty, P. and Wilson, J. (2019), *Human + Machine: Reimagining Work in the Age of AI*, Transl. by Sivchenko, O. and Yatsyuk, N., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
2. Burtsev, M.S., Bukhvalov, O.L., Vedyakhin, A.A. and etc. (2021), *Sil'nyi iskusstvennyi intellekt: na podstupakh k sverkhrazumu* [Strong artificial intelligence: approaching the superintelligence], Intellektual'naya literatura, Moscow, RUS.
3. Aliya, Grig (2021), "Emotional artificial intelligence: changing the human world for the better", *VC.ru*, 13.07.2021, available at: <https://vc.ru/u/194266-aliya-grig/269320-emotionalnyy-iskusstvennyy-intellekt-menyaya-mir-cheloveka-k-luchshemu> (accessed 05.12.2022).
4. Kolonin, A. (2022), "What is the strength, Strong AI?", *RIAC*, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-chem-sila-silnyy-ii/> (accessed 22.12.2022).
5. "ChatGPT: artificial intelligence "to talk" that everyone is talking about – ADPASS", *ChatGPT*, available at: <https://chat-gpt.ru/chatgpt-iskusstvennyj-intellekt-dlya-pogovorit-o-kotorom-govoryat-vse/> (accessed 25.01.2023).
6. Cyril, Gilson (2017), "Ben Goertzel on how blockchain can decentralize artificial intelligence", *Cointelegraph*, 20.10.2017, available at: <https://cointelegraph.com/news/ben-goertzel-on-how-blockchain-can-be-used-to-decentralize-artificial-intelligence> (accessed 22.12.2022).
7. Proydakov, E.M. (2018), "The current state of artificial intelligence", *Naukovedcheskie issledovaniya* [Scientific research], INION RAN, Moscow, RUS, pp. 129–153. DOI: 10.31249/scis/2018.00.09.
8. Dubrovsky, D.I. (2022), "Consciousness, brain, general artificial intelligence: new strategic tasks and prospects", *Helovek i sistemy iskusstvennogo intellekta* [Man and artificial intelligence systems], in Lektorskii, V.A. (ed.), *Yuridicheskii tsentr*, SPb., RUS, pp. 128–159.
9. Picard, R.W. (1997), *Affective computing*, available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Affective-Computing-Picard/35858c5a69cf765fd2874e96553f693187da6d66#related-papers> (accessed 14.11.2022).
10. Covey, S.R. (2014), *The 8th Habit From Effectiveness to Greatness*, Transl. by Sundstrem, Yu., Alpina Publisher, Moscow, RUS.
11. Salovey, P. and Mayer, J.D. (1990), "Emotional intelligence", *Imagination, Cognition and Personality*, vol. 9, iss. 3, pp. 185–211. DOI: <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>.
12. Goleman, D. (2022), *Emotional intelligence*, Transl. by Isaeva, A., Mann, Ivanov and Ferber, Moscow, RUS.
13. Goleman, D., Boyatzis, R. and McKee, A. (2012), *Primal Leadership. Learning to Lead with Emotional Intelligence*, Transl. by Lisitsyna, A., Alpina Publisher, Moscow, RUS.
14. Fleming, K. (2020), *The Leader's Guide to Emotional Agility*, Transl. by Shalaeva, D., Eksmo, Moscow, RUS.
15. George, B. (2019), *Discover Your True North: Becoming an Authentic Leader*, Transl. by Derevyanko, E., Alpina Publisher, Moscow, RUS.
16. "Artificial intelligence: a threat or helper to humanity", *BBC*, available at: <https://www.bbc.com/russian/features-38931070> (accessed 15.08.2022).

17. "What is the GPT-3 neural network capable of?", *RBC Trends*, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/602c161c9a79474c3372027c> (accessed 25.01.2023).
18. "ChatGPT: The most advanced chatbot with artificial intelligence, *ChatGPTPRO*", available at: <https://chatgpt.pro/ru/> (accessed 25.01.2023).
19. Griffith, E. and Metz, K. (2023), "Generated boom: how a new light appeared in techno-dark", *Ideanomic*, 24.01.2023, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/602c161c9a79474c3372027c> (accessed 25.01.2023).
20. "She can do everything: how ChatGPT is changing the world", *NewsFactory*, available at: <https://www.newsfactory.su/ru/hi-tech/478157-ona-mozhet-vse-kak-chatgpt-menyaet-mir> (accessed 25.01.2023).
21. "Emotional AI: how technology takes on a human face", *Evergreen*, available at: <https://evergreens.com.ua/ru/articles/emotion-ai.html> (accessed 16.10.2022).
22. "Guide to human-computer interaction: emotional technologies", *LPGenerator*, available at: <https://lpgenerator.ru/blog/2017/10/22/putevoditel-po-cheloveko-kompyuternomu-vzaimodejstviyu-emocionalnye-tehnologii/> (accessed 22.12.2022).
23. "Robot Sofiya: the first humanoid robot with citizenship", *Mentamore*, available at: <https://mentamore.com/robototexnika/robot-sofiya.html> (accessed 02.11.2022).
24. "Autodesk: AVA Video chatbot", *Tadviser*, available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Autodesk:_AVA_Видео-чатбот (accessed 02.11.2022).
25. Katushkin, S. (2022), "A Chinese company is led by an artificial intelligence robot", *Involta*, available at: <https://involta.media/post/kitayskuyu-kompaniyu-vozglavil-robot-s-iskusstvennym-intellektom> (accessed 21.12.2022).
26. Shakirova, M. (2022), "As a robot barmaid Dunyasha brought the creators 20 million rubles and became famous at SPIEF, *Forbes*, 22.06.2022, available at: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/469357-kak-robot-bufetcica-dunasa-prinesla-sozdatelam-20-mln-rublej-i-proslavilas-na-pmef> (accessed 23.12.2022).
27. "The co-founder of "Promobot" told which humanoid robots people like the most and why", *Finmarket*, 05.08.2022, available at: <http://www.finmarket.ru/interview/?id=5775005> (accessed 09.09.2022).
28. Belda, I. (2014), *Mentes, maquinas y matematicas*, Transl., DeAgostini, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Raisa I. Mamina – Dr. Sci. (Philosophy, 2007), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 100 scientific publications. Area of expertise: axiosphere of modern society, communication practices, cross-cultural cooperation, digital communications, digital etiquette, digital self-presentation, innovative educational trajectories.

Evgeniya V. Piraynen – Can. Sci. (Philosophy, 2007), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 60 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, communication practices, cross-cultural cooperation, digital communications, digital etiquette, digital self-presentation, AI, philosophy of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.12.2022; adopted after review 18.01.2023; published online 24.04.2023.*

Оригинальная статья

УДК 314

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-52-63>

Ценности современного руководителя-женщины в социально-структурных отношениях в бизнес-сфере

Елена Сергеевна Гуренко

*Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия,
ges1000@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4033>*

Введение. В статье рассматриваются ценности современного руководителя-женщины в социально-структурных отношениях в бизнес-сфере с точки зрения гендерной принадлежности. Автором ставится задача сравнить ценностные позиции руководителя-женщины и руководителя-мужчины по нескольким индикаторам (финансовая независимость, карьерные амбиции и ожидания, баланс между работой и семьей, образование и саморазвитие) для выявления гендерных различий в их деятельности, в том числе влияющих на успех организации в целом.

Методология и источники. С помощью методов комплексного анализа, а также данных, полученных в ходе социологического опроса, охватившего руководителей различного уровня в управленческой иерархии российских и зарубежных компаний разных форм участия и сегментов рынка, через призму ценностей была исследована специфика трудового статуса руководителя-женщины в социально-структурных отношениях в бизнес-сфере. Для проведения исследования был разработан опросник, затрагивающий ценностные ориентации современного руководителя в бизнес-сфере и отношение к успеху в профессиональной жизни. Территориальные рамки: Россия. Хронологические рамки: осень 2019 – январь 2022 г. Выборка репрезентирована по критерию «место сотрудника в управленческой иерархии организации». В исследовании приняли участие 130 чел.

Результаты и обсуждение. Было установлено, что ценностная структура у женщин и мужчин различается незначительно, а те качества, которыми в силу своей природы обладают женщины, могут оказаться «полезными» в бизнесе. Также было обнаружено, что семья и дети больше не являются для современной женщины препятствием для профессионального роста и развития, позволяя ей легко конкурировать с мужчинами в разных сегментах бизнеса, в том числе в управленческой деятельности.

Заключение. Автор делает вывод о том, что в современных условиях изменились не только ценностные ориентации женщины, но и ее поведение в социальной жизни общества. Это объясняется тем, что ценности, в частности социальные, являются продуктом социализации женщины, освоения ею общественных, нравственных, эстетических, этических идеалов и требований, предъявляемых к ней как к члену общества. Так же и базовые ценности – их структура изменилась и выражает сегодня фундаментальные, общечеловеческие ориентации и нормы поведения человека, продиктованные современными реалиями – цифровизацией, экономическим кризисом, политической нестабильностью, пандемией.

© Гуренко Е. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: женщина-руководитель, гендерные различия, карьера, ценности, цифровые ценности, цифровизация

Для цитирования: Гуренко Е. С. Ценности современного руководителя-женщины в социально-структурных отношениях в бизнес-сфере // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 52–63. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-52-63.

Original paper

The Values of Modern Female Manager in Social and Structural Relations of the Business Sphere

Elena S. Gurenko

*The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia,
ges1000@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4033>*

Introduction. This article discusses the values of a modern female manager in social and structural relations of the business sphere from the gender point of view. The author sets the task of comparing the value positions of a female and a male manager in terms of several indicators (financial independence, career ambitions and expectations, balance between work and family, education and self-development) to identify gender differences in their activities, including those that affect the success of the organization in general.

Methodology and sources. Using the methods of complex analysis, as well as data obtained in the course of a sociological survey that covered managers of various status in the employment of Russian and foreign companies of various forms of participation and different market segments, through the prism of values, the specifics of the labor status of a female manager in socio-structural relations in business area. A questionnaire on the value orientations of modern manager in business and their attitude towards success in professional life was developed for the study. Territorial scope: Russian Federation. Timeframe: autumn 2019 – January 2022. The sample is represented according to “the employee level in organizational hierarchy” criteria. The study involved 130 participants.

Results and discussion. It was found that the value structure of women and men differs slightly, and those qualities that women possess by “their nature” could be “useful” in business. It was also found that family and children are no longer an obstacle to professional growth and development for a modern woman, allowing her to easily compete with men in various business segments, including management.

Conclusion. The author concludes that in modern conditions not only the value orientations of a woman have changed, but also her behavior in the social life. This is explained by the fact that values, in particular social ones, are the product of a woman's socialization, her assimilation of social, moral, aesthetic, and ethical ideals and the requirements placed on her as a member of society. The same is true of the basic values – their structure has changed and today expresses the fundamental, universal orientations and norms of human behavior dictated by modern realities – digitalization, the economic crisis, political instability, and the pandemic.

Keywords: female manager, gender differences, career, values, digital values, digitalization

For citation: Gurenko, E.S. (2023), “The Values of Modern Female Manager in Social and Structural Relations of the Business Sphere”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 52–63. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-52-63 (Russia).

Введение. Исследования гендерной проблематики в социологии и в частности в социологии управления постоянно развиваются. Так, первые работы, рассматривающие гендерные аспекты в организационной среде, появились лишь во второй половине прошлого века в англоязычной литературе [1]. До этого данная область оставалась практически неизученной, а немногие проводившиеся тогда исследования носили андроцентричный характер, т. е. включали в себя в основном теоретические размышления, сосредоточенные вокруг фигуры руководителя (того или иного уровня), который описывался на основе типичных мужских черт и атрибутов [2]. Женщина в организации в ранних исследованиях была все еще ограничена рамками своей роли матери – жены – домохозяйки и рассматривалась скорее как исключение, представляющее интерес. Однако с начала 1980-х гг. интерес к руководителям-женщинам сильно возрос, в том числе в междисциплинарной перспективе (социология, менеджмент, психология, экономика), что послужило предпосылкой для формирования феминизма, который сыграл первостепенную роль в возникновении новой управленческой парадигмы, основанной на ценностях [3]. В отличие от того, что было раньше, даже несколько лет назад, современный мир – это «цифровой» мир, в котором в отношениях мужчин и женщин нет субординации, но есть партнерство. И это настоящий прорыв. Более того, женская повестка развивается сегодня не только на уровне частного бизнеса, но и на государственном уровне, доказательством чего является создание Евразийского женского форума при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [4], который еще раз подчеркивает усиление роли женщины в достижении глобальных целей.

Ядром любой социальной организации (в том числе в бизнес-сфере) согласно этой парадигме являются не люди в целом, а мужчины и женщины, выполняющие свои профессиональные и статусные роли. Все они стремятся достичь желаемого успеха в выбранном виде деятельности, сделать карьеру, получить всеобщее признание и т. д. И гендерная дифференциация, основанная на ценностях, является непосредственным отражением всех этих процессов. Другими словами, подход к изучению управленческой деятельности требует оценки различий между руководителями-мужчинами и руководителями-женщинами, поскольку он предполагает как существование определенных общих ценностей, присущих всем руководителям независимо от их гендерной принадлежности, так и существование различных ценностей, присущих исключительно руководителям-мужчинам и руководителям-женщинам. Это, в свою очередь, влечет за собой дополнительные исследования, результаты которых нашли свое отражение в нашей работе и будут полезны руководителям обоего пола, так как они дают более целостное понимание социально-структурных отношений в управленческой деятельности и ориентируют их на успех.

Методология и источники. Цель исследования – через призму ценностей оценить статус современного руководителя-женщины в социально-структурных отношениях в бизнес-сфере в сравнении с деятельностью руководителя-мужчины. Были поставлены следующие задачи: 1) выявить круг задач, решаемых руководителем-женщиной для профессионально-личностного развития; 2) эмпирически определить системы ценностей руководителя-женщины и руководителя-мужчины; 3) сравнить полученные результаты и выявить гендерные различия в управленческой сфере. Объектом исследования выступила ценностная система руководителя-женщины в управленческом контексте.

Проблемы женского руководства (от боязни лидерства до «стеклянного потолка») сегодня широко обсуждаются в обществе. Более того, уже накоплен большой объем статистических материалов и социологических исследований, изучающих стили руководства мужчин и женщин и их специфику, роль и функции женщины в системе управления, а также связь между гендерными стереотипами и оправданием задержки продвижения женщин по карьерной лестнице (К. Ломбард, Э. О'Лири, К. Бартол, Д. Мартин, Я. Джорстад, Т. В. Бендас, В. А. Хащенко, Н. Н. Хащенко, А. Е. Чирикова, В. А. Шахова, И. Ф. Рековская, А. Л. Журавлев и т. д. [5, 6]). Эти и другие факторы позволяют нам рассматривать данный вопрос в более узком и углубленном смысле – в рамках ценностного подхода.

В качестве основы была выдвинута гипотеза о том, что мужчины и женщины руководят по-разному, что обуславливается различными факторами, включая личностные и ценностные ориентации.

Основное влияние гендерного фактора на управленческую деятельность, по мнению многих исследователей, заключается в недостаточной социальной компетентности женщин в этой области [7, 8]. Другими словами, руководители подстраиваются под ожидания своих подчиненных и коллег, обусловленные гендерной ролью – в обществе, семье и на работе. Поэтому руководители-женщины часто воспринимаются другими, и в первую очередь мужчинами, как менее эффективные сотрудники из-за их так называемой «дополнительной» неоплачиваемой работы в качестве матери, жены и домохозяйки. При этом такая социально принятая стереотипная роль женщины влияет и на самих женщин, заставляя их сомневаться в своем успехе и выбирать «карьеру» в семье, а не на работе. Однако стоит отметить, что за последние десятилетия отношение к социальной стереотипизации в бизнесе заметно изменилось, что привело к формированию на рынке труда нового гендерного порядка, затрагивающего взаимодействие двух системообразующих социальных общностей (мужчин и женщин) в интересах их равноправного положения в рабочей среде [9]. Особенно данная тенденция наблюдается в крупных городах.

Процессу нейтрализации стереотипов в бизнесе также способствовало проникновение информационных технологий во все сферы жизни человека [10], о чем в своем трехтомном труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» еще в 1996 г. говорил известный социолог М. Кастельс, когда ввел в обиход понятие «сетевое общество» [11]. Цифровизация открыла широкие возможности для онлайн-обучения, удаленной работы и построения собственного бизнеса, позволив многим женщинам вырваться за рамки финансовой неустроенности, общественного мнения, а иногда даже глубоко укоренившихся патриархальных традиций, особенно характерных для некоторых регионов нашей страны. Кроме того, столкнувшись с цифровыми технологиями в рамках Индустрии 5.0, современное бизнес-сообщество приобрело новые навыки, отличающие руководителей цифровой трансформации (поиск инноваций, способность мыслить глубоко и аналитически, внедрение принципов культуры и мотивации сотрудников, развитие общей стратегии ведения бизнеса в цифровой направленности, внедрение технологий искусственного интеллекта, использование систем управления Битрикс24 и ERP и др.) [12]. Как следствие, мы видим руководителя, который руководствуется в своей деятельности в том числе и цифровыми ценностями, позволяющими ему с учетом технологий улучшить как свой бизнес, так и дело клиента, сделав его более ценным для всех участников процесса [13].

В то же время оценить, в какой именно степени гендерный фактор влияет на управленческую деятельность, достаточно сложно. Бесспорным, однако, остается тот факт, что мужчины и женщины различаются в восприятии мира, общении, отношении к успеху, в своих ценностных установках и т. д., что напрямую влияет на то, как они относятся друг к другу и как управляют отношениями в рабочей среде. Так, многочисленные исследования показывают, что в целом женщины больше мужчин склонны к риску, имеют более высокую социальную чувствительность и делают больший упор на коммуникацию и сотрудничество [14]. Мужчины же больше проявляют самоуверенность, оптимизм и, как правило, реагируют действием. Также женщины более эмоциональны и страстны, в том числе и в бизнесе – они буквально живут им. Для них любая неудача – вопрос жизни и смерти. С другой стороны, они более организованы, мультизадачны и ответственны. Мужчины же относятся к делу более расчетливо, но в то же время они готовы на прорыв, готовы менять правила. При этом очень часто у представителей обоего пола, особенно на топ-уровнях, более развиты качества противоположного пола по сравнению с подчиненными своего пола – мужчины лучше считают эмоции, а женщины являются хорошими стратегами. Это дает нам основание предполагать, что у женщин на всех управленческих уровнях есть все необходимые качества руководителя (помимо профессиональных навыков и компетенций), которые в определенных сферах (например, в системе социальной защиты, клиентском сервисе) помогают им добиваться даже большего успеха, чем мужчинам [15].

Поскольку в гендерной структуре населения нашей страны соотношение женщин и мужчин составляет 54 % к 46 % (на январь 2020 г.) [16], т. е. она характеризуется гендерной асимметрией (как и в нашем исследовании), а доля женщин на руководящих должностях, особенно в сегменте малого и среднего бизнеса, постоянно растет, можно говорить о том, что российскому бизнесу в целом свойственна «женская» модель управления. Она в свою очередь формирует соответствующую корпоративную культуру с семейными ценностями, где акцент делается на коллективной работе и единстве, и определяет тем самым, согласно Г. Хофстеде, национальную модель бизнеса [17]. Безусловно, в России эта модель имеет свои особенности, но по основным параметрам данной концепции – «мужественность/женственность», «индивидуализм/коллективизм», «долгосрочность/краткосрочность ориентации на перспективу» – имеет все признаки японской модели управления: приверженность к коллективным формам труда, сохранение традиций, значение стажа работы для продвижения по службе, дружественные отношения в коллективе. Однако нельзя не отметить, что в последнее время российская модель управления бизнесом приобретает и отдельные черты американской («мужской») модели: единоличное управление, борьба за лидерство, самоутверждение, быстрое перемещение в должности, краткосрочный найм, овладение сразу несколькими смежными специальностями. В основном это касается американских, канадских, австралийских и новозеландских компаний.

Основными методами нашего исследования являются методы комплексного анализа, а также социологического опроса – анкетирования (методом «снежный ком»). Эти методы исследования базируются на принципах детерминизма, системности и развития, отражающих идеи целостности, причинности и непрерывного изменения и развития под воздействием субъективных и объективных факторов.

Информационной базой исследования стали международные и российские научные публикации, периодические издания, литература и интернет-источники в открытом доступе по изучаемой тематике, практической базой являются результаты нашего первичного опроса.

Для проведения исследования был разработан опросник о ценностных ориентациях современного руководителя в бизнес-сфере и отношении к успеху в профессиональной жизни. В выборку исследования вошли руководители различного уровня управленческой иерархии российских и зарубежных компаний разных форм участия и сегментов рынка (строительство, транспорт и логистика, нефтегаз, сервис и др.). Территориальные рамки исследования определяются в первую очередь крупными городами России – это Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Нижний Новгород. Хронологические рамки исследования охватывают период с осени 2019 г. по январь 2022 г. Выборка репрезентирована по критерию «место сотрудника в управленческой иерархии организации». В исследовании приняли участие 130 чел. Женщины составили 69,3 %, мужчины – 30,7 %. По занимаемым должностям были выделены две основные группы респондентов: руководители – собственники бизнеса (66,7 %) и наемные руководители (29,3 %), к которым относятся руководители среднего звена и топ-менеджеры. Доля женщин в группе руководителей-собственников составила 48 %, в группе наемных руководителей – 16 %. Опросник из 25 вопросов (с возможностью оставить комментарии и дополнения) распространялся среди респондентов в электронном виде (Google-форма) посредством прямой рассылки на электронную почту, в соцсети и мессенджеры. Для обработки результатов использовался статистический анализ данных.

Результаты и обсуждение. Исследование показало, что важность гендерной принадлежности зависит в первую очередь от уровня управленческой иерархии. Результаты можно обобщить следующим образом.

Как видно из рис. 1, для большинства опрошенных женщин (44 %) работа сегодня – это источник дохода, и она занимает большую часть их жизни (40 %). Объяснить это можно тем, что роли перемешались: женщины поняли, что они ничем не хуже мужчин и их труд должен цениться не меньше, а многие бытовые вопросы можно решить с помощью няни, клининга, службы доставки и т. д. Кроме того, Интернет и социальные сети дают каждому, в том числе и женщинам, массу возможностей зарабатывать и запускать стартапы практически без вложений, реализовываться там, где действительно интересно.

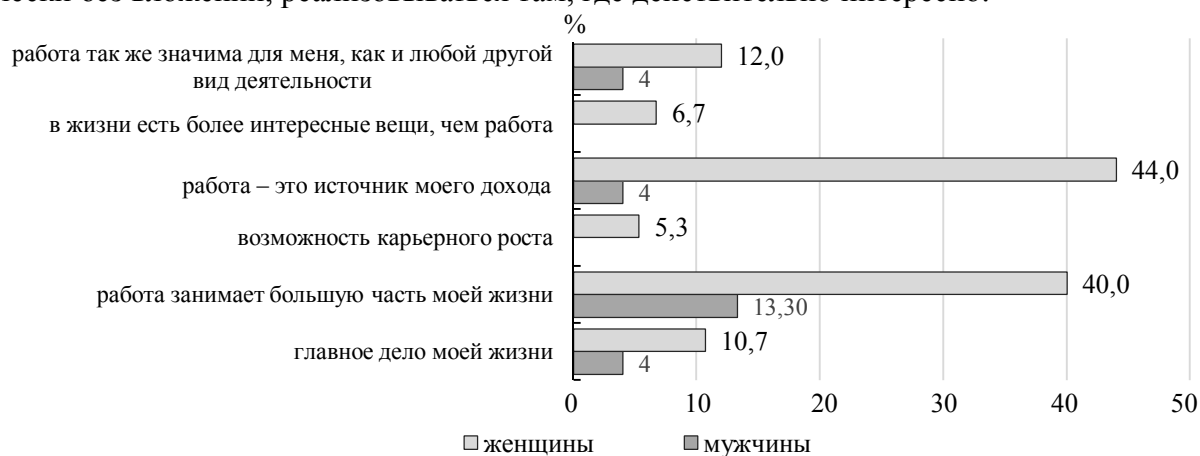

Рис. 1. Работа как часть жизни
Fig. 1. Work as a part of life

Вверх по карьерной лестнице современных женщин также толкает стремление к свободе и независимости в материальном и профессиональном плане: почти половина опрошенных женщин среди критериев, важных для успешной работы, называет высокую оплату с возможностью карьерного роста (44 %), улучшение профессиональных навыков (38,7 %) и творческую работу (32 %). Интересно, что согласно результатам нашего опроса, руководителями-женщинами чаще, чем представителями сильного пола, движет желание реализовать свои карьерные амбиции (44 % против 16 %). Возможно, это связано с тем, что мужчинами продвижение по карьерной лестнице воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а не как отдельный фактор успеха. В то же время мы видим, что для женщин важен удобный график, позволяющий совмещать работу и личные дела (18,7 % против 8 % у мужчин), что указывает на их готовность не только активно трудиться, делать карьеру, но и уделять много времени семье, детям. Это зачастую приводит к «двойной занятости», когда женщина вынуждена полностью выкладываться и на работе, и дома. И хотя желания (или проблемы) мужчин и женщин в отношении баланса между работой и семьей практически одинаковые, то, с чем они сталкиваются на работе, например, когда становятся родителями, зачастую ставит их в совершенно разные условия.

Главными факторами своего карьерного успеха руководители-женщины считают способность принимать решения (56 %), ориентацию на результат (45,3 %), стрессоустойчивость (42,7 %), постоянное саморазвитие (36 %), системное мышление и организаторские способности (29,3 %). В несколько меньшей степени для успешного развития карьеры, по мнению женщин, участвовавших в нашем опросе, важны ответственность (22,6 %), коммуникабельность (16 %), а также способность к самоанализу, уверенность в себе и творческое мышление (по 14,7 %). Интересно, что приоритеты мужчин в данном вопросе располагаются приблизительно в таком же порядке: способность принимать решения (21,3 %), ориентация на результат (20 %), стрессоустойчивость, системное мышление и ответственность (по 16 %). Это можно объяснить как наработкой определенных навыков, которая происходит со временем у всех руководителей, так и сложившейся ситуацией в мире (пандемия, кризис), которая заметно меняет требования к управлению, позволяя форсировать гендерный баланс и повышая шансы женщин на успешную карьеру руководителя. Стоит также отметить, что женщины в отличие от мужчин больше времени уделяют саморазвитию и образованию в целом (третья строчка в иерархии ценностей против восьмой у мужчин), реализуя первичные потребности в получении образования, в том числе дополнительного, прежде чем начать движение по карьерной лестнице. Если говорить о женщинах-собственниках с этой точки зрения, то они подходят к идее заниматься бизнесом более осознанно.

Ранжирование ценностей, связанных с успехом бизнеса, выявило, что сильных различий в системе ценностей руководителей-женщин и руководителей-мужчин также нет (рис. 2). И женщины, и мужчины на первое место ставят экономические ценности (49,3 % и 16 %), что вполне предсказуемо, поскольку любой бизнес – это прежде всего цифры и финансовый результат. На второе место они ставят социальные ценности (12 % и 6,7 %), на третье – духовные ценности (4,6 % и 5,3 %) и на четвертое – семейные ценности (4 % и 2,7 %).

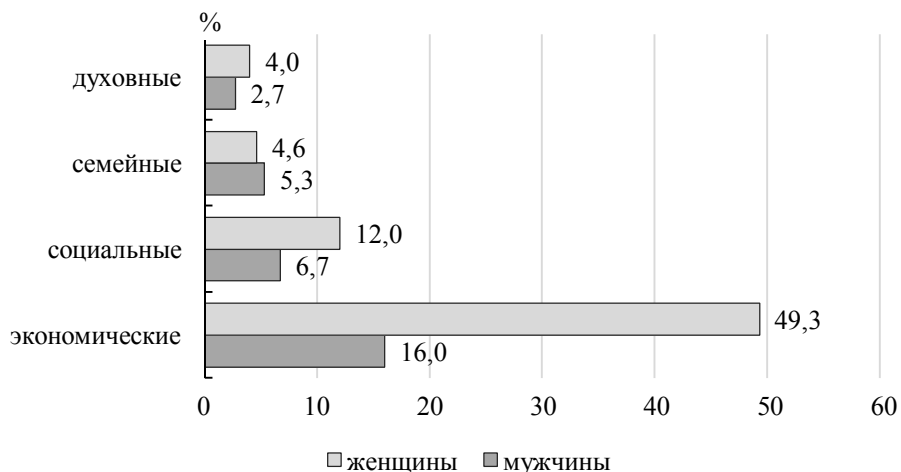

Рис. 2. Ценности, которые двигают бизнес вперед
Fig. 2. Values that drive business forward

В то же время, отвечая на вопрос о важнейших ценностях человека, они называют в первую очередь здоровье (91 %), семью (86,7 %) и любовь (70,7 %), что как нельзя лучше отражает наиболее важные векторы развития государственной политики в области защиты традиционных ценностей – «верность правде и справедливости, уважение к семье, любовь к детям» [18]. При этом, как мы видим, руководители-женщины более склонны проявлять заботу о своем здоровье, в том числе в силу своих природных особенностей (вынашивание и рождение ребенка) – 64 % и 25,3 % у мужчин (первая и третья строчки в иерархии жизненных ценностей), в то время как мужчины на первое место в своей структуре ценностей ставят семью – 26,7 % и 61,3 % у женщин (вторая строчка).

Анализ субъективных представлений респондентов о стиле управления, согласно проведенному опросу, показал, что руководители-женщины чаще выбирают демократический стиль – 46,2 % (34,6 % – авторитарный, 11,5 % – либеральный), т. е. ориентируются на мнение большинства при выборе единой стратегии, а мужчины – авторитарный – 47,8 % (39 % – демократический, 8,7 % – либеральный), т. е. руководствуются исключительно своими знаниями, умениями, навыками, предыдущим опытом и интересами. Это указывает на то, что, даже несмотря на одну и ту же организационную роль, мужчины и женщины руководят по-разному. Более того, женщины выполняют свои управленческие функции в определенном, свойственном только им «женском» стиле, который характеризуется набором таких качеств, как доброта, спокойствие, мягкость, осторожность, эмоциональность, гибкость и др. В той или иной степени именно эти качества помогают им в достижении профессионального успеха. При этом авторитарный стиль управления чаще встречается у руководителей-женщин – собственников бизнеса (38,9 %), чем у наемных руководителей среднего и высшего звена (25 %). Это может быть связано с боязнью потерять контроль над своим детищем, а также с неспособностью делегировать полномочия, особенно если компания находится на начальной стадии развития.

Анализ полученных данных также указывает на положительную динамику в ориентации руководителей на будущее. Больше половины респондентов, мужского и женского пола, на вопрос «сколько вы планируете проработать в данной организации» ответили, что не планируют менять место работы (61,5 % женщин и 65 % мужчин). Лишь незначительная

часть респондентов ответила, что планирует проработать в конкретной организации от нескольких месяцев до двух лет (9,6 % женщины, 4,3 % мужчины). Такие показатели говорят об увлеченности современных управленцев своим делом, которые реализуют себя творчески, понимают важность своего труда для других людей и меньше зависят от внешних факторов (колебания зарплаты, общественное признание и др.). Тем не менее мы также видим, что руководители-женщины чаще готовы к переменам в профессиональной жизни, особенно это касается руководителей по найму: 12,5 % планируют проработать в конкретной организации всего несколько месяцев, 31,3 % – до 3 лет и 3,8 % – до 5 лет, в то время как женщины – собственники бизнеса, как правило, или вообще не собираются менять место работы (58 %), или планируют оставаться на руководящей должности в одной компании дольше 5 лет (27,8 %). Такую тенденцию, если говорить про малый бизнес, можно объяснить тем, что многие руководители по найму, в отличие от тех же рядовых сотрудников, например, просто не видят впереди карьерной перспективы, поскольку выше них – только генеральный менеджер (руководитель), который обычно еще и владелец бизнеса. Кроме того, основателям собственного бизнеса без опыта работы по найму гораздо сложнее найти работу в силу их свободолюбивого характера и нежелания подчиняться.

Заключение. Настоящее исследование было направлено на оценку статуса современного руководителя-женщины в контексте ценностного подхода и выявление гендерных различий в социально-структурных отношениях в бизнес-сфере. Автором было обнаружено, что ценностная структура руководителей-мужчин и руководителей-женщин отличается незначительно (первые строчки у представителей обоего пола занимают здоровье, любовь, семья), на основании чего можно сделать вывод о том, что мужчины и женщины гораздо более схожи в своих профессиональных задачах, целях и установках, чем нас зачастую заставляет верить общественное мнение. Различия, в том числе и в рабочей среде, есть, но они заключаются не в конкретных гендерных характеристиках, а вытекают из организационной структуры, моделей взаимодействия, которые по-разному позиционируют мужчин и женщин, создавая для них разный опыт. Другими словами, сталкиваясь с разными обстоятельствами, люди по-разному реагируют на них – не вследствие принадлежности к своему полу, а из-за ситуации. Поэтому наблюдается проявление мужских качеств, моделей поведения у женщин (они становятся более властными, авторитарными), и, наоборот, тенденцию роста мужчин с такими женскими чертами, как лояльность, мягкость и т. д. Однако ярко выраженного мужского или женского стиля руководства нет, есть одинаковый для людей обоего пола стиль руководства, направленный на рост эффективности организации.

В целом сегодня найдется не так уж много женщин, готовых поступиться семьей или карьерой и выбрать для себя что-то одно. Мир поменялся, общество поменялось – можно всегда найти более гибкие варианты или делегировать полномочия, бытовые и профессиональные. Возможно, именно поэтому доля руководителей-женщин, в том числе с детьми, в российском бизнесе с каждым годом растет, особенно в сегменте среднего и малого бизнеса. Это происходит в том числе благодаря различным инициативам, направленным на привлечение женщин в предпринимательство (образовательные онлайн-программы и проекты, форумы и т. д.). Кроме того, и сами мужчины начинают видеть позитивную связь между выросшей долей женщин в руководстве компаний и организационной и финансовой результативностью.

Исследование подтвердило актуальность гендерной проблематики и определило важное место современной женщины в сфере социально-структурных отношений в бизнесе, не видящей барьеров и препятствий в развитии собственной карьеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Female Entrepreneurship and the Metanarrative of Economic Growth: a Critical Review of Underlying Assumptions: Female Entrepreneurs and Economic Growth / H. Dean, G. Larsen, Ja. Ford, M. Akram // *International J. of Management Reviews*. 2017. Vol. 21 (1). P. 24–49. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijmr.12173>.
2. Schwartz E. B. Entrepreneurship: a new female frontier // *J. of Contemporary business*. 1976. Vol. 5. P. 47–76.
3. Feather N. T. Masculinity, femininity, psychological androgyny, and the structure of values // *J. of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 47 (3). P. 604–620. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.47.3.604>.
4. В Санкт-Петербурге прошел Третий Евразийский женский форум // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 15.10.2021. URL: <http://council.gov.ru/events/news/130430/> (дата обращения: 15.02.2022).
5. Резник С. Д., Макарова С. Н. Гендерные особенности карьерного роста: женщины в менеджменте // ЭКО. 2006. № 3. С. 125–136.
6. Lombard K. Female self-employment and demand for flexible, nonstandard work schedules // *Economic Inquiry*. 2001. Vol. 39, iss. 2. P. 214–237. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2001.tb00062.x>.
7. Eagly A. H., Johannesen-Schmidt M. C. The leadership styles of women and men // *J. of Social Issues*. 2001. Vol. 57, iss. 4. P. 781–797. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00241>.
8. Heilman M. E. Description and prescription: How gender stereotypes prevent women's ascent up the organizational ladder // *J. of Social Issues*. 2001. Vol. 57, iss. 4. P. 657–674. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00234>.
9. Силласте Г. Г. Рынок труда, занятости и профессий: пространство гендерных перемещений и их социальная динамика в условиях формирования нового гендерного порядка // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: мат. Всерос. науч. конф. с междунар. уч., Москва, 3 марта 2020 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2020. С. 3–5.
10. Центр изучения Цифровой (электронной) экономики представил Программу развития Цифровой (электронной) экономики в РФ до 2035 года // Ассоциация электронных торговых площадок. 24.04.2017. URL: <https://aetrp.ru/news/item/410256> (дата обращения: 23.01.2022).
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
12. Сибел Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху / пер. с англ. Ю. Гиматовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020.
13. Гуренко Е. С. Особенности динамики ценностных процессов в современной России // Молодые ученые – инновационному развитию общества (МИР-2020): тез. докл. 72-й внутривуз. науч. студ. конф. Москва, 16–20 марта 2020 г. / РГУ им. А. Н. Косыгина. Москва, 2020. Ч. 3. С. 237–238.
14. Weber E. U., Blais A.-R., Betz N. E. A Domain-Specific Risk-Attitude Scale: Measuring Risk Perceptions and Risk Behaviors // *J. of Behavioral Decision Making*. 2002. Vol. 15, iss. 4. P. 263–290. DOI: <https://doi.org/10.1002/bdm.414>.
15. Фирсов М. В., Вдовина М. В. Женщина в системе социальной защиты: статус и удовлетворенность трудом // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 3. С. 117–126.
16. Женщины и мужчины России. 2020: стат. сб. / под ред. П. А. Смелова. М.: Росстат, 2020.

17. Дырин С. П. Российская модель управления персоналом в условиях промышленного предприятия. СПб.: Питер, 2006.

18. Никто не сможет разрушить традиционные ценности России, заявил Путин // РИА Новости. 21.09.2022. URL: <https://ria.ru/20220921/putin-1818505541.html> (дата обращения: 22.09.2022).

Информация об авторе.

Гуренко Елена Сергеевна – аспирантка кафедры социологии и рекламных коммуникаций Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, Москва, 117997, Россия. Автор 18 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология, социология управления.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.10.2022; принята после рецензирования 15.01.2023; опубликована онлайн 24.04.2023.*

REFERENCES

1. Dean, H., Larsen, G., Ford, Ja. and Akram, M. (2017), "Female Entrepreneurship and the Metanarrative of Economic Growth: A Critical Review of Underlying Assumptions: Female Entrepreneurs and Economic Growth", *International J. of Management Reviews*, vol. 21 (1), pp. 24–49. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijmr.12173>.

2. Schwartz, E.B. (1976), "Entrepreneurship: A new female frontier", *J. of Contemporary business*, vol. 5, pp. 47–76.

3. Feather, N.T. (1984), "Masculinity, femininity, psychological androgyny, and the structure of values", *J. of Personality and Social Psychology*, vol. 47 (3), pp. 604–620. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.47.3.604>.

4. "St Petersburg hosted the Third Eurasian Women's Forum" (2021), *Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, available at: <http://council.gov.ru/events/news/130430/> (accessed 15.02.2022).

5. Reznik, S.D. and Makarova, S.N. (2006), "The Gender Aspects of Career Development: Women in Management", *ECO*, no. 3, pp. 125–136.

6. Lombard, K. (2001), "Female self-employment and demand for flexible, nonstandard work schedules", *Economic Inquiry*, vol. 39, iss. 2, pp. 214–237. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2001.tb00062.x>.

7. Eagly, A.H. and Johannesen-Schmidt, M.C. (2001), "The leadership styles of women and men", *J. of Social Issues*, vol. 57, iss. 4, pp. 781–797. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00241>.

8. Heilman, M.E. (2001), "Description and prescription: How gender stereotypes prevent women's ascent up the organizational ladder", *J. of Social Issues*, vol. 57, iss. 4, pp. 657–674. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00234>.

9. Sillaste, G.G. (2020), "The market of labor, employment and professions: the space of gender displacement and their social dynamics in the context of the formation of a new gender order", *Women in the Professions of the XXI Century: Trends, Problems, Prospects: materials of the All-Russian scientific conference with international participation*, Moscow, RUS, 3 March 2020, pp. 3–5.

10. "The Center for the Study of the Digital (Electronic) Economy presented the Program for the Development of the Digital (Electronic) Economy in the Russian Federation until 2035", *Association of Electronic Trading Platforms*, 24.04.2017, available at: <https://docs.cntd.ru/document/420204138> (accessed 23.01.2022).

11. Castells, M. (2020), *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Transl. by Shkaratan, O.I., Higher School of Economics, Moscow, RUS.

12. Siebel, T. (2020), *Digital Transformation. Survive and Thrive in an Era of Mass Extinction*, Transl. by Gimatova, Yu., Mann, Ivanov & Ferber, Moscow, RUS.

13. Gurenko, E.S. (2020), "Features of the dynamics of value processes in modern Russia", *Molodye uchenye – innovatsionnomu razvitiyu obshchestva (MIR-2020): tez. dokl. 72-oi vnutrivuz. nauch. studen. konf.* [Young scientists for the innovative development of society (WORLD-2020): abstracts of the 72nd intra-university scientific student conference], part 3, Moscow, RUS, 16–20 March 2020, pp. 237–238.

14. Weber, E.U., Blais, A.-R. and Betz, N.E. (2002), "A Domain-Specific Risk-Attitude Scale: Measuring Risk Perceptions and Risk Behaviors", *J. of Behavioral Decision Making*, vol. 15, iss. 4, pp. 263–290. DOI: <https://doi.org/10.1002/bdm.414>.

15. Firsov, M.V. and Vdovina, M.V. (2021), "Women in the social protection system: status and job satisfaction", *Woman in Russian Society*, vol. 3, pp. 117–126.

16. *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* [Women and Men of Russia] (2020), in Smelov, P.A. (ed.). Rosstat, Moscow, RUS.

17. Dyrin, S.P. (2006), *Rossiiskaya model' upravleniya personalom v usloviyakh promyshlennogo predpriyatiya* [Russian model of personnel management in the industrial enterprise], SPb., Piter, RUS.

18. "No one can destroy traditional values of Russia, said Putin" (2022), *RIA News*, available at: <https://ria.ru/20220921/putin-1818505541.html> (accessed 22.09.2022).

Information about the author.

Elena S. Gurenko – Postgraduate at the Department of Social Studies and Advertising Communications, The Kosygin State University of Russia, 33 Sadovnicheskaya str., bld. 1, Moscow 117997, Russia. The author of 18 scientific publications. Area of expertise: sociology, management sociology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 24.10.2022; adopted after review 15.01.2023; published online 24.04.2023.

Оригинальная статья

УДК 316.473

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-64-77>

Репрезентация инвалидов в федеральных СМИ (по материалам контент-анализа)

**Яна Сергеевна Рочева^{1✉}, Артем Леонидович Шавонин²,
Александр Александрович Шадрин³, Светлана Владимировна Шевердина⁴**

¹Федеральный научный центр реабилитации инвалидов им. Г. А. Альбрехта,
Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2, 3, 4}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ rocheva_yana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7162-8917>

²artyomshavonin@hotmail.com

³shadrin29@list.ru

⁴sveta.shumovskaya@yandex.ru

Введение. Репрезентация людей с инвалидностью позволяет повлиять на формирование образа в общественном сознании. СМИ играют значимую роль в формировании репрезентации инвалидов, что влияет на оценку, восприятие, оценочные суждения об инвалидах, которые долгое время строились некорректно, стереотипно, не способствовали интеграции, противоречили социальной политике, проводимой государством. На основании проведенного исследования авторы отметили нейтральный характер подачи материалов в печатных изданиях, использования термина «инвалид», что соответствует правозащитной модели инвалидности, репрезентации через материалы, связанные с социальной политикой государства и благотворительностью.

Методология и источники. Методология исследования сформирована на основе понимающей социологии, структурного функционализма, феноменологии и современных теорий коммуникации. В статье использованы идеи М. Вебера, Т. Парсонса, Н. Лумана, Г. Лассуэлла, Д. П. Гавры, М. Хайдеггера и Е. Ярской-Смирновой. Основным методом исследования выступает качественный контент-анализ статей федеральных СМИ.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование позволило выявить доминирующие представления об инвалидах и сформулировать рекомендации по изменению характера репрезентации инвалидности и образа инвалида. Образ инвалида строится на основе медицинской модели инвалидности и стереотипах, основанных на восприятии через жалость, жертвенность, беспомощность. Преобладание подобных материалов в информационном поле может формировать в сознании общества негативный образ людей с инвалидностью как людей беспомощных и являющихся обузой. Необходимы увеличение количества материалов в СМИ, повествующих о достижениях инвалидов, а также формирование системы мониторинга, которая позволит отслеживать соблюдение прав инвалидов в СМИ.

Заключение. На основе сравнительного анализа авторского исследования и материалов других авторов сделан вывод о стагнации репрезентации людей с инвалидностью

© Рочева Я. С., Шавонин А. Л., Шадрин А. А., Шевердина С. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

в федеральных СМИ, что является социальной проблемой. Для ее решения необходимо более частое использование образа инвалида как самостоятельного актора и популяризация тренда на инклюзию в обществе. Представлены дальнейшие варианты изучения репрезентации инвалидов в медиа.

Ключевые слова: инвалиды, образ инвалида, репрезентация, контент-анализ, федеральные СМИ

Для цитирования: Репрезентация инвалидов в федеральных СМИ (по материалам контент-анализа) / Я. С. Рочева, А. Л. Шавонин, А. А. Шадрин, С. В. Шевердина // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 64–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-64-77.

Original paper

Representation of Disabled People in the Federal Media (by the Materials of the Content Analysis)

**Yana S. Rocheva^{1✉}, Artem L. Shavonin², Alexander A. Shadrin³,
Svetlana V. Sheverdina⁴**

¹*Federal Scientific Center of Rehabilitation of the Disabled n. a. G. A. Albrecht, St Petersburg, Russia*

^{1, 2, 3, 4}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*rocheva_yana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7162-8917>*

²*artyomshavonin@hotmail.com*

³*shadrin29@list.ru*

⁴*sveta.shumovskaya@yandex.ru*

Introduction. The representation of people with disabilities affects the formation of the image in the public mind. The media play a significant role in shaping the representation of people with disabilities, and this affects the assessment, perception, value judgments about people with disabilities, which for a long time were built incorrectly, stereotyped, and did not contribute to integration, and contradicted the ongoing social policy of the state. Based on the study, the authors noted the neutral nature of the presentation of materials in print media, the use of the term “disabled”, which corresponds to the human rights model of disability, and their representation through materials related to the social policy of the state and charity.

Methodology and sources. The research formed on the basis of understanding sociology, structural functionalism, phenomenology and modern communication theories. The article uses the ideas of M. Weber, T. Parsons, N. Luhmann, G. Lasswell, D.P. Gavra, M. Heidegger and E. Yarskaya-Smirnova. The main research method is the qualitative content analysis of federal media articles.

Results and discussion. The study made it possible to identify the dominant ideas about people with disabilities and formulate recommendations for changing the nature of the representation of disability and the image of a person with a disability. The image of a disabled person is built on the basis of a medical model of disability and stereotypes based on perception through pity, sacrifice and helplessness. The predominance of such materials in the information field could form a negative image of people with disabilities as helpless people and being a “burden” in the minds of society members. It is required to increase the number of materials in the media that tell about the achievements of people with disabilities, as well as the formation of a monitoring system that will allow monitoring the observance of the rights of people with disabilities in the media.

Conclusion. Based on a comparative analysis of the author's research and materials of other authors, it was made a conclusion about the stagnation of the representation of people with disabilities in the federal media, which is a social problem. More frequent use of the image of a disabled person as an independent actor and popularization of the trend for inclusion are required to solve it. Further options for studying the representation of people with disabilities in the media are presented.

Keywords: disabled people, image of a disabled person, representation, content analysis, mass media

For citation: Rocheva, Ya.S., Shavonin, A.L., Shadrin, A.A. and Sheverdina, S.V. (2023), "Representation of Disabled People in the Federal Media (by the Materials of the Content Analysis)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 64–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-64-77 (Russia).

Введение. Люди с инвалидностью составляют значительную часть современного общества. По данным федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов», в России общая численность инвалидов составляет более 10 млн чел. Доля мужчин – 43,71 %, женщин – 56,29 % (данные по состоянию на 1 апреля 2022 г.) [1]. Толерантное отношение к людям с инвалидностью и их включение в жизнь общества стали важными задачами. СМИ играют значимую роль в формировании репрезентации инвалидов, что влияет на оценку, восприятие, оценочные суждения об инвалидах и государственную социальную политику, в которой с 2011 г. одним из направлений выступает проблема формирования позитивного общественного мнения об инвалидах и инвалидности. В частности, речь идет о продленной до 2030 г. программе «Доступная среда», о Конвенции о правах инвалидов. Стоит отметить, что особое распространение после ратификации Россией Конвенции ООН о правах инвалидов в 2012 г. получили понятия «толерантность», «инклюзия», «инклюзивное образование», «инклюзивная среда» и др. Начался качественный процесс конструирования образа инвалида и инвалидности в обществе, в котором особую роль играют СМИ и реклама. Цель работы – изучить, как репрезентируются люди с инвалидностью в федеральных СМИ, и сравнить полученные результаты с уже имеющимися исследованиями для выявления динамики изменения репрезентации инвалидов в СМИ.

Методология и источники. Определяющим фактором в освоении окружающей действительности индивидом является передача опыта от социального окружения данному индивиду. В социокультурную среду человека вписаны: индивидуальный опыт акторов, разговоры (взаимодействия, социальные отношения) между социальными группами, социальные практики и др., т. е. конструирование мира происходит не индивидуально, а совместно. Перенимая тот или иной опыт, прислушиваясь к мнениям и утверждениям окружающих, индивид выстраивает образы явлений, совершает социальные действия. Под социальными действиями принято понимать такие действия, цель которых – вызвать изменение поведения, взглядов и стремлений индивидов или общностей. В своей работе «Основные социологические понятия» М. Вебер писал: «Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое прятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грядущей опасности в будущем. “Другие” могут быть отдельными лицами, знакомыми, или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей» [2, с. 625].

М. Вебер классифицировал социальные действия на целерациональные, ценностно-рациональные, аффективные и традиционные [3, с. 162]. Действия СМИ по прививанию своей аудитории определенных ценностей находятся между ценностно-рациональным и целерациональным идеальными типами. С одной стороны, у СМИ есть четкая цель привить аудитории нужные ценности и идеи. С другой стороны, подобная потребность и связанные с ней решения чаще всего продиктованы ценностями, которые разделяет руководство данного СМИ (политика редакции). В результате данной деятельности у медиа возрастает возможность формировать ценностно-рациональные действия аудитории на основе полученных ценностных установок в отношении социальной группы инвалидов.

Инвалиды – это социальная группа, которая вступает в систему взаимоотношений и входит в состав общества, т. е. является частью большой системы. Если следовать теории социальной системы Т. Парсонса, любая социальная система стабильно существует, если в ней выполняются четыре условия (функции):

- 1) адаптация к окружающей среде;
- 2) саморегуляция (целестремление);
- 3) внутренняя интеграция (поддержание устойчивых связей внутри системы);
- 4) структурная стабильность (в достигнутом состоянии должна воспроизводиться в качестве образца, причем долгое время).

Классик назвал эти функции: адаптация, целестремление, интеграция, поддержание латентного образца (AGIL). Схема AGIL может служить универсальным аналитическим инструментом. С ее помощью можно исследовать, например, общество как систему, в которой экономика выполняет функцию адаптации (A), обеспечивая людей средствами к существованию; политика – функцию целестремления (G), обеспечивая принятие решений и управление деятельностью людей; право и социальные общности – функцию интеграции (I), обеспечивая скоординированность и бесконфликтность действий людей; образование и семья – функцию поддержания образца (L), обеспечивая передачу от поколения к поколению принятых форм и способов деятельности [4].

Таким образом, получается, что СМИ – это проводник для понимания этой системы, выступающий в роли адаптера, способного в том числе вырабатывать образы, паттерны (образцы) поведения других членов большой системы по отношению к инвалидам и инвалидности как части этой системы. Кроме этого, медиа выступают в качестве ретранслятора, выполняющего все функции по схеме AGIL одновременно (экономика, политика, право и социальные общности, образование и семья), и в первую очередь – за счет трансляции определенных информационных поводов (сюжетов и тем) на своих страницах, уходящих в массы (по сути, СМИ – четвертая власть), а также за счет репрезентации разных членов общества с помощью создания образов (имиджа).

Передача подобного опыта от социокультурной среды к индивиду происходит путем социальной коммуникации. Коммуникация – сложный и многокомпонентный процесс. Парсонс писал, что опыт, передаваемый людям в результате социальной коммуникации, служит средством мотивации их действий [5, с. 464].

СМИ являются мощным механизмом воздействия на сознание аудитории. Это общественный институт, который конструирует образы социальных групп через их репрезентацию.

Репрезентация – это представление одного в другом и посредством другого [6, с. 369]. Кроме этого, в гуманитарном дискурсе репрезентацией считаются мысль, язык, сложные научные теории. Репрезентациями опосредуется когнитивный процесс: мышление оперирует либо образом, либо словом [7]. Таким образом, используя разные методы отображения информации в СМИ, показывая инвалидов с разной стороны, СМИ формируют образ инвалидов в общественном сознании.

Новостные сюжеты, газетные статьи лучше запоминаются аудиторией, когда визуальный, вербальный ряд в структуре информации уникален. В формировании конструкта «инвалид» большое значение имеет не только общая тональность информационного сообщения, но и каждое слово, фото и видеоряд (в совокупности – содержание (контент)). Некорректно сконструированный образ может выступать предпосылкой для формирования негативного, стереотипного отношения к социальной группе или явлению и способствовать распространению дискриминирующих практик, в том числе транслировать паттерны восприятия. Кроме этого, особое значение имеет достоверность информации о явлении или социальной группе в СМИ. Это отсылает нас к концепции медиареальности Н. Лумана, который рассматривал действительность (реальное положение дел) через призму медиареальности, которую аудитория масс-медиа воспринимает как реальную. На СМИ лежит огромная ответственность, поскольку они способны отбирать информацию так, чтобы расставлять необходимые акценты, влиять на формирование социально одобряемых и нежелательных моделей поведения, а значит, могут выступать в качестве инструмента социализации путем конструирования информационной реальности и подменять ею реальность, объективно существующую [8, с. 11]. Таким образом, социальное конструирование может рассматриваться как процесс формирования общественного мнения относительно существующей социальной реальности в целом и отдельных ее элементов.

Говоря об образе, мы подразумеваем понятие «имидж», который также формируется с помощью СМИ. Это неоднозначная междисциплинарная дефиниция. С точки зрения социологии коммуникаций, это мнение, оценочное суждение, социальный портрет, совокупность свойств, приписываемых объекту рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией с целью вызвать определенные реакции. Имидж – составная часть определенной социальной роли (социального статуса) [9, с. 321].

Конструкт «инвалид» (образ инвалида, имидж инвалида) можно рассматривать с точки зрения информационно-коммуникативного подхода Д. П. Гавры, в котором заложены две точки зрения: информационная (наполнение) и коммуникационная (процесс) [10]. В основании имидж имеет информационно-коммуникативную природу. Он формируется на основе информации об объекте посредством процессов коммуникации. Информация, на базе которой происходит формирование имиджа, называется имиджформирующей.

Общепринятым терминологическим оборотом здесь является оборот «формирование имиджа». Это процесс взаимодействия между субъектом формирования имиджа (внешняя ведущая активная сила) и объектом имиджформирующей деятельности (пассивная ведомая сторона).

Более точно этот процесс называется имиджевая динамика. Имиджевая динамика представляет собой информационный процесс. В субъектном плане она обладает сложной струк-

турой. Сам субъект имиджа всегда является субъектом имиджевой динамики. Он обрабатывает поступающую информацию об объекте, создает образ-представление, опирающийся на мнение об объекте [10, с. 36]. С точки зрения процесса коммуникации имидж интерпретируется с помощью классической формулы Г. Лассуэлла: S – M – C – R – E (источник – сообщение – канал – получатель – эффект).

Авторы имеющихся исследований подчеркивают важность работы с прессой, которая играет важную роль в формировании образа человека с инвалидностью в общественном сознании. По мнению ряда авторов, чаще всего при формировании медиаобраза СМИ ориентируются на ожидания аудитории, что приводит к закреплению негативных стереотипов в сознании читателей [11, с. 4]. Это не только приводит к негативному отношению к ним со стороны других членов общества [12, с. 216], но и закрепляет за инвалидами образ «других» [13, с. 82]. Под воздействием отрицательных стереотипов человек с инвалидностью перестает ощущать себя полноценной частью общества. Также наличие подобных предубеждений противоречит социальной политике государства, направленной на интеграцию инвалидов в общество, и мешает ее полноценной реализации [14, р. 65]. Таким образом, проблемное поле репрезентации инвалидов строится некорректно, стереотипно, не способствует интеграции, противоречит проводимой социальной политике государства.

Репрезентация инвалидов в СМИ была исследована рядом ученых достаточно давно. П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова провели анализ публикаций издания «Известия», связанных с инвалидностью, за период с 1995 по 2005 г. Чаще всего люди с инвалидностью представлены как получатели благ. Также часто критикуются действия властей в отношении инвалидов [15].

Анализ Т. А. Головиной 2013 г. показывает, что более половины проанализированных материалов – сухие сообщения информационных агентств, статистика, комментарии к законодательным актам, в основном, касающимся пенсий и льгот для инвалидов. Остальная часть материалов – проблемные статьи, очерки и репортажи, в которых тем или иным образом создается образ человека с инвалидностью и формируется отношение к проблеме. Что касается формы обращений, в большинстве случаев используется нейтральный термин «инвалид» (84 %), или он заменяется словом, указывающим на конкретный вид инвалидности (около 10 %), например, «глухой», «слепой», «незрячий» и т. д. [16, с. 139].

В работе Л. Р. Гарапшиной 2016 г. сделан обзор публикаций в региональных («Бизнесонлайн» и «Вечерняя Казань») и федеральных («Аргументы и факты», «Известия» и «Ведомости») изданиях. В отношении федеральных изданий исследователь получила следующие результаты: прослеживалось использование понятия «ментальная инвалидность»; практически отсутствовало позиционирование людей с ментальной инвалидностью как немощных и безнадёжных; в основном преобладала информация, касающаяся благотворительности, влияния международных конкурсов в повышении толерантного и доброжелательного отношения к людям с особенностями развития [17, с. 221].

Результаты, касающиеся форм упоминания, совпадают в анализе Т. А. Головиной и в работе И. А. Курбанова и С. Г. Носкова. Их исследование российских и американских СМИ в 2017 г. показало, что наиболее частой формой упоминания является термин «инвалид» (43 %). Нередко это слово заменяется синонимами: человек с ограниченными возможно-

стями (11 %); особенный человек (11 %); слепые, незрячие, слабовидящие (8,6 %); паралимпийцы (7 %). В целом, данные формы обращения можно охарактеризовать как нейтральные. Однако авторами отмечено и использование негативно окрашенных форм обращения: «изгой» (2 %), «недочеловек» (1,2 %), «дети дождя» (0,3 %), «идиоты» (0,2 %) [18, с. 29].

Таким образом, материалы имеющихся исследований обращают наше внимание на следующие особенности в репрезентации инвалидов: используются преимущественно нейтральные формы обращения; преобладают статьи о благотворительности, а также о законодательных актах, предоставляющих различные льготы и пособия инвалидам; редко встречаются статьи, где описаны личные достижения инвалидов; существенно различается репрезентация инвалидов в федеральных и региональных СМИ (как в терминологии, так и в тематике материалов).

Данная репрезентация не позволяет позитивно воспринимать инвалидов как членов общества и полноправных участников общественных отношений, что представляется социальной проблемой. Для ее решения авторы выдвинули следующие гипотезы для нового исследования:

1. Чаще всего инвалиды представлены в СМИ в качестве жертв.
2. В Москве и Санкт-Петербурге сюжетов об интеграции инвалидов больше, чем в других регионах РФ.
3. Инвалиды с «видимой» инвалидностью чаще представлены в СМИ, чем инвалиды с проблемами, которые сложно определить с первого взгляда.

Основным методом исследования стал контент-анализ. Индикаторы для контент-анализа материалов СМИ были сформированы на основе цели исследования и гипотез. Среди них: образ инвалидов в СМИ; сюжеты интеграции инвалидов в общество; тип инвалидности; возраст, пол и группа инвалидности человека с инвалидностью (если речь идет о конкретном человеке) или группы инвалидов с конкретными половозрастными характеристиками; регион, о котором идет речь в материале; форма обращения. Индикаторы «Образ инвалидов в СМИ» и «Сюжеты интеграции инвалидов в общество» были взяты из исследования П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой и модифицированы [15]. Использование данных индикаторов позволяет сформировать социальный портрет упоминаемых в статьях людей с инвалидностью, проверить выдвинутые нами гипотезы, а также сравнить результаты контент-анализа с результатами исследований других авторов.

Контент-анализ был проведен на основе статей из федеральных газет «Коммерсантъ», «Российская газета» и «Известия». Данные издания были выбраны, так как согласно данным исследования компании «Медиалогия» являются наиболее популярными федеральными СМИ на апрель 2022 г. [19]: «Известия» – 1-е место (индекс цитируемости – 3118,85), «Коммерсантъ» – 2-е место (индекс цитируемости – 2456,70), «Российская газета» – 3-е место (индекс цитируемости – 710,66).

Основа для построения рейтингов – индекс цитируемости «Медиалогии». Рейтинг построен на основе базы СМИ системы «Медиалогия», включающей более 77 тыс. источников: телевидение, радио, газеты, журналы, информационные агентства, интернет-СМИ и блоги. При подсчете рейтингов не учитываются новостные агрегаторы [19].

Характеристики выборки:

- поиск статей по запросу «инвалид» на официальных сайтах СМИ;
- период публикации статей: 1 мая 2020 г. – 31 мая 2022 г.;
- тип выборки: вероятностная механическая через шаг анализа статей – каждая третья статья («Известия», «Российская газета»), каждая вторая статья («Коммерсантъ»);
- всего проанализирована 351 статья из опубликованных за указанный период.

Достоверность результатов обеспечивалась последовательным и планомерным отбором статей с заданным шагом по вероятностной модели выборки, что обеспечивает случайность отбора данных. Формирование выборки и отбор статей, обработка и изучение материалов, которые были взяты в основу данных для контент-анализа, осуществлены в соответствии со сформулированными обоснованными правилами процесса контент-анализа.

Результаты и обсуждение. Авторы получили следующие результаты. В СМИ формируется такой социальный портрет людей с инвалидностью: немного чаще в статьях упоминаются инвалиды-мужчины (56,7 %), 41,8 % из них можно отнести к категории «взрослые». На детей и пожилых приходится 30,9 % и 19,8 % соответственно. Группа инвалидности чаще всего не указывается (86,3 %).

Тональность заголовков в половине проанализированных статей была преимущественно нейтральной – 46,6 %, однако нередко встречались заголовки, которые можно оценить как положительные – 28,4 % или отрицательные – 25 %.

Инфоповодами среди проанализированных статей чаще всего служили действия со стороны государства: реформы и законы, связанные с предоставлением прав и льгот инвалидам, а также оказанием им различной помощи.

Наиболее часто упоминаемыми в СМИ сюжетами интеграции инвалидов в общество стали сюжеты, связанные с организацией безбарьерной среды для инвалидов (10 %) и внедрением инклюзивной культуры в общество (9,8 %).

Проверка сформулированных гипотез в рамках контент-анализа выбранных федеральных СМИ показала следующее.

Гипотеза «Чаще всего инвалиды представлены в СМИ в качестве жертв» не подтвердилась, частично она нашла отражение лишь в газете «Коммерсантъ» (31,48 %). В большей степени инвалиды выступают в качестве получателей благ – данный образ наиболее часто встречается в «Российской газете» (45,89 %) и «Известиях» (48,95 %). В газете «Коммерсантъ» образ получателя благ упоминается так же часто, как и образ жертвы (31,48 %) (табл. 1).

Таблица 1. Образ инвалидов в СМИ
Table 1. The image of people with disabilities in the media

Образ инвалида	«Известия»	«Коммерсантъ»	«Российская газета»
Инвалиды – получатели благ	70 (48,95 %)	34 (31,48 %)	67 (45,89 %)
Критика действий властей в отношении инвалидов	14 (9,79 %)	6 (5,56 %)	24 (16,44 %)
Инвалиды – самостоятельные акторы	20 (13,99 %)	30 (27,78 %)	24 (16,44 %)
Инвалиды – обуза для государства и общества	4 (2,8 %)	4 (3,7 %)	2 (1,37 %)
Инвалиды – жертвы	35 (24,47 %)	34 (31,48 %)	29 (19,86 %)

Гипотеза «В Москве и Санкт-Петербурге сюжетов об интеграции инвалидов больше, чем в других регионах РФ» также не подтвердилась, единично она нашла отражение только в газете «Коммерсантъ». Сюжеты о Москве и Санкт-Петербурге занимают 61,23 % от всех публикаций в данном СМИ. В «Российской газете» статьи чаще всего связаны с иными регионами России (56,67 %) (табл. 2).

Таблица 2. Репрезентация инвалидов по регионам в СМИ
Table 2. Representation of persons with disabilities by region in the media

Наименование региона	«Известия»	«Коммерсантъ»	«Российская газета»
Москва	25 (17,61 %)	83 (36,56 %)	5 (4,17 %)
Санкт-Петербург	11 (7,75 %)	56 (24,67 %)	6 (5 %)
Другие регионы России	38 (26,76 %)	74 (32,6 %)	68 (56,67 %)
Регион не упоминался	68 (62,39 %)	14 (6,17 %)	41 (34,16 %)

Стоит отметить, что часто встречались статьи, в которых регион не упоминался, или статьи о других странах. Например, в газете «Известия» таких статей было большинство (62,39 %). Данный факт нужно учесть при дальнейших исследованиях и добавить в индикатор «Регион» дополнительные варианты.

Гипотеза «Инвалиды с “видимой” инвалидностью чаще представлены в СМИ, чем инвалиды с проблемами, которые сложно определить с первого взгляда» по результатам анализа выбранных СМИ скорее не подтвердилась. Под видимой мы понимали такую инвалидность, которую можно легко определить на первый взгляд (например, отсутствие конечностей, зрения). «Невидимая» инвалидность же, напротив, та, которую крайне сложно сразу заметить (например, инвалидность в результате диабета). В газете «Известия» люди со скрытой инвалидностью упоминаются чаще (72,73 %), чем люди с видимой инвалидностью (27,27 %). В газете «Коммерсантъ» обе категории упоминаются примерно одинаково (49,38 % – видимая инвалидность и 50,62 % – скрытая инвалидность). И лишь в «Российской газете» данная гипотеза подтвердилась, так как люди с «видимой» инвалидностью упоминались в ее материалах чаще (70,83 %) (табл. 3).

Таблица 3. Репрезентация инвалидов по типу инвалидности в СМИ
Table 3. Representation of persons with disabilities by type of disability in the media

Тип инвалидности	«Известия»	«Коммерсантъ»	«Российская газета»
Видимая инвалидность	33 (27,27 %)	80 (49,38 %)	34 (70,83 %)
«Невидимая» инвалидность	88 (72,73 %)	82 (50,62 %)	14 (29,17 %)

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что современная ситуация схожа с той картиной, что мы видели в более ранних исследованиях наших коллег. Термин «инвалид» и различные вариации, указывающие на тип инвалидности (например, «слепой», «незрячий», «глухой» и т. д.), наиболее часто используются в федеральных СМИ. Следует отметить, что данная терминология соответствует правозащитной модели инвалидности, закрепляется как общеупотребимая и не противоречит нормам этики [20, с. 42].

Довольно редко люди с инвалидностью показаны беспомощными или обузой для общества (лишь в 2,8 % статей). По-прежнему основными темами в СМИ являются благотвори-

рительность в отношении инвалидов (в 48,7 % инвалиды выступают в качестве получателей благ), а также различные законы, предоставляющие льготы и пособия людям с ограниченными возможностями (30,4 %).

Существенным отличием от результатов наших коллег является лишь отсутствие информации о международных конкурсах, которые помогают повысить толерантность к людям с инвалидностью, в материалах федеральных СМИ, проанализированных в ходе нашего исследования.

С одной стороны, это свидетельствует об отсутствии серьезной дискриминации людей с инвалидностью в СМИ. Тем не менее мы можем отметить, что ситуация стагнирует. В дискурсе федеральных СМИ по-прежнему преобладают материалы, которые сконцентрированы на ограниченных возможностях инвалидов и мерах, связанных с их компенсацией. Для полноценной инклюзии инвалидов в общество требуется увеличение количества материалов об их достижениях. Это позволит сменить образ людей с инвалидностью как уязвимой социальной группы, которая не может существовать без внешней поддержки, на образ самостоятельной, активно функционирующей, полноценной части общества.

Также мы не можем проверить тезис о существенном отличии репрезентации инвалидов в федеральных и региональных СМИ, которое было выявлено в ходе обзора исследований других авторов. Для осуществления данного сравнения требуется провести дополнительный контент-анализ материалов региональных СМИ.

Заключение. СМИ являются крайне эффективным инструментом для создания образа различных социальных групп. Изображение инвалида в СМИ как жертвы и человека, нуждающегося в постоянной помощи, может сформировать о данной социальной группе негативное представление в обществе. Изменение характера представления информации по проблемам инвалидности и образа инвалида в федеральных СМИ может способствовать ликвидации стереотипов об инвалидах и инвалидности, что определенно повлияет на эффективность мер по интеграции данной социальной группы в общество и мониторинга соблюдения прав. Как показали результаты имеющихся исследований, образ инвалида строился на основе медицинской модели инвалидности, стереотипах, основанных на восприятии через жалость, жертвенность, беспомощность. Вторая тенденция – это использование термина «инвалид» в качестве дискриминирующего или нейтрального для восприятия. Третье – это закрепление термина «инвалид» как общеупотребительного.

По результатам нашего исследования была выявлена практически полная преемственность ситуации по основным показателям. Термин «инвалид» по-прежнему является основным и наиболее часто употребляемым. Чаще всего речь в статьях идет о различных льготах и благотворительных мерах в отношении людей с ограниченными возможностями. С одной стороны, данная тенденция неудивительна, так как по сути данные меры являются наглядными показателями проведения социальной политики в отношении инвалидов со стороны государства.

С другой стороны, преобладание в информационном поле подобных материалов, а не, например, материалов о различных достижениях людей с инвалидностью, культурных событиях, инклюзивности и др., может формировать в сознании общества негативный образ людей с инвалидностью как людей беспомощных и являющихся обузой (хотя напрямую данный образ в статьях практически не прослеживается).

Дальнейшая разработка темы возможна путем расширения выборки через увеличение количества анализируемых СМИ и временного промежутка выпуска анализируемых публикаций. Особенно интересным представляется добавление в выборку региональных СМИ для сравнения репрезентации инвалидов на федеральном уровне и в отдельных регионах в настоящее время.

Перспективным направлением является изучение репрезентации людей с инвалидностью в социальных медиа, которые открывают новые возможности для активной инклюзии инвалидов в общество. Данный вид медиа является крайне популярным в современном обществе. Они предлагают иной формат взаимодействия автора и аудитории – формат диалога, при котором аудитория может активно комментировать опубликованные материалы. Также читатели могут сами стать авторами благодаря более низкому уровню модерации контента, чем в традиционных СМИ. Можно предположить, что из-за этих особенностей картина репрезентации людей с инвалидностью будет отличаться от картины в традиционных СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Численность инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ // Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-polu> (дата обращения: 17.06.2022).
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левина. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
3. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. Мн.: Книжный Дом, 2003.
4. Батыгин Г. С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестн. РУДН. Сер.: Социология. 2003. № 4-5. С. 6–34.
5. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты / пер.; под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–478.
6. Философский словарь / авт.-сост. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. 2-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс, 2013.
7. Мусин Д. З. Роль репрезентации в процессе восприятия в концепции М. Вартофского // Вестн. ОГУ. 2009. № 11 (105). С. 124–132.
8. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
9. Шадрин А. А. Социологические аспекты формирования имиджа ВУЗа // Новые императивы устойчивого развития социально-экономической системы: сб. докл. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2022. С. 319–324.
10. Гавра Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журн. социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4. С. 29–43.
11. Рябова А. А. Журналистика как инструмент социальной интеграции людей с инвалидностью: автореф. дис. ... канд. наук // МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2011.
12. Рочева Я. А., Шашкова Н. В. Новая этика репрезентации инвалидности в социальных медиа // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: мат. науч. форума. СПб., 21–22 апреля 2022 г. СПб.: Медиапир, 2022. С. 215–217.
13. Маркина В. М. Стратегии репрезентации Других в СМИ: теория и методология контент-анализа // Вестн. Томс. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 82–90. DOI: 10.17223/1998863X/29/9.

14. Гридасова Е. А. Социальное конструирование концептуальной модели инвалидности // The Scientific Heritage. 2020. Vol. 4, no. 54. P. 64–66.
15. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.
16. Головина Т. А. Отражение журналистами феномена инвалидности в СМИ // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 137–141.
17. Гарапшина Л. Р. Социальное конструирование образа людей с ментальной инвалидностью современными СМИ: Российский и региональный опыт // Вестн. экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 219–223.
18. Курбанов И. А., Носков С. Г. Социальная модель в языковых репрезентациях человека с ограниченными возможностями в российском и американском дискурсах СМИ // Вестн. ТГПУ. 2017. № 6 (183). С. 25–31. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-25-31.
19. Федеральные СМИ: апрель 2022 // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/11185/#gazeti> (дата обращения: 22.05.2022).
20. Рочева Я. С., Свинцов А. А., Радутко В. И. Термин «инвалид» с позиций современной модели инвалидности // Социальное и пенсионное право. 2021. № 2. С. 38–44. DOI: 10.18572/2070-2167-2021-2-38-44.

Информация об авторах.

Рочева Яна Сергеевна – кандидат социологических наук (2011), ведущий научный сотрудник Федерального научного центра реабилитации инвалидов имени Г. А. Альбрехта, ул. Бестужевская, д. 50, Санкт-Петербург, 195067, Россия; доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия; доцент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: права инвалидов, исследования инвалидности, мониторинг соблюдения прав инвалидов, социология права, интеграция инвалидов в общество.

Шавонин Артем Леонидович – магистрант (2 курс) кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Сфера научных интересов: социология коммуникации, социология медиа, права инвалидов, исследования инвалидности.

Шадрин Александр Александрович – магистрант (2 курс) кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор одной научной публикации. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, социология медиа, научная коммуникация, маркетинг и реклама в образовательной деятельности.

Шевердина Светлана Владимировна – магистрант (2 курс) кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Сфера научных интересов: социология недвижимости, управление персоналом, социальная работа.

Вклад авторов.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.10.2022; принята после рецензирования 12.01.2023; опубликована онлайн 24.04.2023.*

REFERENCES

1. "The number of disabled people by sex in the context of the subjects of the Russian Federation", *Federal'nyi reestr invalidov* [Federal Register of Disabled People], available at: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-polu> (accessed 17.06.2022).
2. Weber, M. (1990), "Soziologische Grundbegriffe", *Gesammelte Politische Schriften*, Transl. by Levin, M.I., Progress, Moscow, USSR, pp. 602–643.
3. *Sociologiya: enciklopediya* [Sociology: Encyclopedia] (2003), Gricanov, A.A., Abushenko, V.L., Evel'kin, G.M., et al. (compilers), Knizhnyj Dom, Minsk, BLR.
4. Batygin, G.S. (2003), "Talcott Parsons' Structural Functionalism", *RUDN J. of Sociology*, no. 4–5, pp. 6–34.
5. Parsons, T. (1996), "The Social System", *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': teksty* [American Sociological Thought: Texts], Transl., in Dobren'kov, V.I. (ed.), Izd. Mezhdunar. un-ta biznesa i upravleniya, Moscow, RUS, pp. 462–478.
6. *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary] (2013), Podoprigora, S.Ya. and Podoprigora, A.S. (authors-compilers), 2nd ed., stereotypical, Feniks, Rostov n/D., RUS.
7. Musin, D.Z. (2009), "Role of representation in the process of perception at the conception of M. Vartofsky", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 11 (105), pp. 124–132.
8. Luhmann, N. (2005), *Die Realitat der Massenmedien*, Transl. by Antonovskii, A.Yu., Praxis, Moscow, RUS.
9. Shadrin, A.A. (2022), "Sociological aspects for the formation of the image of the university", *Novye imperativy ustoichivogo razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy: sb. Dokladov* [New imperatives of sustainable development of the socio-economic system: coll. reports], Izd-vo SPbGEU, SPb., RUS, pp. 319–324.
10. Gavra, D.P. (2013), "The Concept of "Image" in Modern Communication Studies", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 16, no. 4, pp. 29–43.
11. Ryabova, A.A. (2011), "Journalism as a tool for social integration of people with disabilities", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Lomonosov Moscow State UNIV., Moscow, RUS.
12. Rocheva, Ya.A. and Shashkova, N.V. (2022), "New ethics of disability representation from social media", *Media v sovremennom mire. 61-e peterburgskie chteniya: materialy nauchnogo foruma* [Media in the modern world. 61st St. Petersburg readings: materials of scientific research forum], SPb., RUS, April 21–22 2022, pp. 215–217.
13. Markina, V.M. (2015), "The strategies of othering in media representations: theory and method of content analysis", *Tomsk State Univ. J. of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 1 (29), pp. 82–90. DOI: 10.17223/1998863X/29/9.
14. Gridasova, E.A. (2020), "Social construction of the conceptual model of disability", *The Scientific Heritage*, vol. 4, no. 54, pp. 64–66.
15. Romanov, P. V. and Yarskaja-Smirnova, E.R. (2006), *Politika invalidnosti: Sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoi Rossii* [Disability Politics: Social Citizenship of the Disabled in Modern Russia], Nauchnaya kniga, Saratov, RUS.
16. Golovina, T.A. (2013), "Journalists and media for handicapped problems", *Proceedings of VSU. Ser.: Philology. Journalism*, no. 2, pp. 137–141.
17. Garapshina, L.R. (2016), "The Social Construction of the Image of Mentally Disabled People in Modern Media: Russian and Regional experience", *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 4, pp. 219–223.

18. Kurbanov, I.A. and Noskov, S.G. (2017), "Social model in language representations of a person with disability in Russian and American mass media discourse", *TSPU Bulletin*, № 6 (183), pp. 25–31. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-25-31.

19. "Federal media: April 2022", Medialogiya, available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/11185/#gazeti> (accessed 22.05.2022).

20. Rocheva, Ya.S., Svincov, A.A. and Raduto, V.I. (2021), "The "Person With Disabilities" Term from the Standpoint of the Modern Disability Model", *Social and Pension Law*, no. 2, pp. 38–44. DOI: 10.18572/2070-2167-2021-2-38-44.

Information about the authors.

Yana S. Rocheva – Can. Sci. (Sociology, 2011), Leading Researcher, Federal Scientific Center of Rehabilitation of the Disabled n. a. G. A. Albrecht, 50 Bestuzhevskaya str., St Petersburg 195067, Russia; Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resources Management, Saint Petersburg State Economic University, 30-32, letter A Canal Griboedov emb., St Petersburg 191023, Russia; Associate Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: rights of persons with disabilities, disability research, monitoring of observance of the rights of persons with disabilities, sociology of law, integration of persons with disabilities into society.

Artem L. Shavonin – Master Student (2nd year) at the Department of Sociology and Personnel Management Saint Petersburg State Economic University, 30-32, letter A Canal Griboedov emb., St Petersburg 191023, Russia. Area of expertise: sociology of communication, sociology of media, rights of the disabled, disability research.

Alexander A. Shadrin – Master Student (2nd year) at the Department of Sociology and Personnel Management Saint Petersburg State Economic University, 30-32, letter A Canal Griboedov emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of one scientific publication. Area of expertise: sociology of communications, sociology of media, scientific communication, marketing and advertising in educational activities.

Svetlana V. Sheverdina – Master Student (2nd year) at the Department of Sociology and Personnel Management Saint Petersburg State Economic University, 30-32, letter A Canal Griboedov emb., St Petersburg 191023, Russia. Area of expertise: real estate sociology, personnel management, social work.

Author's contribution.

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.10.2022; adopted after review 12.01.2023; published online 24.04.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.4.051.62
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-78-92>

Социально-профессиональная группа ИТ-специалистов: концептуализация теоретико-методологических оснований исследования

**Павел Петрович Дерюгин^{1✉}, Олеся Сергеевна Баннова²,
Анастасия Геннадьевна Маранчак³**

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²bannova-o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-3286>

³amaranchak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8675>

Введение. Для социологии важно понимание содержания и форм интеграции ИТ-специалистов как одного из социальных объединений. Такой анализ важно осуществить, поскольку толкование и содержательные характеристики этого сообщества в последующем ориентируют все другие элементы стратегии теоретического и эмпирического анализа. В частности, актуально выявить: в каком качестве – «профессиональной общности» или «профессиональной группы» – выступают ИТ-специалисты как реальный социальный феномен.

Методология и источники. Теоретико-методологические подходы к исследованию ИТ-специалистов предполагали выявление характера и форм их социальной интеграции: как социально-профессиональной группы или как социально-профессиональной общности. На основании анализа фундаментальных положений зарубежных и российских социологов Ф. Тенниса, Я. Щепаньского, Р. Мертона, К. Манхейма, Т. М. Милза, П. А. Сорокина, В. А. Ядова и многих других раскрываются различия в понимании «общности» и «группы» как отражение особенных сущностных характеристик этих форм интеграции.

Результаты и обсуждение. Результаты анализа статистических данных показывают, что понятие социальной группы используется значительно чаще, чем понятие общности при характеристике интеграционных процессов в среде профессиональных «айтишников», это более актуальная категория для современных исследований. Результаты подтверждают существенную связанность понятия группы с понятиями «ценность», «общая цель», «профессиональный». Исследуя многочисленные особенности ИТ-специалистов (самообразование, стремление организовывать обучение на основе самоанализа), существенные отличия от других специалистов в системе профессий «человек – знаковая система» (эрудиция и логическое мышление, освоение математики, английского языка, интернета) как необходимые стартовые условия вхождения в профессию, авторы используют определения профессиональной и социальной групп.

Заключение. ИТ-специалистов следует рассматривать в качестве особой социально-профессиональной группы, обладающей всеми признаками такой формы социальной

© Дерюгин П. П., Баннова О. С., Маранчак А. Г., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

интеграции. Как социально-профессиональная группа, ИТ-специалисты объединяются по самому важному общему признаку – деятельностью в особой среде – в информационно-цифровом пространстве в интересах производства и воспроизводства информации.

Ключевые слова: социальная интеграция, профессиональная группа, профессиональная общность, ценности, ИТ-специалисты

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”»).

Для цитирования: Дерюгин П. П., Баннова О. С., Маранчак А. Г. Социально-профессиональная группа ИТ-специалистов: концептуализация теоретико-методологических оснований исследования // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 78–92. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-78-92.

Original paper

Socio-Professional Group of IT Specialists: Conceptualization of the Theoretical and Methodological Foundations of the Study

Pavel P. Deryugin¹✉, Olesya S. Bannova², Anastasia G. Maranchak³

¹*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉ *ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

² *bannova-o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-3286>*

³ *amaranchak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8675>*

Introduction. For sociology, it is important to understand the content and forms of integration of IT specialists as one of the types of social associations. Such an analysis is important to carry out since the interpretation and content characteristics of this community subsequently guide all other elements of the strategy of theoretical and empirical research. In particular, it is relevant to identify: in what capacity of a “professional community” or “professional group” IT specialists act as a real social phenomenon.

Methodology and sources. Theoretical and methodological approaches to the study of IT specialists involved identifying the nature and forms of their social integration: as socio-professional groups, or as socio-professional communities. Based on the analysis of the fundamental provisions of foreign and Russian sociologists F. Tannis, J. Shchepansky, R. Merton, K. Manheim, T.M. Mills, P.A. Sorokin, V.A. Yadov, and many others, the differences in the understanding of “community” and “group” are revealed as a reflection of the special essential characteristics of these forms of integration.

Results and discussion. The results of the analysis of statistical data show that the concept of a social group is used much more often than the concept of community in characterizing integration processes; this is a more relevant category for modern research. The results confirm the significant connection between the concept of “group” and the concepts of “values”, “common goal”, and “professional”. Exploring the numerous features of IT specialists, such as self-education, the desire to organize training based on introspection, significant differences from other specialists in the system of professions “human-sign

system”, such as erudition and logical thinking, mastering mathematics, English language, the Internet as necessary starting conditions for entering the profession, the authors use the definition of a professional or social group.

Conclusion. IT professionals should be considered a special socio-professional group with all the signs of such social integration. IT professionals operate in today's multidimensional social space. As a social group, IT specialists are united by the presence of a common feature – activities in a special environment – in the information and digital space, common social values.

Keywords: social integration, professional group, professional community, values, IT specialists

Source of financing: the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07443 “Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers in accordance with the Decree of the President “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation until 2024”).

For citation: Deryugin, P.P., Bannova, O.S. and Maranchak, A.G. (2023), “Socio-Professional Group of IT Specialists: Conceptualization of the Theoretical and Methodological Foundations of the Study”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 78–92. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-78-92 (Russia).

Введение. Определение форм интеграции сообщества ИТ-специалистов – как социально-профессиональной общности или как социально-профессиональной группы – остается открытым и во многом дискуссионным вопросом, который представляет собой отдельную большую тему в рамках социологической науки о видовых и иерархических структурах складывающегося цифрового общества [1]. Теоретическое обсуждение и решение вопроса актуальны для проведения эмпирических исследований, где от логической стройности и обоснованности зависят как стратегия самого исследования, так адекватность полученного результата.

Как показывают исследования А. С. Мищенко [2], основные теоретические подходы к изучению социально-профессиональных групп возможны с позиций нескольких социологических концепций. Во-первых, стратификационной, в рамках которой социально-профессиональные объединения рассматриваются в качестве фактора и результата расслоения и иерархизации общества [3]. Во-вторых, функционалистской, где социально-профессиональные объединения изучаются с точки зрения анализа их деятельности и выполнения определенных функций [4]. В-третьих, атрибутивной, в рамках которой авторы выстраивают набор профессиональных черт и качеств, позволяющих говорить о характеристиках социально-профессиональных объединений как интеграции таких личностных черт. Подобный подход используют преимущественно зарубежные социологи W. Goode, R. Dingwall, P. Lewis [5, 6]. В-четвертых, деятельностно-активистской концепции, которая предполагает обращение к совокупности центральных особенностей профессиональной деятельности и их эмпирический анализ [7]. В-пятых, это ресурсная концепция, нацеленная на анализ социального статуса социально-профессиональных объединений как обладающих определенным набором капиталов-ресурсов по П. Бурдьё [8]. Наконец, социально-психологический подход, где анализируется совокупность социальных и личностных условий, факторов и образований, таких как особенности трудовой деятельности, развитие группы, профессиональные и трудовые ценности, мотивация к труду [9, 10].

Достоинства и преимущества названных концепций позволяют интегрировать их в мультипарадигмальный подход, прежде всего формирующий платформу, объединяющую достоинства макро- и микросоциологического анализа ИТ-специалистов как особой профессиональной группы [11]. Достоинством макросоциологического понимания социальной группы ИТ-специалистов является возможность изучать эту профессиональную группу с точки зрения условий и факторов ее появления, связанных с разделением труда, и на этой основе выявлять основные признаки и характеристики этого профессионального сообщества, социальную дистанцию профессиональной группы ИТ-специалистов и других профессиональных групп [11, с. 147]. Микросоциологический подход обладает своими достоинствами, которые важны для осуществления эмпирической части исследований, касающихся прежде всего исследования внутригруппового профессионального взаимодействия ИТ-специалистов, что в свою очередь дополнит общую картину их жизнедеятельности и будет иметь практическое значение.

Цель работы состоит в теоретической концептуализации подходов к изучению сообщества ИТ-специалистов как особой социально-профессиональной группы и выявлении особенностей их социальной интеграции.

Методология и источники. Конкретизированное представление о социальных общностях и группах предполагает систематические коррективы этих научных категорий. Например, что касается самого понятия «социальная группа», С. С. Фролов отмечает: «Несмотря на то, что понятие группы является одним из самых важных в социологии, у ученых нет полного согласия относительно его определения» [12, с. 9]. При этом проблема неопределенности обозначенных категорий отмечена не только в теоретической отечественной науке, но и зарубежными социологами. В Большом толковом социологическом словаре (COLLINS) говорится, что термин «общность» имеет очень широкий спектр употребления и в связи с этим обстоятельством относится к наиболее трудным и спорным, что, однако, не мешает ему быть весьма востребованным [13, с. 511].

Эта проблема усложняется тем обстоятельством, что в работах для обозначения объединений ИТ-специалистов исследователи используют обе категории, которые могут рассматриваться как равноценные. Например, интеграцию ИТ-специалистов как социальной общности исследует в своих работах Л. В. Земнухова [14], напротив, в работах И. Касьяненко и А. Алабина ИТ-специалисты определяются как социальная группа [15]. Еще один подход предполагает, что «социальная общность» и «социальная группа» отождествляются как равнозначные категории [16]. Эту же позицию занимают авторы статьи «Профессиональные социальные группы», определяя общность через понятие группы [17]. Они указывают, что социально-профессиональные общности – «это прежде всего крупные профессиональные группы людей, которые занимают особое место в системе общественного разделения труда, – рабочие, служащие, интеллигенция, крестьяне, предприниматели» [17]. Г. Б. Кораблева представляет социальную общность и социальную группу как соподчиненные структуры, т. е. показывает, что социальные группы являются частью социальной общности [18, с. 126]. Эти примеры подтверждают актуальность теоретического анализа заявленной темы и важность обоснования и операционализации понятия социально-профессиональной группы ИТ-специалистов.

При рассмотрении этого вопроса прежде всего следует сослаться на результаты исследований В. Ф. Горохова и Н. Н. Васневой, которые доказывают, что и понятие социальной общности, и понятие социальной группы являются самостоятельными и самодостаточными социологическими категориями, не выводимыми друг из друга и не заменяемыми друг другом [19, с. 17]. Принципиальные отличия социальных общностей и социальных групп могут быть сведены к следующим.

Что касается социальных общностей, то их базовыми характеристиками выступает естественно-природный характер возникновения и развития. Ф. Теннис подчеркивал, что общность выражает устойчивую и подлинную «реальную и органическую жизнь», где «со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях» [20, с. 9–11]. В этом смысле общность – живая сущность взаимодействия людей. Общность противопоставлена Ф. Теннисом «механическому», «идеальному», «публичному миру» – обществу и обозначается как «общество деловых людей, попутчиков, ученых», «торговые общества», т. е. рациональные формы бытия. Общность характеризуется понятием, «охватывающим все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь. Этим термином мы будем обозначать все устойчивые формы совместной жизни» [21, с. 117].

Похожие позиции в отношении социальной общности занимают и наши отечественные социологи. Общность – это ключевое понятие социологии, поскольку общность выражает сам предмет социологии, появляющееся общее, возникающее на основе сходства условий бытия, деятельности, а далее – сходства в духовной жизни [22, с. 12]. Социальная общность – объемное понятие, включающее целые комплексы социальных действий и взаимодействий, солидарные ожидания получения эффекта от совместного решения задач. Общность выступает переходным мостом между личностью и обществом в целом, «конкретизирует» общество в виде каких-то специальных объединений людей (семья, трудовой и учебный коллектив, группа родственников и компания друзей, объединения по интересам, спортивные команды, сообщества территориального, этнического, религиозного характера и т. д.) [23]. Как можно заметить, определяющим моментом в характеристике социальной общности выступает ее эмпирическая природа, на основе которой происходит объективная солидаризация индивидов, где не требуются их особые субъективные усилия по той причине, что определяющим является внешний фактор (территориальные общности, этнические общности и т. д.) [23]. К социальным общностям справедливо относят, например, этнических мигрантов [24].

Социальной группе, природе ее возникновения и функционированию, напротив, присуще субъективно-волевое начало [25]. Этим природа социальной группы существенно отличается от социальной общности. Здесь также речь идет об объединении какого-то количества людей, в результате чего возникает (возможно, и нет) синергетический эффект. Эффекты социальной группы отличны от эффектов общности, они исследовались многими авторами, включая Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Л. Гумпловича, П. А. Сорокина, К. Манхейма, Р. Мертона, Ч. Кули, Н. Смелзера, Р. Коллинза, Дж. Л. Морено, Ч. Р. Миллза и др.: «Группа думает, чувствует, действует совершенно иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены», – пишет Э. Дюркгейм [26, с. 494]. В частности, Л. Гумплович подчеркивает, что общество реально существует в движениях групп и их усилиями [27].

Практически отождествлял жизнь общества с жизнью групп П. Сорокин: «Всякая совокупность совместно живущих людей, которые влияют друг на друга или взаимодействуют друг с другом, называется социальной группой или обществом» [28, с. 12]. Похожее – фундаментальное – влияние социальных групп на жизнь общества описывал К. Манхейм. Общество складывается из-за разрозненных стремлений групп занять свое место в социальной иерархии, считает он, в том числе социальное сознание формируется из массы групповых сознаний. Все социальные группы обладают «отраженным я», которому присуща высокая самооценка и стремление «группы определить свою позицию в новой ситуации». «Социальное сознание не всегда совпадает с восхождением групп к вершинам власти, с занятием ими доминирующего положения в обществе...», однако стремление к таким вершинам выступает истинным источником стремлений и мотиваций в жизни групп [29, с. 100].

В российской социологии значительное внимание исследованию социальных групп уделяли С. С. Фролов, В. И. Добренков, Ю. Г. Волков, А. И. Кравченко и др. На наш взгляд, довольно емко определил особенность понятия социальной группы А. И. Кравченко: «Под социальной группой принято понимать любую совокупность людей, выделенных по специально значимым критериям» [30, с. 192]. Таким образом, самым существенным признаком социальной группы ИТ-специалистов выступает один общий признак – участие в ИТ-деятельности – производстве информации в интересах получения новой информации.

Материалы и методы эмпирического исследования. Как можно видеть, групповые характеристики раскрывают особенности протекающих в группах социальных процессов как более активных и как более значимых в сравнении с процессами, проходящими в социальных общностях, т. е. группы – более «активные», «сильные», «значимые», «отчетливые», чем общности. Эти особенности социальных групп и общностей зафиксированы во многих научных публикациях. В научном сообществе представления о социодинамике общностей и групп сложились в довольно устойчивые тренды, связанные с другими элементами их внутренней и внешней среды. С использованием сервиса быстрого подбора и поиска ключевых слов и доменов «Букварикс» (анализ научных источников в Яндекс и Google) в процессе исследования мы изучили связанность пар понятий «группа-ценности», «общность-ценности», точнее, частоту использования этих пар категорий в публикациях. Такие же процедуры были проведены относительно понятий «признак», «общая цель» и «профессиональный».

Результаты и обсуждение. Статистические данные показывают, что понятие социальной группы используется значительно чаще, чем понятие общности, при характеристике интеграционных процессов, это более актуальная для современных исследований категория (табл. 1).

Таблица 1. Частота использования пар категорий в публикациях
Table 1. Frequency of using category pairs in publications

	Ключевое слово 1	Ключевое слово 2	Частотность взаимного использования
1	Группа	Ценности	7721
	Общность	Ценности	3172
2	Группа	Признак	129299
	Общность	Признак	15651
3	Группа	Общая цель	9887
	Общность	Общая цель	1161
4	Группа	Профессиональная	38659
	Общность	Профессиональная	3228

Результаты подтверждают существенную устоявшуюся связанность понятия «группа» с понятиями «ценности», «общая цель», «профессиональный» в научном сообществе. При этом наиболее часто встречается сочетание понятий «группа-признак» у современных авторов, т. е. в современных исследованиях понятие группы чаще ассоциируется с каким-то объединением людей с наличием общего признака. Пара связанных понятий «группа-признак» оказалась наиболее часто употребляемой, более чем в восемь раз чаще по сравнению с парой «общность-признак». На наш взгляд, этот факт свидетельствует о том, что центральным моментом в характеристике группы как особой формы объединения и интеграции, действительно, как и по мнению большинства исследователей, выступает наличие некоторого особого, единого свойства. Другими словами, понятие группы воспринимается научной общественностью как представление о наличии у объектов изучения некоторой метки, условия или свойства, достаточного для отнесения этого объекта к некоторому классу явлений или феноменов.

Понятие социальной группы более устойчиво связывается и с понятием ценностей, чем это характерно для представлений об общностях [31]. По приведенным данным также видно, что в научных текстах связанность понятий «группа-ценности» встречается более чем в два раза чаще связанности понятий «общность-ценности». Это вполне оправданный вывод, поскольку единство установок, ориентаций и ценностей участников группы определяется как необходимое условие ее существования. Обобщая рассмотренные определения, можно отметить, что основными признаками группы являются взаимодействие в рамках ориентаций и установок, отождествление (идентификация) и сплочение в ходе совместной деятельности. Взаимодействие работников сферы ИТ сводится к коммуникации и техническим операциям, идентичность проявляется особым образом (ниже речь об этом пойдет подробнее), а сплочение кажется прозрачным или отсутствует вовсе в силу опосредованности взаимодействия [14, с. 411].

В настоящем случае можно предполагать, что группа вырабатывает общие ценности более активно, чем это происходит в общностях. Единые или, напротив, локальные ценности выступают основанием множества других форм связей и зависимостей в социальных группах, однако особенно важно подобное ценностное единство в такой форме социальных групп, как малые группы, где «ценности детерминируют до 60 % дисперсии всех взаимных выборов и отвержений».

Это же следует сказать и о профессиональных группах, где единство ценностей, в частности профессиональных, рассматривается в качестве ключевого условия их деятельности. Единство ценностей в формировании профессиональных групп признается базовым условием для многих специалистов и не только их. Так, например, Е. Д. Тельманова пишет о ценностях профессиональной группы предпринимателей как о ключевой категории в анализе характеристик этой группы: «Групповые ценности ремесленников-предпринимателей – ключевая категория: следование данным ценностям позволяет члену социальной группы достигнуть профессионального успеха и получить удовлетворение от своего труда. Их источником может служить такая ценность, как “социальность”, т. е. принадлежность индивида к реальной социальной группе и неформальное общение» [32, с. 50–51]. Похожую позицию относительно ценностей и ценностных ориентаций менеджеров формулируют

Т. А. Терехова, Е. Л. Трофимова и Г. П. Геранюшкина, характеризуя ценности профессиональной группы как относящиеся к индикаторам «высшего уровня», которые имеют определяющее значение в регуляции поведения членов профессиональной группы, где они становятся мотивами выбора и социальной значимости профессиональной деятельности, связаны с реализуемыми сценариями экономического поведения [33, с. 71]. Тождественный вывод делает И. В. Бормотов по результатам исследования социальной группы молодежи: ценностный выбор российской молодежи на групповом уровне позволяет не только дополнить аксиологическую картину российского общества, но и обозначить важные направления будущих научных исследований [34, с. 131]. Таким образом, можно утверждать, что категория профессиональных ценностей как на содержательном уровне, так и в частотных характеристиках аналитических материалов занимает одно из центральных мест в понимании социальной природы профессиональной группы.

Таблица 2. Сравнительные характеристики признаков общностей и групп
Table 2. Comparative characteristics of signs of communities and groups

Критерий	Социальная общность (пользователи ИТ-сферы)	Социальная группа (профессионалы ИТ-сферы)
Природа происхождения (по Ф. Теннису)	Естественно-природная, реальная интеграция	Механическое, идеальное, субъективно-волевое объединение. Создаются «специально для» удовлетворения потребностей и интересов, для достижения целей
Условия и факторы возникновения	Сходство условий бытия	Усилия социальных институтов и отдельных личностей
Роль в обществе	Обеспечение эволюционного развития общества	Обеспечение ускорений, скачков и революционных преобразований общества (Л. Гумплович)
Используют для обозначения...	...Любых объединений, это наиболее общий термин (Я. Щепаньский)	...Всякой совокупности совместно живущих и взаимодействующих людей (П. Сорокин)
Участие в социализации личности	Естественный переходный мост, в целом – пассивное начало	Агент вторичной социализации, в целом – активное начало
Солидарность	Естественная, природная	Предполагает определенные усилия
Основная характеристика как объекта исследования	Обращение к анализу устойчивости взаимосвязей	Обращение к анализу социодинамики по совокупности объективных и субъективных критериев, внутренних и внешних индикаторов интеграции
Проявление интересов, эмоций, чувств	В неявной форме, чаще пассивно, символически	Сильно и отчетливо
Наличие представителей с различными характеристиками (половые, территориальные, религиозные)	Чаще ограничено, неочевидно	Половые, территориальные, религиозные и другие характеристики малозначимы. Характеристики участников оцениваются активно с точки зрения влияния на достижение общих целей, реализации интересов и отношения к ценностям
Роль личности	Обезличена	Активный индивидуализм
Внутренние связи	Минимальные, вокруг традиционных форм	Тесные, активные, наличие стандартов и норм вокруг общих целей и ценностей
Влияние на личность	Слабое	Значимое
Сплоченность	Аморфная	Сильная
Ценности	Локальные	Единые

Исследования А. А. Масленникова, В. В. Волкова, С. Р. Капбы объясняют универсальную роль ценностей в формировании социальных групп и раскрывают их роль следующим образом: группы, базирующиеся на единых ценностях, более устойчивы и перспективны. Авторы отмечают: «Ценности, в отличие от мотивов и интересов, не подразумевают конфликтов, люди могут расходиться в целях, убеждениях, но ценности при этом могут либо совпадать, либо пересекаться. В крайнем случае, они совсем не будут иметь точек пересечения, но это не значит, что ситуацию нельзя изменить. Когда корпоративные ценности и ценности отдельного сотрудника совпадают или пересекаются, то есть, когда сотрудник разделяет эти ценности, создается хорошая платформа для эффективной работы. Мотивация человека, отношение к труду переходит на иной уровень, появляется энтузиазм, стойкий интерес к делу, усиливается ответственность, развиваются навыки самоконтроля. Ориентир на командную работу позволяет каждому работнику почувствовать важность своего участия в бизнесе и возможность заявить о собственном субъективном видении ситуации, проявить индивидуальность. Таким образом, можно говорить о более и менее популярных ценностях, то есть ценностях, которые с большей или меньшей вероятностью найдут отклик у персонала и обнаружат те или иные области пересечения с системой ценностей сотрудников» [35, с. 388]. Отсюда, по признаниям авторов, перспективность стратегии управления по ценностям в особых социальных группах – организациях, – где на смену управления по целям приходит управление по ценностям, которое предполагает согласование ценностей и мотивов как отдельных сотрудников, так и подразделений, построение единой иерархической системы корпоративных ценностей, которая находит отклик у каждого члена команды [35].

Довольно показательной оказалась связь категорий «группа» и «общность» с категорией «общие цели». Статистические данные раскрывают важную роль общих целей в деятельности группы. Связанность категорий «группа – общая цель» в аналитических текстах встречается более чем в 10 раз чаще, чем связанность категорий «общность – общая цель». Другими словами, в научном сообществе понимание группы связывается с интересом достижения общих целей, часто – с понятием корпорации [36]. Напротив, у социальных общностей общие цели рассматриваются скорее как редкие ситуации, цели здесь более размытые, или даже наличие таких целей становится исключительно редкой ситуацией.

Примерно в таких же пропорциях в научных публикациях встречаются сочетания «профессиональная группа» и «профессиональная общность», 12:1. Очевидно, профессиональная принадлежность некоторого сообщества специалистов чаще создает группы. Обобщенные характеристики признаков социальной общности и социальной группы, позволяющие провести сравнительный анализ этих понятий, приведены в табл. 2.

Наряду с этим, по мнению, например, Г. Б. Кораблевой, более правильно говорить о профессиональных общностях, точнее, о системе понятий, которые объединены наиболее широким понятием – «профессиональные общности». С точки зрения автора, следует выделять различные виды профессиональной интеграции – профессиональных общностей: профессиональные круги (здесь речь идет об обмене профессиональной информацией), профессиональные группы (группы по-разному функционируют в рамках организаций и в рамках общества), профессиональные объединения (они построены по образцу социальной организации, например, профсоюзы или научные союзы), профессиональные страты (отражающие

иерархии статусов в профессии). Собственно, профессиональный тип общности, как определяет автор, это интеграция людей в социальную систему на основе профессиональных признаков независимо от типа государства и общественного строя. Попытка автора систематизировать различные формы социальной интеграции профессиональных сообществ рассматривается как перспективное начало, которое предполагает полноценное самостоятельное исследование в социологии. Наряду с этим требуются дополнительные аргументы для подтверждения вывода о независимости этих форм объединения «от типа государства и общественного строя» [18, с. 126]. В частности, В. А. Мансуров и О. В. Юрченко на основе проведенного ими анализа развития социологии профессий делают противоположный вывод, подчеркивая, что «в отечественных работах профессионалы подвергались анализу с точки зрения соответствия их деятельности и социальных установок интересам государства и задачам осуществления определенных социально значимых функций. <...> «В российской постсоветской реальности социологи пришли к выводу о том, что сами понятия “профессии” и “профессионализации” тесно связаны с типом общественно-экономической системы, а также с историческими особенностями ее развития» [7, с. 101].

Заключение. Исходя из проведенного анализа, совокупность ИТ-профессионалов, на наш взгляд, следует более обоснованно и точно определять как социально-профессиональную группу. Этот вывод опирается на социально-групповые характеристики ИТ-специалистов, важные для операционализации их в качестве объекта социологического исследования:

1. В отличие от социальных общностей, социальные группы не предполагают совместного бытия в полном смысле этого слова, ограниченного какими-то пределами (географически – рядом), временного (круглый день – вместе) и природного единства («мы – обязательно одной крови»). Профессиональные группы субъективны по своей природе, создаются для организации определенных видов деятельности. В частности, создание профессиональных групп ИТ-специалистов становится реакцией на формирование нового типа общества – цифрового. Очевидно, эти группы географически могут находиться в любом месте, и созданы они заинтересованными субъектами для достижения конкретных целей.

2. Социально-профессиональная группа – это объединение людей, имеющих общий значимый деятельностный признак, на котором основано их участие в некоторой деятельности, связанной системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами. Таким обобщающим признаком социально-профессиональной группы ИТ-специалистов выступает особая связь (а также и социальная удаленность, социальная дистанция) с цифровым пространством, цифровым обществом, социальными, экономическими, политическими и культурными институтами.

3. Люди чаще осознанно и добровольно вступают в группы, в то время как появление в социальной общности может определяться генетическими, родовыми или этническими причинами. Что касается ИТ-специалистов, ими не рождаются, эти профессионалы возвращаются социальными институтами на протяжении длительного времени.

4. Социально-профессиональные группы представляют небольшие части общества, в отличие от социальных общностей, которые могут насчитывать огромное количество людей. В том числе это относится к ИТ-специалистам, которые в социальной структуре самых продвинутых в цифровизации обществ насчитывают не более 4 % трудоспособного населения.

5. Источник идентификации в группах носит активный и осознанный характер, в то время как в социальной общности он, скорее, пассивен и определен изначально вне воли самого человека. ИТ-специалисты – это люди, сделавшие свой профессиональный выбор добровольно и в подавляющем большинстве случаев осознанно, в этом отношении форма их интеграции носит групповой характер.

6. Группа стимулирует свою солидарность и воспринимает ее в качестве необходимого условия своего существования. Общность вспоминает о солидарности в кризисных условиях и вынужденно. ИТ-специалисты формируют структуры взаимодействия и коммуникаций, которые напрямую и косвенно направлены на создание групп и команд, нацеленных на достижение поставленных целей.

7. Группы зарождаются, развиваются, отмирают. Общности складываются исторически за длительные периоды времени, а их отмирание – факт эволюции и, скорее, результат глубокого системного кризиса. Социодинамика создания и расформирования групп ИТ-специалистов может занимать очень мало времени. Известны примеры, когда большие группы ИТ-специалистов, насчитывающие тысячи сотрудников, создавались за 2–3 недели и после решения задач так же быстро расформировывались.

8. Социально-профессиональные группы связаны общими ценностями, а возможно, и общими целями, когда речь идет о группах как об организациях (корпорациях): профессиональные группы ИТ-специалистов формируются в особых условиях профессиональной деятельности, что неизменно приводит и к формированию специфических профессиональных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mehdi Mafi. A Hierarchical Model of ICT in Digital Society to Access Information // Canadian J. on Electrical and Electronics Engineering. 2012. Vol. 3, iss. 7. P. 366–374.
2. Мищенко А. С. "Инноваторы" как особая социально-профессиональная группа в современной России // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 319–349.
3. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.
4. Шкаратан О. И. Социально-экономическое положение и поведение профессионалов и менеджеров в сфере занятости. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
5. Goode W. Community within a Community: the Professions // Sociological Perspectives on Occupations. Illinois: F. E. Peacock Publishers, 1972. P. 194–200.
6. Dingwall R. Introduction // The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others, eds. by R. Dingwall, Lewis, P. London: Macmillan, 1983. P. 11–18.
7. Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // Вестн. Института социологии. 2013. № 7. С. 91–106.
8. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социол. исслед. 2006. № 9. С. 28–40.
9. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс, 2003.
10. Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. М.: Логос, 2008.
11. Борисова С. Н. Изучение профессиональных групп в отечественной социологии: основные теоретико-методологические подходы // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 144–148.
12. Фролов С. С. Социология. М.: Наука, 1994.
13. Большой толковый социологический словарь. COLLINS: в 2 т. / пер. с англ. Н. Н. Марчук. М.: АСТ, 1999. Т. 1.

14. Земнухова Л. В. Работники сферы информационных технологий как профессиональная общность в современном обществе // Петербургская социология сегодня. 2010. № 2. С. 402–420.
15. Касьяненко И., Алабин А. «Айтишники» как современная профессиональная группа // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9, № 14. С. 98–104.
16. Радугин А. А., Радугин К. А. Социология. М.: Библионика, 2006.
17. Шляхтун П. П. Социально-профессиональные общности // Политология (теория и история политической науки). Киев: Лыбидь, 2005. URL: <https://banauka.ru/2243.html> (дата обращения: 12.01.2023).
18. Кораблева Г. Б. Институциональные основы формирования профессиональных общностей // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57). С. 126–127.
19. Горохов В. Ф., Васнева Н. Н. О соотношении категорий «социальная общность» и «социальная группа» // Вестн. ТГУ. 2014. № 4 (132). С. 12–21.
20. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
21. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / пер. с польск. М. М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969.
22. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2003.
23. Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социол. исслед. 2010. № 4. С. 3–12.
24. Дерюгин П. П., Самарина Е. Л. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в трансформирующейся России // Russian J. of Education and Psychology. 2014. № 8. С. 87–105. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-8-10>.
25. Freeman L. C. The Sociological Concept of «Group»: An Empirical Test of Two Models // American J. of Sociology. 1992. Vol. 98, no. 1. P. 152–166. DOI: <https://doi.org/10.1086/229972>.
26. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.
27. Гумплович Л. Основания социологии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. Хрестоматия / под ред. В. И. Добренькова, Л. П. Беленковой. М.: Наука, 1994. С. 84–125.
28. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
29. Манхейм К. Избранное: социология культуры / пер. Л. Ф. Вольфсон, А. В. Дранов. М.; СПб.: Университетская кн., 2000.
30. Кравченко А. И. Социология. М.: Юрайт, 2000.
31. Helkama K. Recherches recentes sur les valeurs // La construction sociale de la personne / J.-L. Beauvois, N. Dubois, W. Doise, A. Boukarroum. Grenoble: Presses Univ. de Grenoble, 1999. P. 61–75.
32. Тельманова Е. Д. Ценностные ориентации ремесленника-предпринимателя как педагогическая проблема // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2011. № 8. С. 45–56.
33. Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Геранюшкина Г. П. Исследование ценностей предпринимателей разных социально-демографических групп // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Психология. 2020. Т. 33. С. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.33.69>.
34. Бормотов И. В. Ценностный выбор российской молодежи: групповой срез // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–1 (27). С. 123–133. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2016-3-1-123-133>.
35. Масленников А. А., Волков В. В., Капба С. Р. Психологические аспекты управления образовательной организацией в контексте интеграции личностных и групповых ценностей // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61–1. С. 387–390.
36. Frankel Ch. Social Values and Professional Values // J. of Education for Social Work. 1969. Vol. 5, iss. 1. P. 29–35. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220612.1969.10671808>.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 203 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Баннова Олеся Сергеевна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

Маранчак Анастасия Геннадьевна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных интересов: ИТ-специалисты, студенчество, человеческий капитал.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.01.2023; принята после рецензирования 07.02.2023; опубликована онлайн 24.04.2023.*

REFERENCES

1. Mehdi Mafi, (2012), "A Hierarchical Model of ICT in Digital Society to Access Information", *Canadian J. on Electrical and Electronics Engineering*, vol. 3, iss. 7, pp. 366–374.
2. Mishchenko, A.S. (2016), ""Innovators" as a specific socio-professional group in modern Russia", *Petersburg Sociology Today*, no. 7, pp. 319–349.
3. Radaev, V.V. and Shkaratan, O.I. (1996), *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification], Aspekt-Press, Moscow, RUS.
4. Shkaratan, O.I. (2006), *Professionals and Managers: Socioeconomic Situation and Behaviour in the Sphere of Employment*, Higher School of Economics, Moscow, RUS.
5. Goode, W. (1972), "Community within a Community: the Professions", *Sociological Perspectives on Occupations*, F. E. Peacock Publishers, Illinois, USA, pp. 194–200.
6. Dingwall, R. (1983), "Introduction", *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others*, in Dingwall, R. and Lewis, P. (eds.), Macmillan, London, GBR, pp. 11–18.
7. Mansurov, V.A. and Yurchenko, O.V. (2013), "Sociology of professional groups: history and prospects", *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 7, pp. 91–106.
8. Tikhonova, N.E. (2006), "Resources' approach as new theoretical paradigm in stratification studies", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 28–40.
9. Zdravomyslov, A.G. and Yadov, V.A. (2003), *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and his work in the USSR and after], Aspekt-Press, Moscow, RUS.
10. Lapin, N.I. (2008), *Teoriya i praktika innovatiki* [Theory and practice of innovation], Logos, Moscow, RUS.

11. Borisova, S.N. (2016), "The study of professions and professional groups in Russian sociology: theoretical and methodological analysis", *Vestnik of Lobachevsky State Univ. of Nizhni Novgorod. Ser.: Social Sciences*, no. 2 (42), pp. 144–148.
12. Frolov, S.S. (1994), *Sotsiologiya* [Sociology], Nauka, Moscow, RUS.
13. *Collins Dictionary of Sociology* (1999), in 2 vol., vol. 1, Transl. by Marchuk, N.N., Moscow, RUS, p. 511.
14. Zemnukhova, L.V. (2010), "Employers of IT as a professional society", *St. Petersburg Sociology Today*, no. 2, pp. 402–420.
15. Kasyanenko, I. and Alabin, A. (2017), "IT specialists as a modern professional group", *Inter*, vol. 9, no. 14, pp. 98–104.
16. Radugin, A.A. and Radugin, K.A. (2006), *Sotsiologiya* [Sociology], Biblionika, Moscow, RUS.
17. Shlyakhtun, P.P. (2005), "Socio-professional communities", *Politologiya (teoriya i istoriya politicheskoi nauki)* [Political science (theory and history of political science)], Lybid', Kiev, UKR, available at: <https://banauka.ru/2243.html> (accessed 12.01.2023).
18. Korableva, G.B. (2006), "Institutional foundations for the formation of professional communities", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser.: Social Sciences and the Humanities*, no. 2 (57), pp. 126–127.
19. Gorokhov, V.F. and Vasneva, N.N. (2014), "On correlation of categories "social unity" and "social group", *Tambov Univ. Review*, no. 4 (132), pp. 12–21.
20. Tönnies, F. (2002), *Gemeinschaft und Gesellschaft Grundbegriffe der reinen Soziologie*, Transl. by Sklyadnev, D.V., SPb., RUS.
21. Szczepanski, Ja. (1969), *Elementarne pojecia socjologii*, Transl. by Gurenko, M.M., Progress, Moscow, USSR.
22. Yadov, V.A. (2003), *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya: opisanie, ob"yasnenie, ponmanie sotsial'noi real'nosti* [Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality], Dobrosvet, Moscow, RUS.
23. Zborovsky, G.E. (2010), "Theoretical foundations for studying social community", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 3–12.
24. Deryugin, P.P. and Samarina, E.L. (2014), "Ethnic entrepreneurship as an adaptation strategy in transforming Russia (system modeling)", *Russian J. of Education and Psychology*, no. 8, pp. 87–105. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-8-10>.
25. Freeman, L.C. (1992), "The Sociological Concept of "Group": An Empirical Test of Two Models", *American J. of Sociology*, vol. 98, no. 1, pp. 152–166. DOI: <https://doi.org/10.1086/229972>.
26. Durkheim, E. (1990), *De la division du travail social*, Transl. by Gofman, A.B., Nauka, Moscow, USSR.
27. Gumplowicz, L. (1994), "Grundniss der Soziologie", *Teksty po istorii sotsiologii XIX-XX vv. Khrestomatiya* [Texts on the history of sociology of the XIX-XX centuries. Reader], in Dobren'kov, V.I. and Belenkova, L.P. (eds.), Nauka, Moscow, RUS, pp. 84–125.
28. Sorokin, P.A. (1994), *Obshchedostupnyi uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Public textbook of sociology. Articles of different years], Nauka, Moscow, RUS.
29. Mannheim, K. (2000), *Essays on the Sociology of Culture*, Transl. by Volfson, L.F. and Dranov, A.V., Moscow, SPb., RUS.
30. Kravchenko, A.I. (2000), *Sotsiologiya* [Sociology], Yurait, Moscow, RUS.
31. Helkama, K. (1999), "Recherches recentes sur les valeurs", in Beauvois, J.-L., Dubois, N., Doise, W. and Boukarroum, A. (eds.), *La construction sociale de la personne*, Presses Univ. de Grenoble, Grenoble, FRA, pp. 61–75.
32. Telmanova, E.D. (2011), "Self-employed craftsmen's common values as a pedagogic problem", *Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO* [Education and science. News of the Ural Branch of the Russian Academy of Education], no. 8, pp. 45–56.
33. Terekhova, T.A., Trofimova, E.L. and Geranyushkina, G.P. (2020), "Values of Entrepreneurs form Various Socio-Demographic Groups", *The Bulletin of Irkutsk State University. Ser.: Psychology*, vol. 33, pp. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.33.69>.

34. Bormotov, I.V. (2016), "The choice of values of the Russian youth: group cut", *Modern Studies of Social Issues*, no. 3–1 (27), pp. 123–133. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2016-3-1-123-133>.

35. Maslennikov, A.A., Volkov, V.V. and Kapba, S.R. (2018), "Psychological aspects of educational organization management in the context of the integration of personal and group values", *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], no. 61–1, pp. 387–390.

36. Frankel, Ch. (1969), "Social Values and Professional Values", *J. of Education for Social Work*, vol. 5, iss. 1, pp. 29–35. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220612.1969.10671808>.

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 203 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Olesya S. Bannova – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital.

Anastasia G. Maranchak – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: IT specialists, students, human capital.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 16.01.2023; adopted after review 07.02.2023; published online 24.04.2023.*

Оригинальная статья

УДК 316.012

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-93-102>

Осмысление цифрового капитала как фактора трансформации профессиональных сообществ

Вероника Евгеньевна Ярмак

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия,
aspirantura@fnisc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3261-0415>*

Введение. К настоящему времени в научном дискурсе только формируется подход к определению цифрового капитала как объекта исследования в социологии. Социологический анализ имеет важное значение для изучения цифрового капитала, поскольку способен раскрыть его специфику, особенности, материальные и нематериальные составляющие.

Методология и источники. Изучение и теоретизация цифрового капитала основаны на теоретико-методологических позициях и исследованиях процессов цифровизации и цифрового капитала, предложенных исследователями ранее. На основе этого сформировано авторское определение цифрового капитала, построена методология исследования и проведено пилотное эмпирическое исследование.

Результаты и обсуждение. Выявлено, что, с одной стороны, развитие общества под влиянием цифровизации и наличие цифрового капитала у представителей различных социально-демографических и профессиональных групп способствуют развитию социума, но, с другой стороны, упрощение структурных процессов в связи с внедрением цифровых технологий влечет за собой ряд объективных проблем: нехватка специалистов, имеющих необходимые компетенции, снижение качества квалификации уже работающих специалистов, неравенство среди профессиональных групп, безработица и т. д.

Заключение. Цифровизация либо так или иначе отразилась на условиях работы, либо повлияла на трансформацию профессии за счет включения в нее новых специальностей и требований. Главное преимущество цифровизации состоит в повышении производительности предприятия посредством сокращения времени, необходимого для разработки нового продукта, выпуска его на рынок и поставки потребителю, а также в оптимизации ресурсов компании, что повышает эффективность ее работы в целом. Респонденты, занятые на IT-предприятиях, отмечали, что процесс цифровизации минимально затронул их сферу деятельности, поскольку она и так была всегда «в цифре». Профессия «айтишника» действительно трансформировалась: если ранее к ней относили только тех, кто занят, например, в программировании, то сейчас под этой профессией могут пониматься все, кто так или иначе связан с цифровым продуктом.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой капитал, цифровое неравенство, цифровые навыки, трансформация профессиональных сообществ

Для цитирования: Ярмак В. Е. Осмысление цифрового капитала как фактора трансформации профессиональных сообществ // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 93–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-93-102.

© Ярмак В. Е., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Understanding Digital Capital as a Factor of Transformation of Professional Communities

Veronika E. Yarmak

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia,
aspirantura@fnisc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3261-0415>*

Introduction. To date, in the scientific discourse, an approach to the definition of digital capital as an object of research in sociology is only being formed. Sociological analysis is important for the study of digital capital because it is able to reveal its specifics, features, material and non-material components.

Methodology and sources. The study and theorization of digital capital is based on theoretical and methodological positions and studies of the processes of digitalization and digital capital proposed by researchers earlier. Based on this, the author proposed her own definition of digital capital and research methodology and conducted a pilot empirical study.

Results and discussion. It is revealed that, on the one hand, the development of society under the influence of digitalization and the presence of digital capital among representatives of various socio-demographic and professional groups contributes to the development of society. But on the other hand, the simplification of structural processes in connection with the introduction of digital technologies entails a number of objective problems: a shortage of specialists with the necessary competencies, a decrease in the quality of qualifications existing specialists, inequality among professional groups, unemployment, etc.

Conclusion. In one way or another, digitalization has affected either the working conditions or influenced the transformation of the profession, including new specialties and requirements. The main advantage of digitalization is to increase the productivity of the enterprise by reducing the time required to develop a new product, release it to the market and deliver it to the consumer, as well as to optimize the company's resources, which increases the efficiency of its work as a whole. Respondents employed at IT enterprises noted that the process of digitalization minimally affected their field of activity, since it was always "in numbers" anyway. At the same time, the IT profession has really transformed. This lies in the fact, that earlier it included only those who are engaged, for example, in programming, and now this profession includes everyone who is somehow connected with a digital product.

Keywords: digitalization, digital capital, digital inequality, digital skills, transformation of professional communities

For citation: Yarmak, V.E. (2023), "Understanding Digital Capital as a Factor of Transformation of Professional Communities", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 93–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-93-102 (Russia).

Введение. Все больше и больше в отечественной и зарубежной научной литературе социологи обращаются к теме цифровизации, ее теоретизации и влияния на социально-экономические и культурные процессы в обществе и жизни человека. Постепенное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) привело нас к этапу компьютеризации и информатизации, что в свою очередь способствовало повышению качества жизни общества. Несмотря на то, что этот этап проходит достаточно планомерно, кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, ускорил процессы цифровизации в России и во всем мире.

В новой, «цифровой», социальной реальности человек «живет по-новому», во многом меняя привычный образ своей повседневной и профессиональной деятельности. Сейчас именно цифровизация определяет тренды развития, проблемы эффективности и результативности человеческой деятельности. Рассматривая ИКТ как активную силу преобразования общества [1], ученые предполагают, что развитие информационной среды способно не только изменить производительные силы и экономические ресурсы, но и трансформировать социальные практики, культуру, самого человека. И в связи с этим социологический взгляд на эту проблему может помочь в формировании методологии и инструментария, который позволил бы отслеживать тренды и динамику развития общества под влиянием цифровизации.

Так, например, в зарубежной социологической литературе все чаще рассматривается концепция цифрового неравенства, в основе которой заложены ограничения по использованию информационно-коммуникационных технологий на разных этапах жизни человека и влияние этих ограничений в целом на развитие общества на макро- и микроуровне. Можно сказать, что в дискурс входит новое понятие «цифровой капитал», которое может иметь «гибридный» характер, интегрирующий в рамках одной формы капитала два значимых фактора – доступ к цифровым технологиям и умение эффективно использовать эти технологии в том обществе, где есть на это социальный запрос, т. е. фактически материальные и нематериальные свойства.

Методология и источники. Исследования цифрового капитала в большинстве случаев опираются на широкую теоретическую базу концепции человеческого капитала. Идея информационного общества как нового этапа социального развития вызвала дискуссии по многим причинам, поскольку в нем проявились не только новые возможности, но и новые проблемы, вставшие на пути общественного прогресса. Возникновение такого понятия, как «цифровой капитал», было не случайным, а закономерным обстоятельством социальных изменений, ведь совершенно очевидно, что в информационном (цифровом) обществе цифровой капитал может рассматриваться как отдельный, самостоятельный вид капитала, во многом обуславливающий эффективность человека в профессиональном, общественном и личном смыслах [2].

Теоретизация и разработка определения цифрового капитала проводились с опорой на следующие научные позиции, концепции и исследования:

1. Концепция капиталов П. Бурдьё, согласно которой капитал относится к запасам внутренних способностей и компетенций, а также к внешним ресурсам, являющимся дефицитными и социально ценными [3]. В разные годы отечественные и зарубежные авторы обращались к изучению разных форм капиталов. Так, например, П. Бурдьё рассматривал капиталы в широком смысле как своеобразные «структуры господства», позволяющие индивидам реализовывать свои жизненные стратегии и достигать определенных целей. Чем больше объем капиталов и чем более они разнообразны, тем легче индивидам реализовывать поставленные перед ними задачи. Как и более традиционная форма капитала, они могут быть преобразованы и продуктивно реинвестированы. Характеристики информационного и цифрового капитала по своему содержанию близки и часто пересекаются, что позволяет методом аналогии исследовать цифровой капитал.

2. Научная позиция С. А. Кравченко, согласно которой существующие многочисленные представления и определения человеческого капитала несут в себе тот или иной мировоззренческий, научный, социокультурный и политический компонент, и для изучения человеческого капитала, различных его форм и наиболее адекватной характеристики в современном динамичном обществе потребуется методика, основанная на методологическом интегрализме [4].

3. Работа Е. Л. Варгановой и А. А. Гладковой, согласно которой под цифровым капиталом авторы понимают совокупность навыков и возможностей доступа к цифровым информационным технологиям, цифровой коммуникационной среде (прежде всего к Интернету) и умение применять их в профессиональных и личных целях [5]. Объем этого цифрового капитала оценивается социальными преимуществами, благодаря чему хорошо видны результаты использования ИКТ.

4. Социологические исследования М. Рагнеллы [6], в которых под цифровым капиталом понимается особая система цифровых компетенций с использованием ИКТ для реализации личных целей.

5. Научная позиция С. Парк [7], согласно которой цифровой капитал – это заранее определенная система навыков, влияющих на то, как взаимодействие с цифровыми технологиями влияет на процесс и результат профессиональной деятельности.

Чаще всего цифровой капитал рассматривался учеными с позиции экономического или компетентностного подхода, но при этом в социологии до сих пор нет устоявшегося понимания сути и функций цифрового капитала, которое помогло бы описать его интегративный характер.

Очевидно, что актуализация внимания к этому понятию произошла благодаря процессу цифровизации, поэтому важно понять, является ли цифровой капитал средством социализации человека в условиях цифрового общества. Действительно ли тот, кто обладает цифровым капиталом, успешнее социализируется в цифровом обществе и, как следствие, получает все необходимые материальные и нематериальные ресурсы.

С учетом имеющейся теоретической базы автору кажется возможным определить цифровой капитал в широком смысле как совокупность материальных и нематериальных взаимодействий и отношений субъектов с окружающей средой посредством цифровых технологий, позволяющих использовать потенциал цифрового общества в интересах социального и экономического воспроизводства, развития коммуникаций и иных ресурсов (извлечения прибавочной стоимости, увеличения ренты, получения дополнительных благ и услуг и др.), в конечном итоге влияющих на характер и направленность социодинамики развития общества. А в узком смысле – на уровне личности – цифровой капитал определяется как совокупность цифровых компетенций, ресурсов и средств, позволяющих повысить личную результативность в процессе деятельности, а в конечном итоге способствующих успешной социализации индивида в цифровом обществе. В частности, это приобретение личностью таких характеристик и способностей, которые нацелены на использование информационно-коммуникационных технологий в различных контекстах (работа, досуг, обучение).

Также важно отметить, что цифровой капитал – интегральный по своим характеристикам и является как материальным (доступ и наличие ИКТ), так и нематериальным (система

цифровых компетенций личности). Цифровой капитал обладает теми же свойствами, что и другие формы капитала – он может интегрироваться, накапливаться и преобразовываться в другие формы капитала, тем самым повышая конкурентоспособность и значимость человека в новом цифровом обществе. Особенностью и отличием цифрового капитала от других форм капитала является его влияние на рационализацию и формализацию личной деятельности. Наличие цифрового капитала выстраивает логику действий индивида таким образом, что его деятельность становится эффективнее и результативнее.

Цифровизация и цифровой капитал как фактор трансформации профессионального сообщества. Как мы уже описали ранее, цифровизация проникает практически во все сферы жизни общества, тем самым повышая актуальность и показывая необходимость владения цифровыми навыками и средствами ИКТ различными группами населения. На сегодняшний день в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» цифровизация уже затронула такие сферы, как электронное правительство, телекоммуникации, СМИ, образование, здравоохранение и другие.

Особенно сильно процессы цифровизации отразились на рынке труда. Так, например, в 2021 г. 44 % российских работодателей столкнулись с недостаточным уровнем владения цифровыми навыками и компетенциями среди своих сотрудников. Почти 34 млн россиян недостаточно квалифицированы именно в области цифровых навыков и компетенций: нехватка цифрового капитала наблюдается не только в технических сферах деятельности, но и в тех областях, которые ранее не были автоматизированы и цифровизированы [8].

Инженерные профессиональные сообщества цифровизация также не обошла стороной. Сейчас формируются новые требования к специалистам технических областей и осуществляется трансформация их профессиональной деятельности, поскольку большинство функций, не затронутых предыдущими волнами внедрения методов и средств цифровизации, в той или иной степени будут подвержены автоматизации или роботизации, что в свою очередь вызовет нехватку компетенций среди представителей этого профессионального сообщества [8, 9]. Инженеры заняты практически во всех жизненно важных структурообразующих производствах России: в авиапроме, ракето-, автомобиле-, кораблестроении, строительстве зданий и сооружений, информационных технологиях, связи, химическом машиностроении, энергетике, топливной промышленности, производстве средств производства и прочих [10]. В настоящее время существует более 30 профилей инженерных специальностей; по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 г. численность населения с высшим и средним уровнем квалификации по инженерным специальностям составляла более 30 % от общего числа занятых [11]. В 2021 г. профессия инженера вошла в топ-3 самых востребованных на рынке труда в России за последние три года. Ежегодно растет число вакансий для инженеров: за 2019 год было открыто 270 тыс. вакансий, за 2020 – 301 тыс., а за первые месяцы 2021 – 96 тыс. Наиболее активно в начале 2021 г. инженеров приглашали на работу в отрасли строительства, недвижимости, эксплуатации, проектирования, IT, электроники, приборостроения, промышленного оборудования, станков и комплектующих, услуг для бизнеса, тяжелого машиностроения, металлургии, энергетике, нефти и газа [8]. Таким образом, можно сказать, что профессию инженера в ближайшее десятилетие ждет масштабная цифровизация – уже сейчас в ведущих вузах будущие инженеры обучаются программированию и дру-

гим ИТ-навыкам, без которых невозможно работать в условиях высокотехнологичных производств.

Таким образом, можно определить такие проблемы:

1. В теоретическом плане: в социологической науке отсутствует устоявшееся определение цифрового капитала как вида нематериального капитала, не описаны его составляющие. В связи с этим в науке пока не определена методология исследования цифрового капитала.

2. В практическом плане: с одной стороны, развитие общества под влиянием цифровизации и наличие цифрового капитала у представителей различных социально-демографических и профессиональных групп способствуют развитию социума, но, с другой стороны, упрощение структурных процессов в связи с внедрением цифровых технологий влечет за собой ряд объективных проблем: нехватка специалистов, имеющих необходимые компетенции, снижение качества квалификации уже работающих специалистов, неравенство среди профессиональных групп, безработица и т. д., что в конечном счете ведет к изменениям структуры профессиональных сообществ, роли их участников и снижению результативности их деятельности.

Исследование проводилось в апреле–мае 2022 г. Для анализа влияния цифровизации на условия работы сотрудников промышленных и иных предприятий и оценки работниками своего уровня цифрового капитала нами было проведено пилотное качественное исследование, основным методом которого являлось глубинное интервью. В исследовании приняли участие 14 сотрудников российских промышленных, производственных и ИТ-предприятий, имеющих высшее образование в технической сфере и в данный момент занятых на позициях, предполагающих ежедневное использование цифровых технологий (компьютеры, смартфоны, цифровое оборудование и т. д.) для осуществления профессиональной деятельности. Среди респондентов были представители таких профессий и специальностей, как электромеханики, наладчики автоматических линий, аналитики данных, веб-разработчики, инженеры-программисты. Распределение по полу – равномерное, большая часть опрошенных – респонденты в возрасте 25–35 лет.

Сценарий интервью включал в себя четыре блока вопросов:

1) характеристика респондента: пол, возраст, образование, семейное положение, материальное положение, наличие цифровых навыков, оценка уровня владения цифровыми навыками, опыт работы;

2) опыт работы и текущее место работы: уровень владения средствами ИКТ в повседневной жизни и на работе, трудовая мотивация, оценка социально-трудовых отношений под влиянием процесса цифровизации, условия и оплата труда, содержание и организация работы, эффективность применяемых методов управления персоналом, удовлетворенность различными аспектами работы;

3) оценка влияния цифровизации на трансформацию профессиональной деятельности: отношение к профессии в обществе, оценка значимости профессии инженера, количество направлений и специализаций в профессии, оценка «социального запроса» на профессию;

4) навыки работы в цифровой среде: цифровые компетенции, знание о цифровом капитале, понимание цифрового капитала, мотивация по формированию цифрового капитала.

Результаты и обсуждение. Проведенный нами предварительный анализ показал, что цифровизация так или иначе отразилась на условиях работы или повлияла на трансформацию профессии за счет появления в ней новых специальностей и требований. Также цифровизация повлияла на понимание того, как цифровые технологии могут повысить эффективность деятельности человека, иными словами, цифровой капитал становится таким же значимым, как физический, культурный, социальный и экономический капиталы, что еще раз подчеркивает важность изучения этого явления и разработки методологии его исследования в социологии. Стоит отметить, что на сегодняшний день создано большое количество государственных проектов, например, «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которые способны реализовывать государственную политику в области образования. Так, создаются системы, ориентированные на формирование и развитие soft skills, необходимых для инновационной деятельности человека; выпускников вузов привлекают к получению навыков инновационного и социального профиля, формируются система стимулирования инновационной активности и культура инноваций в обществе; повышается престиж инновационной деятельности, неотъемлемой частью которой являются информационные технологии.

Заключение. Большая часть опрошенных отметили, что за последние три года значительно улучшили свои цифровые навыки – и во многом этому способствовала «ситуация в мире». Так, большинству стали доступнее видеозвонки, социальные сети, получение государственных услуг онлайн и многое другое. При этом большая часть опрошенных не отождествляют полученные цифровые навыки и знания с капиталом, поскольку они отразились на их жизни только в виде упрощения некоторых повседневных процессов. Под цифровым капиталом они понимают наличие компьютера/ноутбука/смартфона и владение навыками работы с ними, что позволяет зарабатывать деньги, постоянно получать новые знания и тем самым повышать свою эффективность. Однако нельзя сказать, что, имея только цифровой капитал, можно добиться высоких показателей на работе, как отмечают опрошенные; физическое здоровье, уровень образования и даже наличие связей также играют большую роль, а цифровой капитал является дополнением к этому перечню, соответствующим современным запросам в обществе.

Обобщающие выводы исследования следующие:

1. Пандемия COVID-19 как фактор ускоренной цифровизации. В целом, все опрошенные отметили, что за последние три года процессы цифровизации затронули большую часть их жизни, как личной, так и профессиональной. Особенно сильно это проявилось в первые полгода после начала пандемии COVID-19 (примерно с декабря 2020 г.): в частности, цифровизация оказала сильное влияние на процессы получения государственных услуг, образования и повседневную деятельность. Получение этих услуг стало значительно проще, быстрее и эффективнее, особенно для респондентов в возрасте от 26 до 35 лет. Некоторые респонденты и вовсе отмечали, что сейчас «не представляют свою жизнь без смартфона, ноутбука и телевизора, так как в них сосредоточены все финансы, общение, работа и образование». Смартфоны заменили общение, работу и даже поход в МФЦ. Если говорить о профессиональной деятельности, электромеханики и наладчики автоматических линий отмечали, что новая волна цифровизации затронула только часть их работы – профессиональную

переподготовку специалистов: на замену экзаменационным билетам и очной сдаче экзамена для повышения квалификации пришли онлайн-тесты, что во многом, по мнению опрошенных, усложнило их жизнь, так как возникла необходимость самостоятельно научиться пользоваться специальной компьютерной программой, что отнимает рабочее время и отрицательно сказывается на результатах работы.

2. Цифровизация промышленности. Главное преимущество цифровизации состоит в повышении производительности предприятия посредством сокращения времени, необходимого для разработки нового продукта, выпуска его на рынок и поставки потребителю, а также в оптимизации ресурсов компании, что повышает эффективность ее работы в целом. Однако, по мнению опрошенных, это не всегда так. Как утверждали респонденты, занятые на промышленных предприятиях, цифровизация затронула часть деятельности, не относящуюся к производству: оборудование на предприятиях не обновляется уже более 10 лет, что отрицательно сказывается на его работоспособности. Постоянные поломки оборудования, которые не удается устранить «по инструкции», вынуждают работников «включать воображение» и самостоятельно искать пути решения. Сами опрошенные утверждают, что могут это сделать, поскольку «обладают специальными навыками и знаниями, полученными еще в школе и в университете» (в основном это образование, полученное в 1980-х гг.), в то время как работники без высшего образования говорят, что стараются действовать «по инструкции» и в случае неудачи оставляют попытки отремонтировать оборудование, что в свою очередь ухудшает эффективность работы как сотрудника, так и предприятия.

3. Цифровизация и ИТ-сфера. Респонденты, занятые на ИТ-предприятиях, отмечают, что процесс цифровизации минимально затронул их сферу деятельности, поскольку она и так всегда была «в цифре». Но при этом опрошенные отметили, что сама профессия «айтишника» действительно трансформировалась: ранее к ней относили только тех, кто занят, например, в программировании, сейчас – всех, кто так или иначе связан с цифровым продуктом. По их мнению, рынок профессий пополнился UX-специалистами (креативный специалист, который изучает потребности пользователей и работает над улучшением пользовательского интерфейса ИТ-продуктов), дизайнерами интерфейсов и др. Особенно сильно это проявилось, когда на рынок образовательных услуг вышли онлайн-курсы, предлагающие освоить новую профессию за короткий промежуток времени и рассчитывать на достойную заработную плату. Иными словами, имея свободное время, компьютер и владея навыками работы с ним, можно освоить новую профессию и значительно улучшить свою жизнь – получить престижную работу с высокой заработной платой, гибридным графиком и, как следствие, эффективное распределение собственного времени. Несмотря на то, что для одной группы населения это плюс, для другой – имеющих специализированное высшее образование и опыт работы – ситуация становится проблемной: конкуренция на рынке труда растет, и чтобы получить желаемую работу, недостаточно просто владеть цифровыми навыками, но необходимо обладать так называемыми soft skills.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Toffler A. The Third Wave. NY: Bantam Books, 1980.

2. Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: опыт смешанной стратегии эмпирического исследования / П. П. Дерюгин,

О. С. Баннова, Е. А. Камышина и др. // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 45–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-45-57.

3. Бурдые П. Формы капитала / пер. с фр. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

4. Кравченко С. А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестн. МГИМО. 2010. № 6. С. 15–25.

5. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2020.8>.

6. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital // Telematics and Informatics. 2018. Vol. 35, no 8. P. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>.

7. Park S. Digital capital. London: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0.

8. Обучение цифровым навыкам: модели цифровых компетенций // Тренинг-центр «Компетенции». 2019. URL: http://obzory.hr-media.ru/cifrovye_navyki_sotrudnika (дата обращения: 10.05.2022).

9. Трубникова Т. Н. Началась регистрация заявок на обучение цифровым профессиям // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. 01.07.2021. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41162/> (дата обращения: 04.05.2022).

10. Исследование показало, сколько зарабатывают инженеры в России // РИА Новости: 25.03.2021. URL: <https://na.ria.ru/20210325/mirea-1602751339.html> (дата обращения: 08.05.2022).

11. Навыки глазами сотрудников и руководителей // Ancor. 11.08.2021. URL: <https://ancor.ru/upload/research/skills-2021.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

Информация об авторе.

Ярмак Вероника Евгеньевна – аспирантка (социологические науки) Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: цифровой капитал, цифровизация.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.01.2023; принята после рецензирования 16.02.2023; опубликована онлайн 24.04.2023.

REFERENCES

1. Toffler, A. (1980), *The Third Wave*, Bantam Books, NY, USA.

2. Deryugin, P.P., Bannova, O.S., Kamyshina, E.A., Yarmak, V.E. and Salfetnik, K.E. (2021), "Sociodynamics of Students' Digital Capital in the Context of the COVID-19 Epidemiological Crisis: an Experience of a Mixed Strategy of Empirical Research", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 4, pp. 45–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-45-57.

3. Bourdieu, P. (2002), "Forms of capital", *J. of Economic Sociology*, Transl. by Dobryakova, M.S., vol. 3, no. 5, pp. 60–74.

4. Kravchenko, S.A. (2010), "Formation of networked human capital: methodological outline of the concept", *MGIMO Review of International Relations*, no. 6, pp. 15–25.

5. Vartanova, E.L. and Gladkova, A.A. (2020), "Digital capital in the context of the concept of intangible capital", *Mediascope*, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2020.8>.

6. Ragnedda, M. (2018), "Conceptualizing digital capital", *Telematics and Informatics*, vol. 35, no. 8, pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>.

7. Park, S. (2017), *Digital capital*, Palgrave Macmillan, London, GBR. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0.

8. "Digital skills training: models of digital competencies" (2019), *Training center "Competencies"*, available at: http://obzory.hr-media.ru/cifrovye_navyki_sotrudnika (accessed 10.05.2022).

9. Trubnikova T.N. (2021), "Registration of applications for training in digital professions has begun", *Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation*, 01.07.2021, available at: <https://digital.gov.ru/ru/events/41162/> (accessed 04.05.2022).

10. "The study showed how much engineers earn in Russia" (2021), *RIA News*, 25.03.2021, available at: <https://na.ria.ru/20210325/mirea-1602751339.html> (accessed 08.05.2022).

11. "Skills through the eyes of employees and managers" (2021), *Ancor*, 11.08.2021, available at: <https://ancor.ru/upload/research/skills-2021.pdf> (accessed 01.05.2022).

Information about the author.

Veronika E. Yarmak – Postgraduate (Sociological Sciences), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, 24/35, room 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow 117218, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: digital capital, digitalization.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.01.2023; adopted after review 16.02.2023; published online 24.04.2023.*

Original paper
УДК 81–116
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-103-110>

R-linguistics. The Principle of Linguistic Duality

Oleg M. Polyakov

*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St Petersburg, Russia,
road.dust.spb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8520-3936>*

Introduction. R-linguistics uses the axiomatic method in its approach to modeling the world and language [1]. Axioms define the categories of language, their properties and ways of formation. On this basis, when processing the accumulated data in the form of relations, it is possible to form systems of categories and determine the verbs connecting these categories. A reasonable question arises: if categories (to be such) must satisfy certain axioms, does this requirement apply to verbs as well? The purpose of this article is to deal with this issue.

Methodology and sources. The results of the previous parts of the series are used as research tools. The axioms and methods of verb categorization formulated earlier are used to develop the necessary mathematical representations of the verb axiomatics.

Results and discussion. The article introduces the axiom for the verbs of the language (the axiom of the verbal cross) and shows that this axiom is related to the categorization axiom (the correctness axiom). Although this connection is not identical, it becomes such with the additional use of the axiom of extensiveness. This relationship made it possible to formulate the fundamental principle of linguistics – the principle of duality.

Conclusion. The axiomatics of verbs and categories of a language turns out to be connected, and one determines the other, so that by and large it does not matter which of them is the source of the model of the world and the appearance of language. This unity is formulated as the principle of duality in linguistics. The manifestations of the principle of duality in the language are diverse, but this article focuses on the discussion of the appearance in the language of verbs-processes and adverbs. This transition is considered, starting with obtaining the initial data about the world, to the emergence of ideas about processes and adverbs as a feature system of verbs.

Keywords: R-linguistics, categorization, verbal cross, duality principle

For citation: Polyakov, O.M. (2023), "R-linguistics. The Principle of Linguistic Duality", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 103–110. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-103-110

© Polyakov O. M., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

R-лингвистика. Принцип двойственности

Олег Маратович Поляков

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, Санкт-Петербург, Россия,
road.dust.spb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8520-3936>*

Введение. R-лингвистика в своем подходе к моделированию мира и языку использует аксиоматический метод. Аксиомы определяют категории языка, их свойства и способы формирования. На этой основе при обработке накопленных данных, оформленных в виде отношений, можно сформировать системы категорий и определить глаголы, соединяющие эти категории. Возникает резонный вопрос: если категории (чтобы быть таковыми) должны удовлетворять определенным аксиомам, относится ли это требование и к глаголам? Цель данной статьи – разобраться с указанным вопросом.

Методология и источники. Результаты предыдущих частей серии используются в качестве инструментов исследования. Сформулированные ранее аксиомы и методы глагольной категоризации применяются для разработки необходимых математических представлений глагольной аксиоматики.

Результаты и обсуждение. В статье введена аксиома для глаголов языка (аксиома глагольного креста) и показано, что эта аксиома связана с аксиомой категоризации (аксиомой корректности). Эта связь хотя и не тождественна, но становится таковой при дополнительном использовании аксиомы экстенсивности. Указанная взаимосвязь позволила сформулировать фундаментальный принцип лингвистики – принцип двойственности.

Заключение. Аксиоматика глаголов и категорий языка оказывается связанной, и одно определяет другое, так что по большому счету не важно, что из них является источником модели мира и появления языка. Это единство сформулировано как принцип двойственности в лингвистике. Проявления принципа двойственности в языке многообразны, но в данной статье внимание сосредоточено на обсуждении появления в языке глаголов-процессов и наречий. Этот переход рассмотрен начиная с получения исходных данных о мире до возникновения представлений о процессах и наречиях как признаковой системы глаголов.

Ключевые слова: R-лингвистика, категоризация, глагольный крест, принцип двойственности

Для цитирования: Поляков О. М. R-лингвистика. Принцип двойственности // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 103–110. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-103-110.

Introduction. R-linguistics uses the axiomatic method in its approach to modeling the world and language [1]. Axioms define the categories of language, their properties and ways of formation. On this basis, when processing the accumulated data in the form of relations, it is possible to form systems of categories and determine the verbs connecting these categories. A reasonable question arises: if categories (to be such) must satisfy certain axioms, does this requirement apply to verbs as well? The purpose of this article is to deal with this issue.

Methodology and sources. The results of the previous parts of the series are used as research tools. The axioms and methods of verb categorization formulated earlier are used to develop the necessary mathematical representations of the verb axiomatics.

Results and discussion.

Axiomatics of verbs. The mathematical relations on which the verb categorization is built [1] represent the Galois correspondence. The Galois correspondence in the middle of the last century was generalized by the American mathematician Garrett Birkhoff [2]. In 1953, Jurgen Schmidt [3] formulated Axiom A3, which we will call the verbal cross:

$$A3 \quad X \subseteq Y^+ \text{ if and only if } Y \subseteq X^*,$$

where $*$ is a mapping of subsets of the universe U into subsets of the universe V , and $+$ is a mapping of subsets of the universe V into subsets of the universe U . Together with the axiom A1 (the axiom of extensiveness).

$$A1' \quad X \subseteq X^{**} \text{ and } Y \subseteq Y^{+*},$$

which now acts on the universes U and V , we just get the definition of the Galois correspondence. However, so far there is no guarantee that the mappings $*+$ or $+*$ are closure operators.

Proposition 1. For the verbs Δ and ∇ from [1], axiom A3 holds.

Proof. From Proposition 24 [1] we obtain the following: if $X \subseteq Y^\nabla$, then $Y^{\nabla\Delta} \subseteq X^\Delta$. According to Proposition 25 [1] $Y \subseteq Y^{\nabla\Delta}$, therefore $Y \subseteq X^\Delta$. Similarly, you can justify the validity of A3 in the opposite direction.

Proposition 2. The fulfillment of axioms A1 and A3 implies the fulfillment of the axiom A2 on both universes.

Proof. Now let Axioms A1 and A3 hold. If $X_1 \subseteq X_2^{**}$ is true, then $X_2^* \subseteq X_1^*$ is true by A3. By virtue of A1, it is true that $X_1^* \subseteq X_1^{**}$, and therefore $X_2^* \subseteq X_1^{**}$. Hence, by virtue of A3, $X_1^{**} \subseteq X_2^{**}$. But this is exactly Axiom A2. Similarly, the validity of A2 can be substantiated for the universe V .

So, on the universes U and V , when the axioms A1 and A3 are fulfilled, linguistic spaces are formed. By Lemma 3 [1], the intersection of categories in these spaces is also a category. Actually, this is how we defined the verbs Δ and ∇ .

An analogue of Proposition 29 [1] holds for $*$, $+$.

Proposition 3. Linguistic spaces with respect to the operators $*+$ and $+*$ coincide.

Proof. Indeed, by virtue of A1 (on V), for any $X \subseteq U$ we have $X^* \subseteq X^{**}$. By virtue of axioms A1 and C1, we have $X \subseteq X^{**}$. Then from A3 we obtain $X^{**} \subseteq X^*$, which means that $X^* = X^{**}$. Likewise, for another universe. Thus, the mapping of any set $X(Y)$ by the mapping $*$ ($+$) immediately leads us to a closed set on $U(V)$.

Since the self-evident axiom A1 is present in both cases, then in fact the meaning of the equivalence of the pairs of axioms A1, A2 and A1, A3 is concluded in the ratio of the axioms A2 and A3 (when it comes to binary verbs).

Remark 4. Let's consider what is the meaning of axiom A3 (axiom of the verbal cross). For example, suppose the universe U consists of many different fruits of plants, and the universe V consists of many different products that are made from fruits. So, let Y be some arbitrary set of products, for example, juice, pie, jam, etc. Then Y^+ is the set of all fruits from which all these products can be made. In other words, from each fruit included in Y^+ , you can make all the products included in the set of examples of Y . If you choose only part of the fruits X from Y^+ , then of course you can make all the products from Y , but it may be possible to make some more products that could not be made because of some fruits included in Y^+ , but not included in X . If denote by X^*

the set of all products that can be made from X , then obviously with necessity $Y \subseteq X^*$. Similarly, one can show that $X \subseteq Y^+$ follows from $Y \subseteq X^*$. In other words, a decrease in the composition of objects at one universe leads to their increase at another, and vice versa. A consequence (manifestation) of this cross is Proposition 24, Lemma 32, and Theorem 33 from [1]. On the other hand, the correctness axiom A2 says that no subset of examples of a category allows one to go beyond this category.

As another example of the manifestation of the axiom of the verbal cross, let us consider the sentences: “добытчик добывает добычу”, “завариватель заваривает заварку”, “прихожанин приходит в приход”, “рыбаки рыбачат”. Usually, people in such cases talk about tautological statements, although this is not so. The reason for the “unacceptability” of this kind of expression is the violation of the axiom of the verbal cross, since they use universes as a category and co-category for the corresponding verb. This is easy to see if we reduce the level of community of one of the categories participating in the proposal, for example, “Василий Иванович приходит в приход”, “прихожанин приходит в часовню”, etc. We seem to restore the action of the verbal cross, which is felt by us as a harmonization of the text.

Verbs can be related in the relation “more-less” [4]. Recall that the verb V1 is less than the verb V2 if the linguistic spaces according to V1 belong to the linguistic spaces according to V2. For example, ПРИСТРАИВАТЬ \leq СТРОИТЬ, ПРЕПОДАВАТЬ \leq ОБУЧАТЬ, РЫБАЧИТЬ \leq ЛЮБИТЬ. For the last inequality, keep in mind that РЫБАЧИТЬ = ЛЮБИТЬ РЫБУ. Since the universes of the lesser verb are not at all necessarily the universes of the larger verb, replacing the smaller verb in the sentence with a larger one also softens the violation of the axiom of the verbal cross. For example, the sentence “рыбаки ловят рыбу” no longer seems so strange, and even more so the sentence “рыбаки ловят судака”. At the same time, the sentences “рыбаки рыбачат” and “рыбаки ловят рыбу” are semantically equivalent.

Remark 5. There is a significant difference between the binary relation that is observed between objects and the correspondences given by the verbal cross. The binary relation S between the sets U and V is simply a set of pairs whose elements are connected by this binary relation. At the same time, the verbs $*$ and $+$ from Axiom A3 are mappings from the Boolean B_U to the Boolean B_V and vice versa. These are completely different mathematical objects. Based on the binary relation S , one can construct mappings from one boolean to another in various ways. The method used here is based on axioms B1 and B2 [1]. It turned out (Proposition 1) that the Booleans mappings constructed in this way satisfy Axiom A3, and thus the mappings Δ and ∇ are verbs.

Conversely, if Booleans mappings are given, then one can pass from them to the relation between universes in different ways. The mappings $*$ and $+$ satisfy axioms A1 and A3. This is tantamount to the fulfillment of Axiom A2 (Proposition 2) on the universes. Does this force you to choose a particular way of constructing a relationship from these mappings? Not at all. Moreover, these mappings are generally not bijections, in contrast to the mappings Δ and ∇ . This can lead to differences in direct and reflexive verbs. For example, the mixing of two spaces in example 11 (Fig. 4b) [5] for the verbs ПОЕДАТЬ and ПОЕДАТЬСЯ generates a new category $\{Pe\}$ in Fig. 4c [5], which leads to a violation of the bijection of the original mappings, since now the two categories $\{PPe\}$ and $\{Pe\}$ are mapped into one category $\{CRPe\}$. As a result, the isomorphism of spaces turns into an epimorphism, and the reflexive verb does not necessarily lead

to the original category (i.e., in the general case, for the category X , instead of $X = X^{\Delta\nabla}$, we obtain only $X \subseteq X^{\Delta\nabla}$).

This is an important point for understanding the logic of verbs, which is discussed in [4]. When verbs in a sentence are connected by AND and OR operations, they form new mappings of new linguistic spaces (compound verbs). Axiom A3 still holds for these new mappings and, therefore, they are verbs. In this case, the dual isomorphism of spaces may give way to a dual epimorphism or monomorphism of the newly formed spaces. Thus, logical operations with verbs do not take mappings out of the verb zone, and this is an important point for the logic of natural language. At the same time, however, as we have seen, reflexive verbs for such compound verbs lose the return property to the original category. Perhaps that is why in the language we do not replace compound verbs with a new name of a new verb, but leave them in their original form connected by operations AND and OR of simple verbs.

To conclude this remark, we show the simplest way to move from the mappings $*$ and $+$ to the binary relation. To do this, it is sufficient to use mappings of singleton sets. Namely, the relation S_U is defined as the set of all pairs (x, y) such that $y \in \{x\}^*$. Similarly, the S_V relation is defined. It is not difficult to make sure that S_V is the inverse relation for S_U ($S_U = S_V^{-1}$). So, the two mappings actually generate a single relation $S = S_U$. The linguistic spaces constructed by this relation will be no larger than any other linguistic spaces constructed by the mappings $*$ and $+$. In other words, categories from linguistic spaces constructed using S will also be included in any other linguistic spaces constructed using $*$ and $+$. We will not prove this fact, since in the future only simple verbs like Δ and ∇ are used.

Despite the simplest mathematical background, in this subsection we are faced with a fundamental principle of linguistics that underlies the work of the mind: the principle of linguistic duality.

The principle of linguistic duality states that verbs and categories constitute a single whole, representing only a manifestation of different aspects of this unity.

In other words, if you agree that no collection of examples of a category allows you to go beyond this category, then you also acknowledge that the verbal cross of direct and reflexive verbs is performed for verbs, and vice versa.

This principle of linguistics is akin to the principle of duality in physics, which states that matter is a wave and a particle at the same time. Just as in physics, it is not difficult to show mathematically, but it is difficult to comprehend, and you just have to accept.

The principle of linguistic duality has many implications. For example, it means that teaching children a language can be conducted, both by pointing to examples of categories, and by pointing to examples of actions. Parents, of course, use both. The bias in one direction or another due to the principle of duality does not matter.

It also follows from the principle of duality: if categories are formed according to strict laws, then verbs in the language are completely involuntary. If some actions are present in the world around us, they are recognized by any consciousness in the same way as categories. And this also creates the basis for translation capability. On another planet, another consciousness will also select and form the verbs “eat”, “talk”, etc., if, of course, such actions are there.

Remark 6. As an example of the interaction of categories and verbs, let us consider the nature of the occurrence of processes. Let, as a result of observing some interactions of objects, we have experimentally fixed a certain relation. There are no objects yet, and this relation consists of tuples of observable parameters. As a result of processing this relation, we have established that the multivalued dependence $X \twoheadrightarrow Y$ is fulfilled in it. This means that from all the observed data it is possible to isolate only the parameters included in XY and consider them independently of other measurements in the form of a binary relation $S(X, Y)$. So, we have separated a part of the experimental data into a binary relation.

This binary relation can be used to construct space and co-space, connected by a direct and reflexive verb. At this stage, the formed verb is what holds (connects) the formed categories. The arity (valence) of a verb is determined by the number of categories that it holds together. Formed spaces are made up of categories, which in turn are made up of types. Types in this case are tuples of X or Y parameter values that behave exactly the same. In other words, types are generalized objects that make up categories. Types form disjoint sets on the universes. The types themselves are made up of many tuples that represent these generic objects. So, behavior forms concepts and generalized objects that are, as it were, indistinguishable from the point of view of this behavior (for this verb). Of course, if in addition to this we single out other binary relations, for example, the relation $R(X, Z)$, then according to this relation another space and other types are formed on X (another partition). The intersection of two equivalences of types will split the universe into smaller classes (private objects), so that in the end, the types with relation to $S(X, Y)$ will turn out to be composed of a certain number of private objects, and we will say that species consist of objects. For example, in relation to *READING*, people are grouped into certain categories (for example, *fantasy lovers*) and broken down into types. A type is a generalized reader. If we take into account other forms of human behavior, then this generalized view of the reader will be broken down into smaller subspecies until they are reduced to one person, after which we will begin to say that the types and categories of readers are composed of people.

So, behavior, through categorization, creates objects. Objects are still sets of tuples consisting of the values of the measured parameters. We can say that objects are boundaries within which objects are modified. These boundaries are determined by the identification algorithm by identifying tuples belonging to the same object. Now, if we observe some relation, then the change of tuples is interpreted by us as the “trajectories” of objects participating in the relation, within the boundaries of their types. These “trajectories” turn out to be similar whenever we observe a given relation, so that we have the opportunity to speak of the process as a trajectory of some type. Let's say the verb *CIRCLE* means cyclically changing values in tuples of objects. This would be impossible if the objects were not selected and the boundaries of identity (the glades where the actions of the objects unfold) were not defined. For example, for coordinate parameters, their observation ultimately leads to the concept of a trajectory of motion. A trajectory cannot exist without an object that moves along this trajectory. Even when we talk about a trajectory abstractly in a mathematical sense, even then we need an object – a point.

So, first behavior forms objects, and then objects form processes. In other words, first we view behavior as something that holds (connects) objects, and then we have the opportunity to look at the behavior from the point of view of what the objects “do” in the course of this behavior.

These metamorphoses are ensured by the principle of duality through the unity and interdependence of categories and verbs.

In the language, the described transformations are reflected in the change in the meaning (semantics) of the verbs. For example, in the sentence “boy reads a book”, the verb READ acts as the name of the relationship that holds objects the BOY and BOOK together. On the other hand, in the sentence “it is very important to learn to read”, the verb READ already acts as a designation of a process that is characterized by certain “trajectories” of the actions of objects, by which we recognize the verb of reading when we observe people and books. If in the first case the valency of the verb READ is equal to two, then in the second it is zero. That is why, within the framework of the series, we did not use the concept of valence, but only arity.

The trajectories have their own characteristics and similar trajectories differ in the change of some of their characteristics. For example, children can CIRCLE at different speeds and this difference is expressed in the frequency of cyclical changes in tuples. We use adverbs to indicate the characteristics of trajectories. For example, we say: “The girl is circling slowly”, meaning the reduced frequency of cyclical changes in tuples. Compared to what is the girl's speed reduced? Relative to the reference frequency. But what is the source of this standard? Within the framework of this series, we have assumed that trajectory generators correspond to verb-processes in our minds. It is they that allow us to interpret the verbs of the language, to recognize the actions in the surrounding reality and to generate the actions of images in our consciousness.

So, adverbs (for the most part) are parameters of trajectories. They turn out to be possible only insofar as these trajectories are highlighted. In other words, the principle of linguistic duality generates processes, and through them – adverbs, so that we owe the appearance of adverbs in languages to the principle of linguistic duality.

These are, of course, not all the “effects” of the duality principle. For example, the emergence of the verbal metaphor is usually based on the similarity of trajectories, which is impossible without ideas about processes. For example, the verb “ХОДИТЬ” as a process looks like a certain trajectory of movement of the legs. The pendulum clock “ХОДИКИ” also “ХОДЯТ”, as the oscillations of the pendulum resemble the trajectory of the legs. This is where the metaphor “ВРЕМЯ ИДЕТ” appears, which originally meant the process of working in hours. The same can be said for the “ВРЕМЯ ТЕЧЕТ” metaphor, which seems to derive from the work of a water clock.

Conclusion. We examined the axiom for the verbs of the language (the axiom of the verbal cross) and found out that it is tightly connected with the axiom of categorization (the axiom of correctness). Although this connection is not identical, it becomes such with the additional use of the axiom of extensiveness. This relationship made it possible to formulate the fundamental principle of linguistics – the principle of duality. The manifestations of the principle of duality in the language are diverse, but in this article, we have limited ourselves to discussing the appearance of verbs-processes and adverbs in the language.

REFERENCES

1. Polyakov, O.M. (2019), “Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization”, *DISCOURSE*, vol. 5, no. 4, pp. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114.
2. Birkhoff, G. (1984), *Lattice theory*, Transl. by Salii, V.N., Nauka, Moscow, USSR.

3. Schmidt, Ju. (1953), "Beiträge zur Filtertheorie. II", *Mathematische Nachrichten*, Bd. 10, Nr. 53, S. 197–232.

4. Polyakov, O.M. (2022), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal Logic 1", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 133–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-133-141.

5. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 2. Identification", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 5, pp. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113.

Information about the author.

Oleg M. Polyakov – Can. Sci. (Engineering, 1982), Associate Professor at the Department of Information Technology of Entrepreneurship, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 Bol'shaya Morskaya str., St Petersburg 190000, Russia. The author of over 35 scientific publications. Areas of expertise: linguistics, artificial intelligence, mathematics, database design theory, philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 19.10.2022; adopted after review 23.11.2022; published online 24.04.2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 1. Категоризация // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114.

2. Биркгоф Г. Теория решеток / пер. с англ. В. Н. Салий. М.: Наука, 1984.

3. Schmidt Ju. Beiträge zur Filtertheorie. II // *Mathematische Nachrichten*. 1953. Bd. 10, Nr. 53, S. 197–232.

4. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 7. Внутренняя логика 1 // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 133–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-133-141.

5. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 2. Идентификация // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 5. С. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113.

Информация об авторе.

Поляков Олег Маратович – кандидат технических наук (1982), доцент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор более 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, искусственный интеллект, математика, теория проектирования баз данных, философия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.10.2022; принята после рецензирования 23.11.2022; опубликована онлайн 24.04.2023.

Оригинальная статья

УДК 811.111-26

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-111-124>

Лингвокультурный анализ стилистических трансформаций при адаптации англоязычного сериала

Наталья Валентиновна Степанова^{1✉}, Екатерина Юрьевна Сеницкая²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

²ekaterina.sinitskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9265-3206>

Введение. Настоящая статья посвящена изучению специфики стилистических трансформаций при переводе безэквивалентных и культурно-маркированных лексических единиц языка в кинотексте. Актуальность исследования определяется тем, что в условиях стремительно развивающегося рынка кинопродукции стоит острая проблема качественной адаптации иностранного кино для иной лингвокультурной аудитории. Наблюдается необходимость в комплексном изучении механизмов адаптации различных культурных явлений, которые в той или иной форме встречаются переводчику в процессе работы над текстом.

Методология и источники. Исследование осуществлялось в рамках лингвостилистического подхода к анализу текста. В рамках исследования применялись следующие методы: сопоставительный, направленной выборки, классификации, интерпретации текста, компонентного анализа лексических единиц, а также контекстный, семантико-когнитивный и лингвокультурный анализ. Исследование опирается на классификации трансформаций Л. К. Латышева и Л. В. Солонович, а также на классификацию реалий В. С. Виноградова. В качестве материала был выбран британско-американский сериал “Good Omens”. Непосредственный анализ проводился на базе перевода официально изданного сценария, выполненного Ю. Полещук.

Результаты и обсуждение. Лингвокультурная адаптация иноязычного произведения включает в себя переводческие и стилистические преобразования. Наиболее часто стилистическим трансформациям при адаптации сериала подвергаются фразеологические обороты, метафоры и иные экспрессивные лексемы. Это связано с различиями в системе образов и в способах передачи эмоционально-экспрессивной окраски в русском и английском языках. Тем не менее злоупотреблять адаптацией культурно-маркированной лексики не рекомендуется, иначе потеряется заложенный в оригинал смысл и национальный колорит. В контексте перевода сериала это может ощущаться особо остро из-за взаимосвязи изображения и текста.

Заключение. Произведения кинематографа, отличающиеся своим сочетанием аудио- и визуальных образов, способны объединять культуры, быть инструментом в изучении других культур и языков. Прагматическая установка на иноязычного реципиента требует ответственного подхода к переводу кинотекста. Ключевую роль в этом процессе играют стилистические переводческие трансформации, которым подвергаются культурно-маркированная лексика, аллюзии и иные стилистические приемы.

© Степанова Н. В., Сеницкая Е. Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: кинодискурс, лингвокультурная адаптация, переводческие трансформации, стилистические трансформации, аллюзии, реалии, экзотизмы, концепт

Для цитирования: Степанова Н. В., Синицкая Е. Ю. Лингвокультурный анализ стилистических трансформаций при адаптации англоязычного сериала // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 111–124. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-111-124.

Original paper

Linguistic and Cultural Analysis of Translation Techniques in the Process of Adaptation of an English Series

Nataliia V. Stepanova^{1✉}, *Yekaterina Yu. Sinitskaya*²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

²*ekaterina.sinitskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9265-3206>*

Introduction. This article is devoted to the study of the specifics of stylistic techniques within translation of non-equivalent and culturally marked lexemes. The relevance of the research is determined by the fact that a rapidly developing films production market requires a high-quality adaptation of foreign films for other cultures. There is a need for a comprehensive study on adaptation mechanisms of various ethno-cultural phenomena displayed during translation from one language to another.

Methodology and sources. This research was conducted in the context of a linguostylistic approach to the text analysis. Following methods were applied: comparative, directional sampling, classification, text interpretation, component analysis of lexical units, as well as the methods of contextual, semantic-cognitive and linguocultural analysis. The research is based on the transformations classifications by L.K. Latyshev and L.V. Solonovich, as well as the classification of culture-specific concepts by V.S. Vinogradov. The British-American series “Good Omens” was chosen as the research material. The analysis was conducted on the basis of the officially published script translated by Y. Poleshchuk.

Results and discussion. Linguocultural adaptation of a foreign language work includes complex translation and stylistic transformations. In most cases, stylistic transformations within the series adaptation are related to idioms, metaphors and other expressive lexemes, due to discrepancies in the system of images between languages and due to the ways of conveying emotional tones in Russian and English. Nevertheless, it is not recommended to abuse the adaptation of culture-specific concepts, otherwise the meaning and national peculiarities transmitted through the original text will be lost. In the context of translating a series, this issue can be particularly acute due to inseparable connection between image and text.

Conclusion. Cinematographic works, distinguished by their inseparable combination of audio and visual images, are able to unite cultures, to be a tool in the study of other cultures and languages. A pragmatic attitude towards a foreign language recipient requires a responsible approach to adapting the film text translation. The key role in this process is played by stylistic translation transformations, which are related to culturally marked lexemes, allusions, and other stylistic devices.

Keywords: film discourse, linguocultural adaptation, translation transformations, stylistic transformations, allusions, realities, exoticisms, concepts

For citation: Stepanova, N.V. and Sinitskaya, Ye.Yu. (2023), “Linguistic and Cultural Analysis of Translation Techniques in the Process of Adaptation of an English Series”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 111–124. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-111-124 (Russia).

Введение. В современном обществе в условиях глобализации все большую популярность набирает такой вид искусства, как кинематограф. В России особенно популярным является зарубежный кинематограф, и, следовательно, он требует качественного перевода и адаптации. Перед переводчиками стоит задача подобрать наиболее эффективные способы сохранения национального своеобразия оригинального произведения в переводе, адаптируя при этом подлинник для русскоязычной аудитории. В данных условиях применим лингвокультурный подход к анализу текста, суть которого заключается в выявлении концептов и языковых единиц, отражающих информацию о культуре заимствования [1, с. 135]. К таким единицам можно отнести безэквивалентную лексику, в частности, слова-реалии, экзотизмы, окказиональные заимствования и интертекстуальные отсылки. Лингвокультуру в данном контексте можно рассматривать как совокупность текстовых произведений, которые созданы на национальном языке и моделируют самосознание народа.

По причине того, что когнитивные пространства различаются от языка к языку, необходимо учитывать экстралингвистический контекст, в котором было создано то или иное произведение, а также авторский стиль и стилистический узор. В связи с этим для достижения наибольшей адекватности перевода необходимо применение не только традиционных переводческих, но и стилистических преобразований. Настоящее исследование базируется на классификации переводческих трансформаций Л. К. Латышева, который выделил лексические, морфологические, синтаксические, смешанные и стилистические трансформации [2, с. 281]. Также примечательной является классификация преобразований Л. В. Солонович [3, с. 7; 4, с. 52]. На основе анализа данных классификаций были выделены наиболее распространенные стилистические преобразования: метафоризация и деметафоризация, реметафоризация, экспликация и импликация, антонимический перевод, трансформации фразеологизмов и иные виды замен (например, адаптация слов-реалий и др.). Стилистические трансформации, направленные на адаптацию оригинала для иноязычной аудитории, представляют наибольший исследовательский интерес, поскольку практически не имеют конкретных форм реализации в тексте, но именно с их помощью переводчик может наиболее корректно трансформировать исходный текст для наилучшего его восприятия иноязычным адресатом без существенных потерь экстралингвистического, эмоционально-экспрессивного, стилистического и семантического компонентов.

В контексте анализа слов-реалий исследование опирается на классификацию В. С. Виноградова, который выделил следующие реалии: бытовые, этнографические и мифологические, государственно-административного устройства и общественной жизни, ономастические, ассоциативные и реалии природного мира [5, с. 104–112].

Ярко выраженный культурный компонент содержится не только в реалиях, но и в интертекстуальных отсылках. Интертекстуальность как явление представляет собой связи, которые возникают между различными текстами в общем текстовом пространстве [6, с. 20–21]. Принято выделять следующие виды интертекстуальных элементов: цитата, цитация, аллюзия, реминисценция, имитация, упоминания, аппликация, парафраза, речевой стереотип, крылатое слово и т. д. [7, с. 191]. В настоящем исследовании особое внимание уделяется аллюзиям, поэтому необходимо уточнить, что в самом общем смысле аллюзия – это ссылка на определенную ситуацию или факт, которые закреплены в исходном тексте в целом или какой-либо его части [7, с. 192].

Методология и источники. Материалом для исследования послужил британско-американский сериал “Good Omens”, выпущенный в 2019 г. и снятый по одноименному роману Нила Геймана и Терри Пратчетта. Для анализа стилистических особенностей перевода сериала был выбран официально изданный сценарий, выполненный Ю. Полещук [8, 9]. Поскольку существует большое количество любительских версий перевода сериала, предпочтение было отдано официальному изданию. В рассмотренном произведении можно выявить несколько основных сложностей. Например, стиль Нила Геймана необычен и полон игры слов, каламбуров, интертекстуализмов, корректная передача которых усложняет работу переводчика. Многие отсылки и британские реалии перешли из книги в сериал, поскольку Гейман был одним из его сценаристов. Также по причине того, что содержание произведения завязано на взаимоотношениях библейских существ – ангелов и демонов, оно богато библеизмами и иными религиозными отсылками. Еще одна проблема перевода связана с тем, что сериал – это не просто печатный сценарий, в нем присутствует симбиоз вербального и невербального компонентов – текста и визуального сопровождения, поэтому многие отсылки на британскую культуру невозможно адаптировать и заменить реалиями другой культуры, поскольку в этом случае смысл текста может сильно исказиться, а связь изображения с текстом будет утеряна. Тратить ограниченное экранное время на объяснение отсылок также невозможно. Характерной чертой перевода сериала является специфика сценария, который почти всегда представлен диалогами персонажей, т. е. разговорной речью. Сценарию не присущ поэтический или научно-популярный стиль, и при переводе следует не только придерживаться живого, разговорного стиля, но и учитывать особенности речи каждого из персонажей. Так, например, в произведении ангелы могут использовать в речи возвышенные речевые обороты, а демоны – лексику сниженного регистра.

Настоящее исследование проводилось в рамках лингвостилистического подхода к анализу текста, при помощи которого возможно выявление взаимосвязей различных языковых единиц с точки зрения стилистического единства текста. В процессе исследования применялись такие методы, как сопоставительный анализ, метод направленной выборки, метод классификации. Данные методы позволяют определить закономерности в реализации стилистических трансформаций в тексте сценария, а также выявить примеры их имплементации в оригинальном тексте и провести сравнение с текстом перевода. При помощи метода интерпретации текста, компонентного анализа лексических единиц, контекстного, семантико-когнитивного и лингвокультурного анализа можно обнаружить те мотивы, которыми руководствовался переводчик в процессе работы над исследуемым сценарием сериала.

Результаты и обсуждение. В ходе сопоставительного анализа более 300 страниц текста сценария и его перевода в результате сплошной выборки было выделено 105 единиц, относящихся к стилистическим преобразованиям безэквивалентных единиц языка.

Стилистические трансформации отличаются тем, что не имеют четких форм реализации в тексте, а это влечет за собой соответствующие трудности при классификации. Так, в рамках лингвокультурного анализа стилистических преобразований на основе проведенного анализа текста представляется возможным выдвинуть собственную классификацию стилистических трансформаций, характерных для перевода и адаптации сериала “Good Omens” (табл. 1).

Таблица 1. Классификация стилистических трансформаций в переводе сценария сериала “Good Omens”
Table 1. Classification of stylistic transformations in the translation of the “Good Omens” series script

Стилистическая трансформация	Частотность применения
Передача слов-реалий	32
Передача аллюзий	29
Передача экзотизмов	9
Передача фразеологических оборотов	10
Достижение или изменение экспрессивного эффекта	17
Адаптация произведения для русскоязычной аудитории	10

Анализ преобразований, направленных на передачу слов-реалий. В ходе исследования было выявлено 32 реалии, характеризующие английскую культуру. Их, в свою очередь, можно разделить на следующие виды (табл. 2):

Таблица 2. Классификация реалий в переводе сценария сериала “Good Omens”
Table 2. Classification of culture-specific concepts in the translation of the “Good Omens” series script

Вид реалий	Частотность применения
Бытовые	12
Этнографические и мифологические	1
Природного мира	3
Государственно-административного устройства и общественной жизни	1
Ономастические	15

Перевод подобной безэквивалентной лексики в некоторых случаях может вызывать трудности. Характерной чертой адаптации слов-реалий в сериале является необходимость брать в расчет визуальное сопровождение произведения, поэтому во многих случаях наиболее подходящий выбор – называть понятия английской лингвокультуры своими именами. Более того, данная переводческая стратегия подчеркнет национальный колорит произведения. Таким образом, 36 % исследованных реалий было адаптировано. Было выявлено также 5 случаев экспликации, 2 – импликации и по одному случаю метафоризации и деметафоризации. В 39 % примеров не было обнаружено значимых изменений.

Примером адаптации реалии может послужить диалог сестры-служительницы в роддоме и господина Янга, содержащий также и игру слов: *SISTER MARY LOQUACIOUS: Now these are what we call **biscuits**, but you’ll be looking at them and going (fingerquotes) ‘**cookies**’! MR YOUNG: I call them **biscuits*** [9]. – *СЕСТРА МЭРИ ТАРАТОРА: Мы называем это «**бисквиты**», а вы, наверное, посмотрите на них и скажете – (пальцами показывает в воздухе кавычки) – «**печенье**»! МИСТЕР ЯНГ: Я тоже говорю «**бисквиты**»* [8, с. 52].

В данном случае обыгрывается разница британского и американского вариантов английского, а именно наличие разных лексем для наименования печенья. Поскольку необходимо передать эту разницу и в переводе, было принято решение перевести *biscuits* на русский язык как *бисквиты*, чтобы показать существующее различие, несмотря на иное значение данной лексемы в русском языке. Также данный пример относится к бытовой реалии, так как здесь представлено описание пищи, типичной для британской культуры.

Приведем другой пример адаптации реалии, на этот раз ономастической: *I think I’ll call him **Dog**. Saves a lot of trouble, a name like that* [9]. – *Пожалуй, я назову его **Барбос**. Нечего*

заморачиваться: имя должно быть простым [8, с. 91]. В данном случае важно было передать идею о том, что герой не был заинтересован в выдумывании клички для своей собаки, поэтому в русском переводе был выбран один из наиболее распространенных кинонимов. Также можно заметить разговорный стиль речи персонажа: особое построение предложения на английском было передано лексически в русском языке с помощью «нечего заморачиваться».

Такое стилистическое преобразование, как импликация, представлено в следующем случае, также относящемся к ономастическим реалиям: *I told them I wanted a razorblade saddle and twelve gears and everything...* [9]. – *Я попросил у них велик с гоночным седлом, двенадцать скоростями и прочим...* [8, с. 90]. *Razorblade* – это название модели гоночных велосипедов, поэтому английскому реципиенту понятно, о каком бренде идет речь. Тем не менее в русскоязычной среде данный бренд практически неизвестен, поэтому переводчик применил соответствующее преобразование. Разговорный стиль речи в английском варианте передается с помощью приема метонимии *saddle* для обозначения велосипеда в целом, а в русском этот экспрессивный оттенок был передан через словосочетание *велик с седлом*. В данном примере также присутствует прием генерализации: *razorblade* – *гоночное*.

Среди реалий был выявлен лишь один пример метафоризации, включающей в себя и адаптацию реалии в целом: *Red sky in the morning, shepherd's warning. Or is it sailor's warning?* [9] – *Утром небо огнем горит – пастуху бедой грозит. Или моряку?* [8, с. 81]. Данное высказывание – строки из старинной песни английских моряков. С течением времени данное выражение трансформировалось, появлялись вариации с пастухами, изменялись другие части песни. В переводе появилась метафора – небо горит, словно огонь. Такой выбор переводчика может быть связан с желанием передать рифму и добавить строкам песни дополнительную экспрессию.

Анализ преобразований, направленных на передачу аллюзий. Сюжет “Good Omens” основан на христианских мотивах и насквозь пронизан аллюзиями на различные религиозные сюжеты. По той причине, что главные герои – это библейские существа, ангелы и демоны, данный вид аллюзий невозможно упускать из виду. В то же время в сериале можно обнаружить большое количество аллюзий на деятелей культуры и произведения искусства, а также на исторические события наряду с явлениями современной поп-культуры. В ходе исследования была произведена соответствующая классификация выявленных аллюзий (табл. 3).

Таблица 3. Классификация аллюзий в переводе сценария сериала “Good Omens”
Table 3. Classification of allusions in the translation of the “Good Omens” series script

Вид аллюзий	Частотность применения
Библейские	13
Культурные	9
Исторические	7

Характерной особенностью данного сериала является отсутствие аллюзий на мифологические сюжеты. Можно предположить, что данный факт связан с превалированием акцента на религию в сериале, поэтому языческие и мифологические отсылки будут там неуместны. В качестве единственного возможного примера отсылки к греческой мифологии

можно привести собаку одного из главных героев, которую называют *цербером*, а не *hellhound* – адской гончей.

Приемы реметафоризации и импликации представлены в следующем примере: *The right boy was playing in the woods with his friends. After all, it was his birthday. Hogback Wood was their Eden where they could play unbothered by adults* [9]. – *А тот мальчик играл в лесу с друзьями. Ведь сегодня у него день рождения. В Хогбакском лесу они могли играть, как в раю, вдали от взрослых* [8, с. 88]. Лес, в котором любили играть дети, сравнивается с райским местом – Эдемом. Несмотря на то, что в оригинале звучит название райского сада, в переводе сравнение леса с раем в целом становится менее конкретизированным.

Также среди выявленных библейских аллюзий присутствует игра слов, например: *No rest for the well, good* [9]. – *Нет мира... эээ... благочестивым* [8, с. 168]. В данном случае ангел Азирафель перефразирует цитату из Ветхого Завета: *No rest for the wicked*. – *Нет мира нечестивым*.

К стихотворению «Кракен» А. Теннисона зрителя отсылает следующий пример культурной аллюзии: *Beneath the thunders of the upper deep, as Aziraphale and Tennyson both knew, Far, far beneath in the abyssal sea, The kraken sleepeth. And now it's waking up* [9]. – *Внизу, под громом верхней глубины, как знали Азирафель и Альфред Теннисон, там, далеко, под простынями моря спит Кракен. И теперь он проснулся* [8, с. 239]. Все высказывание, за исключением комментария рассказчика про ангела и автора-писателя, – это строки из стихотворения. Примечательно, что при переводе был выбран вариант перевода К. Бальмонта. Но даже то, что рассказчик упоминает именно Азирафеля и Теннисона, можно интерпретировать как своего рода отсылку, поскольку в стихотворении есть следующие строки: *Then once by man and angels to be seen, In roaring he shall rise and on the surface die*. – *Чтоб человек и ангелы однажды Увидели его, он с громким воплем Всплывет, и на поверхности умрет* [10]. Также в данном случае представлен классический пример адаптации текста: чтобы русскоязычному адресату стало понятнее, о ком идет речь, при переводе имени собственного было добавлено полное имя автора. Этот пример в целом отражает проблему различия фоновых знаний у представителей разных культур: если в тексте сценария переводчик может сделать пояснительные сноски, то при просмотре сериала зрителю остается полагаться лишь на свой собственный кругозор, чтобы распознать ту или иную отсылку.

Наряду с отсылками на классические произведения встречаются и аллюзии на современную популярную культуру: *I'd say that too, actually, if I was an alien in a flying saucer. Or 'Exterminate'* [9]. – *Я бы тоже так сказал, будь я пришельцем с летающей тарелки. Или «я тебя уничтожу»* [8, с. 217]. “*Exterminate*” – это прямая отсылка к сериалу «Доктор Кто», в котором далеки – инопланетные существа, постоянно произносили слово «уничтожить!». Тем не менее по какой-то причине переводчик не опирался на официальный перевод фраз далеков в сериале «Доктор Кто», также в сценарии нет соответствующей сноски с комментарием. Соответственно, чтобы повысить шанс распознавания адресатом той или иной отсылки, наиболее выигрышным вариантом является использование официального перевода того произведения, на которое производится аллюзия.

How many angels can dance on the head of a pin? To answer it, we need information. Firstly, angels don't dance. It's one of the distinguishing characteristics that marks an angel.

So, none [9]. – *Сколько ангелов могут танцевать на острие иглы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно кое-что прояснить. Во-первых, ангелы не танцуют. Это одна из отличительных черт ангелов. Так что нисколько* [8, с. 261]. В данном случае представлена историческая аллюзия на вопрос «Сколько ангелов может танцевать на булавоочной головке?», авторство которого приписывается протестантскому теологу XVII в. Уильяму Чиллингворту. Данный вопрос – пример бессмысленного спора, сосредоточенного на малозначимых деталях. Также нельзя не обратить внимание на адаптацию перевода исторических событий: (1) *No more Regency silver snuffboxes* [9]. – *И серебряных табакерок эпохи Регентства* [8, с. 60] (2) *Oh, yes. The Reign of Terror. Was that one of yours or one of ours?* [9] – *О да. Якобинский террор. Так это устроили ваши или наши?* [8, с. 60] Первый пример – историческая аллюзия на эпоху Регентства в Британии, второй – на события XVIII в. во Франции. В русской исторической традиции реципиенту более знакомо название «Якобинский террор», связанное с движением революционеров-якобинцев, нежели просто «Террор» или «Период террора». Что касается Регентства, то при переводе необходимо было уточнить, что это не просто явление в истории многих монархий, а именно эпоха в истории Великобритании. По этой причине в данном случае переводчик использовал прием конкретизации.

Анализ преобразований, направленных на передачу экзотизмов. Отдельный вид безэквивалентной лексики, перевод которой требует особого внимания, – это экзотизмы. В ходе исследования было выявлено 9 экзотизмов, относящихся к различным лингвокультурам: японской, корейской, скандинавской, французской.

Так, в японском ресторане официант говорит Азирафелю: *Aziraphale-san no sukina makizushi o tokubetsu ni torisoroete oki mashita...* [8, с. 38]. Как в сериале, так и в тексте сценария есть отдельная сноска с переводом данной фразы: *Ваши любимые роллы, distinguished Азирафель-сан.* Примечательно, что даже в русском переводе сохраняется экзотическая японская частица «сан», указывающая на уважительное отношение персонала к герою.

Также встречаются древнеримские и древнегреческие экзотизмы-историзмы, с помощью которых можно передать колорит эпохи и местности, в которой происходит действие. Например: *Two sesterces an amphora for everything except the Greek retsina* [9]. – *Два сестерция за амфору любого напитка, кроме греческой рецины* [8, с. 163]. В данном случае не требуется пояснять значения экзотизмов, так как в рамках контекста можно догадаться об их значении (персонаж Кроули находился в древнегреческом «баре» и заказывал выпить). Данный пример примечателен еще и тем, что показывает, насколько важно сохранение связи визуального и текстового компонентов сериала, поскольку они способны дополнять друг друга и тем самым способствовать адекватной интерпретации зрителем происходящего на экране.

В рамках анализа экзотизмов не было выявлено существенных стилистических преобразований, а сами экзотизмы переводились посредством транскрибирования (*sushi – суши, gravlax – гравлак, gavotte – гавот* и т. д.), за исключением одного примера, который был адаптирован для русскоязычной аудитории: *Can't recall. We had crêpes* [9]. – *Не помню. Мы ели блинчики* [8, с. 61]. *Crêpes* – французское слово для обозначения блинчиков, а поскольку герои находились во Франции, его употребление было уместным с точки зрения погружения зрителя в реалии этой страны. Можно предположить, что англоговорящий зритель в целом знаком с данной лексемой, потому что в английском языке есть слова *crepe – блин, crepes*

rap – *сковорода-блинница*. Был сделан выбор в пользу адаптации экзотизма, поскольку из-за отсутствия похожего слова в русском языке у русского реципиента не возникнет нужный ассоциативный ряд.

Анализ преобразований, направленных на передачу фразеологических оборотов. Как в художественных текстах, так и в сценариях, отличающихся разговорным стилем, присутствуют фразеологизмы, делающие речь героев более разнообразной и живой. В рамках анализа 10 выявленных фразеологических оборотов в половине примеров был обнаружен стилистический прием рефразеологизации, а в другой половине – дефразеологизации.

Рефразеологизация, т. е. передача оригинального фразеологизма другим, аналогичным по смыслу, представлена в следующем примере: *Suspicion will slide off him like, like... whatever it is water slides off of* [9]. – *Никто его даже не заподозрит. Ему все как с гуся вода... или что там стекает с гуся* [8, с. 148]. В данной ситуации герой не мог вспомнить, как точно звучит данное устойчивое выражение, и в оригинале проговаривает его не до конца, забыв про птицу, с которой стекает вода. В русском переводе фразеологизм передан полностью, но герой выражает неуверенность в том, правильно ли эта фраза звучит. Более того, появляется комический эффект, так как персонаж не мог вспомнить данный фразеологизм.

Рассмотрим другой пример рефразеологизации: *Two shakes of a lamb's tail* [9]. – *Ягненок хвостом не успеет тряхнуть* [8, с. 268]. Английский фразеологизм, означающий «сделать что-либо очень быстро», был частично сохранен в русском переводе несмотря на то, что в нем есть смысловые аналоги данного выражения: «моргнуть не успеет», «одна нога здесь, другая там» и т. п. Возможно, переводчик решил сохранить это выражение, чтобы придать речи персонажа необходимую экспрессивную окраску: он наивный ангел, и сравнения с ягнятами подходят его речи и образу больше. Кроме того, таким образом в переводе не исчезнет национальный колорит.

Примером дефразеологизации может послужить перевод следующего диалога: *AZIRAPHALE: I think this is a bit of a red herring. The point is, the Four Horsemen ride out. The seas will turn to blood... CROWLEY: The seas are where your sushi comes from. And your herrings* [9]. – *АЗИРАФЕЛЬ: Сдается мне, это отвлекающий маневр. В общем, прискачут Четыре Всадника. Моря превратятся в кровь... КРОУЛИ: Между прочим, без моря не будет твоих любимых суши. И селедки* [8, с. 60]. *Red herring* – «красная сельдь» – это безэквивалентный фразеологизм, и в русском языке не получится подобрать к нему аналогичную фразеологическую единицу. По этой причине в переводе диалога героев теряется игра слов, и неожиданное появление «селедки» ни с чем не связано и может озадачить русскоязычную аудиторию.

It's raining fish... No, that's not an expression like 'raining cats and dogs'... [9]. – *С неба падает рыба... нет, это не метафора!* [8, с. 306] В данном предложении также присутствует дефразеологизация. В оригинале фраза *it's raining fish* противопоставляется фразеологизму *to rain cats and dogs*, чтобы донести, что на улице буквально идет дождь из рыбы. В русском переводе саму идиому опустили и добавили уточнение, что дождь из рыбы – это не метафора. Этот пример можно также отнести и к проявлению импликации.

Анализ преобразований, направленных на достижение или изменение экспрессивного эффекта. Для достижения адекватности звучания речи персонажей в переводе произведения необходимо тщательно подбирать лексемы и грамматические конструкции,

которые наиболее точно передали бы экспрессивный эффект, задуманный автором. При переводе данного произведения были применены такие переводческие и стилистические преобразования, как использование эмфатических средств, добавление разговорных лексем, введение концептов, метафоризация, антонимический перевод, экспликация.

Так, переводчик может использовать эмфатические средства и конструкции, чтобы добавить речи героя эмоциональности и показать его замешательство: *Not very subtle of the Almighty, though. Fruit tree in the middle of a garden, with a 'don't touch' sign. I mean, why not put it on top of a high mountain or on the moon? Makes you wonder what God's really planning* [9]. – *Как по мне, Всемогущий тут сам не додумал. Это ж надо – посадить прямо посреди сада дерево с табличкой «не трогать». Почему не на вершине высокой горы или вообще на Луне? Поневоле задашься вопросом, что он замышляет* [8, с. 23]. В оригинале эмоциональность передается посредством эллипсиса, который заменен в переводе на экспрессивное «это ж надо» с последующим изменением конструкции предложения. Также в переводе наблюдается добавление лексемы «вообще», указывающей на абсурдность самой идеи посадить дерево не в отдаленном месте, а посреди оживленного сада. Значение глагола *to make* в *makes you wonder...* в русском передано с помощью добавления лексемы «поневоле». Также в самом начале высказывания присутствует «как по мне», указывающее на нацеленность героя выразить свое мнение, а в оригинальном отрывке это отсутствует.

Приведем еще один пример эмфазы: *It was flaming like anything* [9]. – *Пламенел так, что любо-дорого* [8, с. 23]. Использование переводчиком данных экспрессивно-усилительных выражений делает речь героя более живой, наполненной эмоциями. Реципиент сразу понимает, что персонажа действительно восхитило, как горел меч, о котором шла речь.

Другой способ усилить экспрессию в рамках перевода разговорной речи на русский язык – это добавление концептов, присущих русской лингвокультуре: *It's been bothering me* [9]. – *А то меня совесть замучила* [8, с. 24]. В переводе вводится концепт «совести», поскольку он более знаком и понятен русскоязычной аудитории, чем простое выражение эмоции «меня это тревожит». Также можно считать данную фразу примером метафоризации, поскольку совесть мучает героя, словно человек.

Для достижения необходимого эмоционального эффекта применяется антонимический перевод: *CROWLEY: No blood on your hands? That's a bit holier than thou, isn't it? AZIRAPHALE: I am a great deal holier than thou. That's the whole point* [9]. – *КРОУЛИ: Чистеньким хочешь остаться? Тупа, я без греха, не то, что ты? АЗИРАФЕЛЬ: На мне, в отличие от тебя, грехов нет. В том-то все и дело* [8, с. 208].

При помощи приема антонимического перевода удалось сохранить необходимый уровень экспрессивности вопроса героя за счет добавления к прилагательному «чистый» уменьшительного суффикса с контекстуальным значением принижения. *Holier than thou* было переведено как «без греха», «грехов нет», чтобы соблюсти адекватную лексическую сочетаемость в русском языке. Также в английском варианте употребляется местоимение 2-го лица единственного числа *thou*, которое, хоть и устарело, до сих пор может использоваться в религиозном контексте. Поскольку это диалог ангела и демона, это местоимение можно считать уместным. В русском языке особенности семантики данной лексемы передать невозможно, поэтому она была переведена посредством нейтрального «ты». В пере-

воде также присутствует прием компенсации, выраженный в добавлении разговорного слова-паразита «типа», которое передает значение *isn't it?*

В английском языке употребление атрибутивных цепочек может создавать в речи экспрессивный эффект, но их адекватный перевод на русский язык также представляет сложность. Например: *What if I did the right thing, with the whole eat-the-apple business?* [9] – *Вдруг я сделал доброе дело, когда подбил их **попробовать яблоко?*** [8, с. 24] Через добавление придаточного предложения переводчику удалось успешно перевести данную цепочку. Также для достижения необходимого эффекта было добавлено разговорное слово «подбить».

Анализ преобразований, направленных на адаптацию произведения для русскоязычной аудитории. Адаптация того или иного произведения для другой лингвокультурной аудитории состоит в переводе не только безэквивалентной лексики и фразеологических оборотов, но и других культурных составляющих.

У сестер-служительниц, поклонявшихся Сатане, были говорящие имена, дающие понять зрителю, что сестры совсем не умеют держать язык за зубами: *Sisters Maria Verbose and Katherine Prolix* [9] – *сестры Мария Болтунья и Кэтрин Зануда* [8, с. 43], *sister Mary Loquacious* [9] – *сестра Мэри Таратора* [8, с. 47]. Тем не менее имя *Warlock*, означающее «маг», «колдун», «чернокнижник», в официальном издании сценария было переведено как *Уорлок* посредством транскрибирования. По этой причине теряется смысловая составляющая данного имени для русской аудитории. Нужно также отметить, что в одном из любительских переводов сериала данное имя перевели как Маг. Несмотря на то, что таким образом переводчик сохраняет заложенный автором смысл этого имени, русскоязычная аудитория может воспринять его неоднозначно.

Примечательным является и перевод эвфемизмов в данном произведении. В следующем примере использован прием реметафоризации: *...I was wondering where the other baby was going to come from, not the American baby, I mean that's obvious, that's just the birds and the bees, but the, you know...* [9] – *... но я не понимаю, откуда взялся другой ребенок, я не о ребенке американки, с этим-то все понятно, **тычинки-пестики**, а о том, другом...* [8, с. 43]. Для того чтобы объяснить детям, откуда они берутся, используется эвфемистическое выражение, представленное метафорой.

«Родительский язык», т. е. уподобление речи взрослых детской, также представлено в произведении и было переведено соответствующим образом: *Fancy me holding the Antichrist. And counting his little toesy-wosies... Do you look like your daddy? I bet you do. I bet you look like your daddywaddykins* [9]. – *Подумать только, я держу на руках Антихриста! И пересчитываю его **крохотные пальчики**... Ты похож на папочку? Наверняка похож. Наверняка ты похож на своего **папочку-лапочку**...* [8, с. 48]. Некоторые слова умышленно искажаются, в оригинале создаются рифмы с эрративами (*toesy-wosies, daddywaddy*). На русский язык они переведены с помощью добавления к лексемам уменьшительно-ласкательных суффиксов и рифмования с лексемой «лапочка», содержащей в себе семантику «милый», «маленький».

Еще один яркий пример адаптации – это адаптация слов-архаизмов для сохранения авторской игры слов: *AZIRAPHALE: Oh look. No gears. Just a perfectly normal velocipede. CROWLEY: Bicycle. Can we get on? Get in, angel* [9]. – *АЗИРАФЕЛЬ: Смотрите-ка: никаких передач. Самый обычный **бисиклет**. КРОУЛИ: **Велосипед**. Поехали. Садись, ангел* [8, с. 147].

Velocipede – устаревшее слово для обозначения велосипеда. В американском английском эта лексическая единица может обозначать трехколесный детский велосипед. Поскольку в русском и английском языках прижились несколько разные версии данного слова, наиболее эффективным переводческим решением было поменять их местами для придания нужной эмоциональной окраски и сохранения каламбура.

Заключение. Кинематограф – это вид искусства, который позволяет лингвокультурным сообществам не только выражать свою национальную идентичность, но и изучать чужие культуры благодаря объединению аудио- и визуального компонентов, через которые выражаются взгляды на мир того или иного народа. По этой причине необходимо с особой ответственностью подходить к переводу и адаптации кинопроизведений. В контексте выявленных узконаправленных стилистических трансформаций находят применение как традиционные переводческие, так и стилистические приемы. Такие трансформации наиболее часто применяются переводчиком для передачи образной информации, выраженной метафорами, фразеологическими оборотами, экзотизмами и аллюзиями, или для передачи необходимой экспрессивной окраски оригинального текста. При адаптации сценария могут возникать трудности, связанные с различиями во фразеологии английского и русского языков, а также в реалиях, концептах и фоновых знаниях англо- и русскоговорящих реципиентов. К подобным случаям можно отнести вынужденную потерю игры слов или семантического компонента высказывания. Такие переводческие решения связаны с тем, что адекватность русского перевода и лексико-грамматическая сочетаемость порой оказываются важнее, чем сохранение множества смысловых слоев подлинника. Но на стилистических преобразованиях адаптация сценария кинопроизведения не заканчивается. Перевод говорящих имен и названий, эвфемизмов, «родительского языка», вульгарной и бранной лексики также требуют адаптации. Таким образом, сохранение национального своеобразия оригинала в переводе – это творческий процесс, связанный с воссозданием всего идейно-художественного содержания произведения. Переводчик стремится создать равноценное литературное произведение и выразить в нем отраженные в подлиннике особенности культуры и психологии народа. Для более эффективной адаптации произведений необходим комплексный подход к изучению стилистических преобразований, их типологии и закономерностей их использования при переводе текстов. Таким образом можно достичь наиболее адекватного перевода текстов с наименьшими потерями семантических компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузина Ю. В. Элементы американской лингвокультуры с позиций анализа текста (на материале сказочной повести Л. Ф. Баума «Удивительный Волшебник страны Оз») // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 133–137.
2. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2005.
3. Солонович Л. В. Семантико-стилистические трансформации в художественном тексте: сопоставительно-типологический аспект (на материале немецких и русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белорусс. гос. ун-т. Минск, 2016.
4. Солонович Л. В. Семантико-стилистические трансформации при переводе художественного текста (на примере перевода повести И. Шамякина «Торговка и поэт» на немецкий язык) // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2015. № 1. С. 50–53.

5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001.
6. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. Баширова Н. З. Типология интертекстов в прессе // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 6. С. 191–203.
8. Гейман Н. Благие знамения. Сценарий сериала / пер. с англ. Ю. Полещук. М.: АСТ, 2020.
9. Gaiman N. The Quite Nice and Fairly Accurate Good Omens. Script Book. NY: Headline Publishing Group Ltd., 2019.
10. Tennyson A. The Kraken / пер. с англ. К. Д. Бальмонта // Английская поэзия. URL: <http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=1090> (дата обращения: 23.12.2022).

Информация об авторах.

Степанова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

Синицкая Екатерина Юрьевна – студентка (лингвистика, 4-й курс) гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: теория перевода, кинодискурс, стилистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 19.10.2022; принята после рецензирования 23.11.2022; опубликована онлайн 24.04.2023.*

REFERENCES

1. Kuzina, Yu.V. (2015), "Philological text analysis: linguo-cultural approach", *Pedagogical education in Russia*, no. 10, pp. 133–137.
2. Latyshev, L.K. (2005), *Tekhnologiya perevoda* [Technology of translation], Akademiya, Moscow, RUS.
3. Solonovich, L.V. (2016), "Semantic-stylistic transformations in a literary text: a comparative-typological aspect (on the material of German and Russian translations)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Belarusian State Univ., Minsk, BLR.
4. Solonovich, L.V. (2015), "Semantic and stylistic transformations in the translation of a literary text (on the example of the translation of I. Shamyakin's story "The Trader and the Poet" into German)", *Vesti BGPU. Ser. 1. Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*, no. 1, pp. 50–53.
5. Vinogradov, V.S. (2001), *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (general and lexical issues)], Izd-vo in-ta obshchego srednego obrazovaniya RAO, Moscow, RUS.
6. Kuz'mina, N.A. (2004), *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the evolution of poetic language], Editorial URSS, Moscow, RUS.
7. Bashirova, N.Z. (2011), "Typology of intertexts in the Press", *Proceedings of Kazan Univ. Humanities Series*, no. 6, pp. 191–203.
8. Gaiman, N. (2020), *The Quite Nice and Fairly Accurate Good Omens*, Transl. by Poleshchuk, Yu., АСТ, Moscow, RUS.

9. Gaiman, N. (2019), *The Quite Nice and Fairly Accurate Good Omens. Script Book*, Headline Publishing Group Ltd., NY, USA.

10. Tennyson, A., "The Kraken", *Angliiskaya poeziya* [English poetry], available at: <http://www.englishpoetry.ru/Poem.php?PoemId=1090> (accessed 23.12.2022).

Information about the authors.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

Yekaterina Y. Sinitskaya – Student (Linguistics, 4th year) at the Faculty of Humanities, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: translation theory, film discourse, stylistics, cognitive linguistics, intercultural (cross-cultural) communication.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 19.10.2022; adopted after review 23.11.2022; published online 24.04.2023.*

Оригинальная статья
УДК 811.111
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-125-136>

Презентация пространства в рассказах ужасов Э. А. По

Юлия Геннадьевна Тимралиева^{1✉}, Никита Сергеевич Татаринцев²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹[✉juliati@yandex.ru](mailto:juliati@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>

²darion317@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4102-3500>

Введение. Статья посвящена рассмотрению категории пространства в прозе Э. А. По. На примере рассказов ужасов определяется роль художественного пространства в языковой картине мира автора и выявляются его ключевые структурно-семантические характеристики. Актуальность проводимого исследования связана с возрастающим интересом к способам и средствам концептуализации действительности в художественном тексте, к проблемам художественного жанра и специфике авторского идиостиля.

Методология и источники. Основными методами исследования выступают семантический анализ, заключающийся в определении ключевых бинарных пространственных оппозиций, и функционально-стилистический анализ, ориентированный на выявление способов и средств репрезентации художественного пространства в творчестве Э. А. По. Эмпирической базой исследования послужили рассказы, написанные в жанре литературы ужасов: «The Masque of the Red Death», «The Pit and the Pendulum», «William Wilson», «The Fall of the House of Usher», «Berenice», «The Cask of Amontillado», «The Oval Portrait».

Результаты и обсуждение. В ходе анализа установлено, что в рассказах Э. А. По представление пространства основано на неразрывной взаимосвязи его объективного описания автором с его субъективным восприятием героем/рассказчиком и характеризуется обилием эмоционально-оценочной и перцептивной лексики, вербализующей большой спектр тревожных состояний. К значимым приемам пространственного моделирования в рассказах Э. А. По следует отнести поляризацию пространства, реализуемую в текстах через смысловые бинарные оппозиции «открытое – закрытое», «внутри – снаружи», «верх – низ», а также его деформацию и гиперболизацию.

Заключение. Пространство выступает в рассказах Э. А. По важнейшим параметром концептуализации действительности. Окружающий мир в литературе ужасов этого автора неотделим от образов готической литературы, что выражается не только в использовании хронотопа «замок», в ряде текстов трансформируемого в хронотоп «нехороший дом», но и в реализации его мотивного комплекса.

Ключевые слова: Э. А. По, литература ужасов, саспенс, пространство, хронотоп

Для цитирования: Тимралиева Ю. Г., Татаринцев Н. С. Презентация пространства в рассказах ужасов Э. А. По // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 125–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-125-136.

© Тимралиева Ю. Г., Татаринцев Н. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Presentation of Space in E.A. Poe's Horror Stories

Julia G. Timralieva^{1✉}, *Nikita S. Tatarincev*²

^{1,2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹✉*juliati@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>*

²*darion317@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4102-3500>*

Introduction. The article is devoted to the consideration of the category of space in E.A. Poe's prose. On the example of horror stories, the role of artistic space in the author's linguistic picture of the world is determined and its key structural and semantic characteristics are revealed. The relevance of the research is connected with the growing interest in the ways and means of conceptualizing reality in a literary text, to the problems of the artistic genre and to the specifics of the author's idiostyle.

Methodology and sources. The main research methods are semantic analysis, which consists in determining the key binary spatial oppositions, and functional-stylistic analysis, focused on identifying ways and means of representing artistic space in the works of E.A. Poe. The empirical basis of the study was stories written in the genre of horror literature: "The Masque of the Red Death", "The Pit and the Pendulum", "William Wilson", "The Fall of the House of Usher", "Berenice", "The Cask of Amontillado", "The Oval Portrait".

Results and discussion. During the analysis, it was found that in E.A. Poe's stories, the representation of space is based on the inseparable relationship of its objective description by the author with his subjective perception of the hero/narrator and is characterized by an abundance of emotionally evaluative and perceptual vocabulary that verbalizes a large range of anxiety states. To the significant techniques of spatial modeling in the stories of E.A. Poe should be attributed to the polarization of space, realized in texts through semantic binary oppositions "open-closed", "inside-outside", "top-bottom", as well as its deformation and hyperbolization.

Conclusion. Space appears in E.A. Poe's stories as the most important parameter of conceptualization of reality. The surrounding world in the author's horror literature is inseparable from the images of Gothic literature, which is expressed not only in the use of the chronotope "castle", in a number of texts transformed into the chronotope "bad house", but also in the implementation of its motivic complex.

Keywords: E.A. Poe, horror literature, suspense, space, chronotope

For citation: Timralieva, Ju.G. and Tatarincev, N.S. (2023), "Presentation of Space in E.A. Poe's Horror Stories", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 125–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-125-136 (Russia).

Введение. Пространство как одна из базовых онтологических категорий занимает особое место в современных филологических исследованиях. Наряду со временем пространство является важнейшим звеном языковой картины мира, характеризующей ту или иную культуру, представляя своего рода сетку координат, посредством которых люди, принадлежащие к данной культуре, воспринимают и осознают мир и строят его образ. Особое место категория пространства получает в художественном тексте, где пространство реализуется посредством художественных образов как элементов вторичной знаковой системы и выступает значимой эстетической составляющей текста, средством концептуализации действительности с учетом индивидуального авторского опыта.

Изучением категории «пространство» в поэтических текстах занимались такие известные отечественные ученые, как М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и другие, выработавшие в своих трудах современное представление о художественном пространстве. Так, М. М. Бахтин в своей работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» рассматривает слияние пространственных и временных примет, выраженных в конкретном целом, и вводит понятие «хронотоп», определяя его как «...существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе...» [1, с. 234]. Вслед за Бахтиным на взаимозависимость временных и пространственных категорий указывает В. Н. Топоров [2].

Методология и источники. Важнейший вклад в разработку пространственной проблематики внес Ю. М. Лотман, разработавший теорию пространственного моделирования в поэтическом тексте. Ученый подходит к проблеме литературного пространства с семиотической точки зрения, считая художественное пространство не просто «континуумом, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [3, с. 627], а «авторской моделью мира, выраженной на языке его пространственных представлений» [3, с. 622], подчеркивая, что автор литературного произведения через пространство моделирует различные отношения и может накладывать на пространственные категории дополнительные смыслы, предполагающие внепространственные значения [4]. Таким образом, пространство превращается в «универсальный моделирующий язык, который передает цельное художественно-философское видение мира и законы которого распространяются не только на объекты, но и на абстрактные понятия» [5, с. 7].

Результаты и обсуждение. Пространство играет особую роль в рассказах Э. А. По, написанных в жанре литературы ужасов. Писатель комбинирует различные художественные приемы в представлении пространства не только для создания психологического напряжения (саспенса), лежащего в основе хоррор-дискурса, но и для достижения эффекта правдоподобия происходящего.

Пространство в произведениях Э. А. По обычно локализовано в конкретные миры. Чаще всего местом действия выступают некие отдаленные помещения, замкнутые пространства или изолированные от социума места: замок, родовый дом, поместье, отдаленный коттедж, квартира на последнем этаже, подвал, склеп, лабиринт. Согласно оценке Ю. М. Лотмана, «замкнутость» может включать в себя как положительные признаки («теплое», «безопасное»), так и отрицательные («ограниченное») [3, 4].

В своем эссе «Философия творчества» («The Philosophy of Composition») автор следующим образом комментирует процесс выбора места действия для своих произведений: «Замкнутое пространство абсолютно необходимо при повествовании о единичном случае; оно имеет для рассказа такое же значение, что рама для картины. Замкнутость пространства обладает неоспоримой нравственной силой концентрации внимания и, очевидно, эту силу не стоит смешивать с простым единством места» (перевод наш – Т. Ю., Т. Н.) [6, с. 126]. Понятие «замкнутости» в работах Э. А. По связано с эмоциональными, физическими и психофизическими качествами, а характерный для писателя мотив клаустрофобии выступает важной составляющей концепта «страх».

Характерными особенностями прозы этого автора являются противопоставление закрытых пространств открытым, смещение перспективы, сочетание несочетаемого [7, 8],

а также совмещение детального объективного описания пространства с его эмоциональным субъективным представлением, создающее своего рода атмосферное единство пространственных категорий (строения или пейзажа) со зрителем-рассказчиком или участником событий. «Объективное» включает в себя геометрическое очерчивание пространства, определение его размеров и формы, представление цветов и фактур, а также указание относительного пространственного расположения (сверху – снизу, снаружи – внутри, справа – слева и т. д.). «Субъективное» представлено совокупностью изобразительных деталей, отражающих эмоциональную реакцию героя (рассказчика) на окружающее его пространство, которое, в свою очередь, задает атмосферу повествования и служит фоном для описываемого события. Независимо от того, идет ли речь об объективном изображении, основанном на точной детализации, или субъективном описании, ориентированном на впечатления рассказчика, пространство Э. А. По всегда так или иначе наделено определенными качествами, включающими элементы тревожной или сверхъестественной атмосферы [8].

Ярким примером атмосферного единства пространства и разворачивающихся в данном пространстве событий, а также участников событий, может служить рассказ «The Masque of the Red Death», в основе которого лежит архетипический сюжет «пир во время чумы». Внешний мир, охваченный страшной эпидемией, «превосходящей все предыдущие по количеству жертв и тяжести симптомов», противопоставлен миру принца Просперо, уединившегося «с тысячью веселых и беззаботных друзей» в своем поместье за крепкими, высокими крепостными стенами и железными воротами, ставшими своего рода символом разделения и противопоставления этих миров.

Называемое аббатством пространство абсолютно не соответствует представлениям о строгом, аскетичном пространстве, ассоциируемом со словом *abbey*. Напротив, перед читателем предстает роскошное сооружение, созданное в соответствии с эксцентричными вкусами его владельца (*an extensive and magnificent structure, the creation of the prince's own eccentric yet august taste*), полное сияния, блеска, пикантности и фантастичности (*much glare and glitter and piquancy and phantasm*), прекрасное и ужасное одновременно (*much of the beautiful, much of the wanton, much of the bizarre, something of the terrible, and not a little of that which might have excited disgust*).

Эксцентричность поместья проявляется, во-первых, в странном, нерегулярном расположении комнат с узкими готическими окнами, выходящими не на улицу, а в сторону единственного коридора, делающего крутые повороты каждые двадцать или тридцать ярдов и своей геометрией больше напоминающего лабиринт, нежели дворцовую анфиладу. Во-вторых, в буйстве цвета, богатстве фактур и красок, обилии деталей: *These windows were of stained glass whose color varied in accordance with the prevailing hue of the decorations of the chamber into which it opened. That at the eastern extremity was hung, for example, in blue – and vividly blue were its windows. The second chamber was purple in its ornaments and tapestries, and here the panes were purple. The third was green throughout, and so were the casements. The fourth was furnished and lighted with orange – the fifth with white – the sixth with violet. The seventh apartment was closely shrouded in black velvet tapestries that hung all over the ceiling and down the walls, falling in heavy folds upon a carpet of the same material and hue.* Вся структура и убранство поместья в полной мере отражают не только личность его хозяина, имею-

щего «тонкий вкус к цветам и эффектам», но и служат эффективным фоном для ключевого сюжетного события рассказа – великолепного бала-маскарада, устроенного принцем в самый разгар эпидемии.

Большое внимание в описании пространства уделяется освещению. Ни в одной из комнат, а также в анфиладе комнат нет ни ламп, ни канделябров (*Now in no one of the seven apartments was there any lamp or candelabrum... <...> There was no light of any kind emanating from lamp or candle within the suite of chambers*). Комнаты освещаются тяжелыми треногами с жаровнями, проецирующими свои лучи через тонированные стекла окон и создающими множество ярких и фантастических образов (*gaudy and fantastic appearances*). Особый, «ужасный до крайности» эффект создается в черной комнате, где падающий от камина и попадающий на окрашенные в кровавый цвет окна (*blood-tinted panes*) свет придает всем лицам «такое дикое выражение», что мало кто осмеливается сюда зайти. Подобные акценты, безусловно, работают на нагнетание обстановки, формирование атмосферы тревоги и страха.

Следует особо подчеркнуть чувственный синкретизм художественного отображения, основанный на многомерном восприятии пространства разными органами чувств и проявляющийся не только в семантике глаголов чувственного восприятия (*hear, see, look, touch*), но и через лексические единицы, вербализующие зрительные, слуховые, тактильные и прочие ощущения. Так, особым смысловым акцентом в репрезентации пространства черной комнаты становятся гигантские часы из черного дерева (*gigantic clock of ebony*), глухие удары которых поддерживают общую гнетущую атмосферу, царящую в замке, а раздающийся ежечасно звон приводит гостей в замешательство и заставляет бледнеть даже самых легкомысленных, словно предвосхищая роковую развязку. Звуковой ряд в целом представлен достаточно широко и эксплицируется в рассказе такими лексемами, как *clang, chime, chiming, sound, music, musicians, orchestra, bell of the clock, strokes, echoes, whispering, laughter, buzz, murmur, cry, silence, dull, heavy, monotonous, clear, loud, deep, exceedingly, musical* и т. д.; тактильный ряд представлен в семантике таких слов, как *material, velvet, iron, ebony, brazen, sable drapery* и др. Во многом благодаря такой перцептивной насыщенности, а также наличию деформированных, гиперболизированных, гротескных элементов пространство демонстрирует «ярко выраженную театрализованную эстетику с элементами сюрреалистичного изображения» [7].

Мир поместья (внутренний/закрытый мир) резко противопоставлен миру за его стенами (внешнему/открытому миру). По мнению С. В. Кашириной, «в каждом произведении смысловая нагрузка признака “открытости-замкнутости” художественного пространства индивидуальна» [9, с. 182]. В данном произведении внешний (открытый) мир предстает как мир, полный горя и печали, внутренний (закрытый) – как мир, полный удовольствий и наслаждений: *There were buffoons, there were improvisatori, there were ballet-dancers, there were musicians, there was Beauty, there was wine. All these and security were within. Without was the “Red Death”*. Мир жизни (*in them beat feverishly the heart of life*), бросающий вызов миру смерти. С одной стороны, подобное осмысление данной бинарной оппозиции в целом согласуется с принятой оценкой закрытого пространства как безопасного в противовес открытому (опасному) [3], с традиционным восприятием дома как защищенного космоса (убежища, приюта) в противоположность хаосу, помещенному за его пределами [10, 11]. С другой

стороны, Э. А. По нарушает существующие культурные стереотипы, поскольку в конечном итоге смерть все же настигает принца и его гостей, проникнув в замок в виде загадочного незнакомца в маске. Финал рассказа символичен – вместе с жизнью людей заканчивается жизнь часов из черного дерева, и гаснет пламя треножников, и Тьма, Разложение, Смерть получают безграничную власть над всем: *And the life of the ebony clock went out with that of the last of the gay. And the flames of the tripods expired. And Darkness and Decay and the Red Death held illimitable dominion over all.* Таким образом, ключевая смысловая оппозиция рассказа «жизнь – смерть» поддерживается не только ключевой пространственной оппозицией «внутри – снаружи», но и прочими связанными с представлением пространства бинарными оппозициями: «светлый – темный», «громкий – тихий», «целостный – разъятый» и другими.

Поляризация пространства наблюдается и в рассказе «The Pit and the Pendulum», где на передний план выходит пространственная оппозиция «верх – низ». В данном произведении характерный для прозы Э. А. По в целом субъективный характер представления окружающего мира поддерживается повествовательной перспективой от первого лица. Рассказчик, чудом избежавший смерти, вспоминает о страшном времени, проведенном в катакомбах города Толедо под пытками инквизиции. Описание как результат индивидуального языкового выражения нарратора включает область чувственного восприятия, структурное знание, мысленное видение и недоступные восприятию, но присутствующие в реальной действительности возможности [12].

Как и в других рассказах с режимом повествования от первого лица, рассказчик четко описывает местоположение предметов окружающего мира (*to the right, to the left, far, close*), оценивает их размер, форму, материал (*stone floors; stone masonry; low framework of wood; square shape; tall candles; glittering steel; weighty rod of brass*), что способствует созданию эффекта «правдоподобия», которому Э. А. По уделял в своих работах большое внимание [6]. На повышение степени достоверности происходящего работают не только многочисленные «объективные» детали окружения, но и цифры: *Up to the period when I felt I had counted fifty-two paces, and upon resuming my walk, I had counted forty-eight more; – when I arrived at the rag. There were in all, then, a hundred paces; and, admitting two paces to the yard, I presumed the dungeon to be fifty yards in circuit. <...> The whole circuit of its walls did not exceed twenty-five yards. <...> It was some thirty or forty feet overhead.*

Субъективность повествования реализуется через обилие оценочной и перцептивной лексики: *I saw several enormous rats <...> a sound resembling the quick opening <...> outstretched hands at length encountered some solid obstruction <...> my forehead seemed bathed in a clammy vapor, and the peculiar smell of decayed fungus arose to my nostrils <...> After this I call to mind flatness and dampness <...> It was a wall, seemingly of stone masonry – very smooth, slimy, and cold <...> The ground was moist and slippery <...> it fell heavily upon something damp and hard.* Пространство в полной мере отражает состояние крайнего эмоционального напряжения, испытываемого рассказчиком, попавшим в лапы инквизиции: *The blackness of eternal night encompassed me. I struggled for breath. The intensity of the darkness seemed to oppress and stifle me. The atmosphere was intolerably close.*

Ключевая пространственная оппозиция рассказа «верх – низ» представлена парой *pit – pendulum*. Низ – яма/колодец – ассоциируется с адом (смертью) и на протяжении всего рас-

сказа вербализуется с помощью существительных *pit, well, gulf, abyss, dungeon, tomb, grave, hell, Hades, subterranean world of darkness*, которые, в свою очередь, поддерживаются в тексте формами прилагательных и глаголов *dark, black, deep, damp, moist, cold, blank, fell, plunge, dash, descent* и др. Особая роль в описании пространства и разворачивающегося в нем действия отводится регулярно появляющемуся в тексте наречию *down: These shadows of memory tell, indistinctly, of tall figures that lifted and bore me in silence down – down – still down... <...> Down – steadily down it crept. <...> Down – certainly, relentlessly down!* Оппозицию к зияющему в полу камеры колодцу (*pit*) образует спускающийся с потолка маятник (*pendulum*). Казалось бы, в заложенной уже в названии рассказа бинарной оппозиции может быть реализовано традиционное для художественного языка противопоставление «ад – рай», «земное – божественное», «смерть – бессмертие», и маятник должен указать герою путь к спасению. Однако По снова ломает стереотипы: маятник, как и яма, несет смерть, выступая изощренным орудием пыток/смерти заключенных, попавших в ловушку инквизиции.

Пространство в целом, как и в предыдущем рассказе, радикализовано и деформировано. Рассказчик долгое время пребывает в кромешной темноте, исследуя темницу на ощупь и не имея возможности оценить ее реальные размеры, пока «дикий сернистый блеск» неизвестного происхождения не проникает в камеру и не высвечивает на стенах фигуры демонов в угрожающих обличьях и прочие страшные изображения. (*The figures of fiends in aspects of menace, with skeleton forms, and other more really fearful images, overspread and disfigured the walls.*) Как отмечает Э. Ф. Осипова, умышленное смещение перспективы является проявлением игры автора с читателем. Создавая подобные несоответствия в своих рассказах, Э. А. По одновременно пародировал гротескность печатавшихся рассказов ужасов и вовлекал читателя в атмосферу «искусственного ужаса» [7].

Следует отметить, что, создавая свои рассказы ужасов, Э. А. По во многом опирался на традиции готической литературы, которая к 1790 г. начала активно распространяться за пределами Британии. Характерным местом действия готических романов являлся замок. Как отмечает М. М. Бахтин, хронотоп «замок» представлял собой «место жизни властелинов феодальной эпохи (следовательно, и исторических фигур прошлого), в нем отложились в зримой форме следы веков и поколений в различных частях его строения, в обстановке, в оружии, в галерее портретов предков, в фамильных архивах, в специфических человеческих отношениях династического преемства, передачи наследственных прав. Наконец, легенды и предания оживляют воспоминаниями прошедших событий все уголки замка и его окрестностей» [1, с. 394]. По мнению Е. В. Тарасовой, «замок с его замкнутым пространством выступает в готической литературе как смыслообразующий и структурообразующий элемент сюжета, именно здесь герой находится во власти сверхъестественных сил, лицом к лицу со своей судьбой» [13, с. 10].

В США готическая литература была особенно популярна на Северо-Востоке, где для ее распространения сложился благоприятный историко-культурный контекст. Американские авторы, беря на вооружение традиции британской готики, трансформировали их под реалии США. Э. В. Васильева, рассматривая структурные особенности готического хронотопа «замок» в традициях Новой Англии, обращает внимание на трансформацию его мотивов в хронотоп «нехороший дом» с сохранением мотивного комплекса хронотопа «замок» [14].

В рассказах ужасов Э. А. По можно обнаружить как использование классического хронотопа замка с выраженными элементами готической архитектуры, так и его трансформацию в хронотоп нехорошего дома. Примером первого могут служить рассказы «The Masque of the Red Death», «The Cask of Amontillado», «The Oval Portrait». Например, в рассказе «The Cask of Amontillado» действие происходит в классическом средневековом замке, где элементы готической архитектуры не только поддерживают сюжет, но и задают тональность повествования: *We passed through a range of low arches, descended, passed on, and descending again, arrived at a deep crypt, in which the foulness of the air caused our flambeaux rather to glow than flame.* Так, традиционный для готического замка фамильный склеп со стенами, выложенными человеческими останками (*walls had been lined with human remains*), становится гробницей для соперника главного героя, окутывая тайной его исчезновение.

Как правило, появляющиеся у По замки не имеют исторических аналогов, часто представляя собой парадоксальные, иррациональные или вовсе невозможные пространства. Как отмечается исследователями, непосредственное знакомство автора с готической архитектурой состоялось в раннем детстве во время его учебы в пансионате Англии и к моменту написания анализируемых рассказов носило характер обрывочных воспоминаний. Как следствие, многие детали произведений – это элементы воображения писателя, служащие, скорее, для формирования у читателя стойких ассоциаций с готической архитектурой и создания необходимого эффекта [15]. Такое основанное на воспоминаниях детства описание учебного заведения, являющего собой лабиринт запутанных комнат и коридоров, находим, например, в рассказе «William Wilson»: *There was really no end to its windings, to its incomprehensible subdivisions. It was impossible, at any given time, to say with certainty upon which of its two stories one happened to be. From each room to every other there were sure to be found three or four steps either in ascent or descent.*

Хронотоп нехорошего дома (чаще всего в этой роли выступает родовое поместье) является в рассказах «William Wilson», «The Fall of the House of Usher», «Berenice». Мотивное ядро данного хронотопа образуют такие признаки, как старость/древность, тяжелая психоэмоциональная атмосфера, наличие тайны или мрачной истории (темного прошлого), непохожесть на прочие дома, временная и пространственная изоляция, упадок, вымирание рода, мотив «живого дома» [14]. Автор акцентирует внимание читателя на некогда величественных конструкциях, которые в силу времени или происходящих событий уже не выглядят столь величественно и призваны вызывать ощущение меланхолии или ужаса. В описании этих конструкций, как правило, выделяются многочисленные детали, свидетельствующие об их ветхости: полуразрушенные башни, заросшие плющом окна и стены, покрытые паутиной комнаты, древние фрески, выцветшие гобелены, старинное оружие и т. д.: *The house, I have said, was old, irregular, and cottage-built. The grounds were extensive, and an enormously high and solid brick wall, topped with a bed of mortar and broken glass, encompassed the whole. This prison-like rampart formed the limit of our domain («William Wilson»). Yet there are no towers in the land more time-honored than my gloomy, gray, hereditary halls. Our line has been called a race of visionaries; and in many striking particulars – in the character of the family mansion – in the frescos of the chief saloon – in the tapestries of the dormitories – in the chiselling of some buttresses in the armory – but more especially in the gallery of antique paintings – in the*

fashion of the library chamber – and, lastly, in the very peculiar nature of the library's contents, there is more than sufficient evidence to warrant the belief («Berenice»). В представленных фрагментах в описании пространства даны лексемы с семантикой семьи/рода (*hereditary, line, family*), старости/древности (*old, time-honored, antique, frescos, tapestries*), меланхолии/упадка (*prison-like rampart, gloomy, gray, broken*), необычности/чрезмерности (*irregular, enormously high and solid, striking, peculiar*).

Особо показателен в этом отношении рассказ «The Fall of the House of Usher», в котором поместье Ашеро́в не только создает необходимую эмоциональную атмосферу, но и выступает полноценным участником событий, «темным двойником» героя [13], олицетворяя собой судьбу рода. Приведем лишь некоторые фрагменты его описания: *...about the whole mansion and domain there hung an atmosphere peculiar to themselves and their immediate vicinity an atmosphere which had no affinity with the air of heaven, but which had reeked up from the decayed trees, and the gray wall, and the silent tarn – a pestilent and mystic vapour, dull, sluggish, faintly discernible, and leaden-hued. <...> Its principal feature seemed to be that of an excessive antiquity. The discoloration of ages had been great. Minute fungi overspread the whole exterior, hanging in a fine tangled web-work from the eaves. <...> Dark draperies hung upon the walls. The general furniture was profuse, comfortless, antique, and tattered. Many books and musical instruments lay scattered about, but failed to give any vitality to the scene. I felt that I breathed an atmosphere of sorrow.* Данные примеры показывают, что презентация поместья Ашеро́в демонстрирует все вышеперечисленные признаки хронотопа нехорошего дома, эксплицированные в семантике таких слов и словосочетаний, как *decayed, gray, silent, pestilent, mystic, dull, sluggish, faintly discernible, leaden-hued, comfortless, antique, tattered, scattered, fungi, tangled web-work, excessive antiquity, discoloration of ages, atmosphere of sorrow*, выступающих маркерами древности, заброшенности, упадка. Как и прочие произведения Э. А. По, рассказ строится на атмосферном единстве пространства и его обитателей, а само описание дома Ашеро́в напрямую перекликается с описанием образа его хозяина, которого рассказчик встречает спустя много лет: *It was with difficulty that I could bring myself to admit the identity of the wan being before me with the companion of my early boyhood.* Черты Родерика Ашера, как и черты его поместья, хотя и свидетельствуют о былой красоте, но не в силах скрыть беспощадный ход времени. Кроме того, оставаясь последними представителями своего аристократического рода, брат и сестра Ашеры не только физически находятся в отдалении от других людей (дом находится на отшибе), но и испытывают последствия психологической изоляции. Финал рассказа символичен: дом рушится, погребая под обломками своих хозяев и прерывая их род.

Заключение. Таким образом, пространство играет в рассказах ужасов Э. А. По важную роль, не только выступая адекватным фоном для разворачивающихся в нем событий, но и оказывая на них самое непосредственное влияние. Характерной особенностью представления пространства, которую можно отнести к ключевым чертам идиостиля автора, является совмещение объективного, проявляющегося в подробном, детальном, создающем эффект правдоподобия описании пространства, и субъективного, основанного на эмоциональном (часто аффективном) восприятии пространства героем/рассказчиком. Свойственное текстам По атмосферное единство пространственных категорий со зрителем-рассказчиком или участником событий выступает важным приемом в реализации саспенса.

Психоэмоциональная выразительность пространства задается обилием оценочной и перцептивной лексики, вербализующей большой спектр тревожных состояний. Характерная для произведений Э. А. По поляризация пространства, реализуемая в тех или иных текстах через бинарные оппозиции «внутри – снаружи», «верх – низ», «далекое – близкое», «открытое – закрытое» и другие, работает на решение ключевых психологических конфликтов, а присущие изображению окружающего мира деформация и гиперболизация, ломка культурных стереотипов и введение в повествование элементов фэнтези соответствуют общей гротесковой (сюрреалистичной) манере представления реальности.

В подавляющем большинстве рассказов ужасов Э. А. По действие разворачивается в замкнутых пространствах. В качестве ключевого пространственного архетипа выступает готический замок, который в ряде текстов трансформируется в «нехороший дом». Презентуемое как удаленное от мира, странное, ветхое, мрачное, опасное, пространство замка/нехорошего дома служит идеальным фоном для реализации мотивов «изоляция», «упадок», «смерть», погружая читателя в атмосферу меланхолии и страха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. Топоров В. Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 455–515.
3. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 621–658.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 13–285.
5. Жилина Т. С. Семантика художественного пространства в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Росс. гос. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград, 2008.
6. Poe E. A., Whiting M. A. The poetical works of Edgar Allan Poe: together with his essay on the philosophy of composition. Boston: Educational Publishing Company, 1906 // Hathitrust Digital Library. URL: <http://dp.la/item/b9310d403dfecda3edda7fc96bde699c> (дата обращения: 24.02.2022).
7. Осипова Э. Ф. Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
8. Hoffmann G. Space and Symbol in the Tales of Edgar Allan Poe / Transl. by E. G. Lord // Poe Studies. 1979. Vol. XII, no. 1. P. 1–14.
9. Каширина С. В. Роль художественного пространства в постижении литературного текста // Вестн. ОГУ. 2006. № 9. Ч. 1. С. 180–185.
10. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства / пер. с франц. Н. В. Кисловой, Г. В. Волковой, М. Ю. Михеева. М.: РОССПЭН, 2004.
11. Поршнева А. С. Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения: сб. науч. трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. Вып. 2. С. 96–115.
12. Сергеева Ю. М., Голубева С. А. Лингво-прагматические особенности формирования перцептуального пространства в эгоцентричном художественном тексте // Верхневолжский филологический вестн. 2020. № 2 (21). С. 179–186. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-179-186.
13. Тарасова Е. В. Традиции готического романа в прозе США XIX - первой трети XX веков (Э. А. По, А. Бирс, Г. Ф. Лавкрафт): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2019.

14. Васильева Э. В. Особенности хронотопа в новоанглийской готике: «Дом о семи фронтонах» Н. Готорна и «Призрак дома на холме» Ш. Джексона // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2020. Т. 26, № 1. С. 87–92. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-87-92.

15. Kane M. Edgar Allan Poe and Architecture // The Sewanee Review. 1932. Vol. 40, no. 2. P. 149–160.

Информация об авторах.

Тимралиева Юлия Геннадьевна – доктор филологических наук (2017), доцент (2005), заведующая кафедрой романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, немецкая литература, лингвопоэтика, функциональная стилистика.

Татаринцев Никита Сергеевич – аспирант кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, лингвистика текста и дискурса, прагматика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.10.2022; принята после рецензирования 16.11.2022; опубликована онлайн 24.04.2023.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1975), "Formy vremeni i khronotopy v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike", *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Researches of different years], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 234–407.

2. Toporov, V.N. (1997), "Space and text", *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga* [From the works of the Moscow semiotic circle], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, USSR, pp. 455–515.

3. Lotman, Yu.M. (1997), "Artistic space in Gogol's prose", *O russkoi literature* [On Russian literature], Iskusstvo-SPb, SPb., RUS, pp. 621–658.

4. Lotman, Yu.M. (1998), "The structure of a literary text", *Ob iskusstve* [About Art], Iskusstvo-SPb, SPb., RUS, pp. 13–285.

5. Zhilina, T.S. (2008), "The semantics of artistic space in the novel by J. Joyce "Portrait of an Artist in his Youth"", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Ross. gos. un-t im. Immanuila Kanta, Kaliningrad, RUS.

6. Poe, E.A. and Whiting, M.A. (1906), *The poetical works of Edgar Allan Poe: together with his essay on the philosophy of composition*, Educational Publishing Company, Boston, USA, *HathiTrust Digital Library*, available at: <http://dp.la/item/b9310d403dfecda3edda7fc96bde699c> (accessed 24.02.2022).

7. Osipova, E.F. (2004), *Zagadki Edgara Po: issledovaniya i kommentarii* [Riddles of Edgar Allan Poe: research and comments], Filologicheskii fakul'tet SP6GU, SPb., RUS.

8. Hoffmann, G. (1979), "Space and Symbol in the Tales of Edgar Allan Poe", Transl. by Lord, E.G., *Poe Studies*, vol. XII, no. 1, pp. 1–14.

9. Kashirina, S.V. (2006), "The role of artistic space at literary text comprehension", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 9, part 1, pp. 180–185.

10. Bachelard, G. (2004), *La Poétique de l'Espace*, Transl. by Kislova, N.V., Volkova, G.V. and Mikheev, M.Yu., Moscow, ROSSPEN, RUS.

11. Porshneva, A.S. (2010), "The study of artistic space: strategies and algorithms", *Inoyazychnyi diskurs: problemy interpretatsii i izucheniya* [Foreign language discourse: problems of interpretation and study], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS, pp. 96–115.

12. Sergeeva, Yu.M. and Golubeva, S.A. (2020), "Lingvo-pragmatic peculiarities of ego-centric fictional text of perceptual space formation", *Verhnevolzhski philological bulletin*, no. 2 (21), pp. 179–186. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-179-186.

13. Tarasova, E.V. (2019), "Traditions of the Gothic novel in US prose of the 19th - first third of the 20th centuries (E. A. Poe, A. Beers, G. F. Lovecraft)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Belarusian State Univ., Minsk, BLR.

14. Vasil'eva, E.V. (2020), "On the peculiarities of chronotope in New England Gothic: The House of the Seven Gables by Nathaniel Hawthorne and The Haunting of Hill House by Shirley Hardie Jackson", *Vestnik of Kostroma State Univ.*, vol. 26, no. 1, pp. 87–92. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-87-92.

15. Kane, M. (1932), "Edgar Allan Poe and Architecture", *The Sewanee Review*, vol. 40, no. 2, pp. 149–160.

Information about the authors.

Julia G. Timralieva – Dr. Sci. (Philology, 2017), Docent (2005), Head of the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, German literature, linguistic poetics, functional stylistics.

Nikita S. Tatarincev – Postgraduate at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 9 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, linguistics of text and discourse, pragmatics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.10.2022; adopted after review 16.11.2022; published online 24.04.2023.*

Оригинальная статья

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-137-155>

Научный дискурс: эволюция теоретико-методологических подходов и концепций

Марина Юрьевна Миронова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>*

Введение. В статье представлены результаты аналитического обзора научных трудов, отражающих этапы формирования и развития теории научного дискурса в отечественной лингвистике. Целью статьи является систематизация и критический анализ подходов, концепций и методологических принципов изучения научного общения в аспекте его коммуникативно-прагматической, жанрово-стилистической, лингвокогнитивной и лингвокультурной специфики.

Методология и источники. Работа опирается на теоретические концепции в области дискурсивного анализа, рассматривающие дискурс как вид социальной практики, как методологию корпусной лингвистики, использующей программные средства и квантитативные методы для извлечения языковых структур из больших массивов текстов. Дается обзор существующей эмпирической базы исследования.

Результаты и обсуждение. В результате обзорного исследования охарактеризована эволюция подходов к научному дискурсу, определены их хронологические рамки, выявлены ключевые концепции, повлиявшие на современное понимание научного общения (жанрово-стилистический, социокультурный, когнитивный, лингвокультурный, прагмалингвистический, коммуникативно-прагматический подходы), проанализированы современные трактовки научного дискурса и обозначены перспективы дальнейшего исследования. Показано, что в изучении научного дискурса в последнее время востребованной становится корпусная методология, которая применяется в его синхронном и диахроническом описании. Диахроническое развитие англоязычного научного дискурса на примере жанра научной статьи представляет собой чрезвычайно интересную проблему, которая, по нашим данным, ранее не подвергалась тщательному изучению, и рассмотрению которой будут посвящены дальнейшие работы.

Заключение. Показано, что несмотря на длительное и интенсивное изучение научного дискурса в научной литературе наблюдается недостаточное число работ, освещающих тенденции развития жанров научной коммуникации, которые демонстрируют определенную историческую динамику и изменения в коллективном сознании. Делается вывод о том, что дискурсивно-корпусный подход к исследованию научного дискурса и методы корпусной лингвистики дают возможность объективно выявить и описать динамические процессы в области письменной научной коммуникации, обусловленные меняющимися способами трансфера знаний под влиянием изменений социокультурного контекста и интенсивного развития науки.

Ключевые слова: научный дискурс, научная статья, лингвостилистические особенности, диахрония

© Миронова М. Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Миронова М. Ю. Научный дискурс: эволюция теоретико-методологических подходов и концепций // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 137–155. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-137-155.

Original paper

Scientific Discourse: Evolution of Theoretical and Methodological Approaches and Concepts

Marina Yu. Mironova

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>*

Introduction. The article presents the results of an analytical review of scientific papers reflecting the stages of formation and development of the theory of scientific discourse in Russian linguistics. The purpose of the article is to systematize and critically analyze approaches, concepts and methodological principles of the study of scientific communication in the aspect of its communicative-pragmatic, genre-stylistic, linguocognitive and linguocultural specifics.

Methodology and sources. The paper is based on theoretical concepts in the field of discourse analysis, considering discourse as a type of social practice, as a methodology of corpus linguistics using software tools and quantitative methods to extract language structures from large arrays of texts. An overview of the existing empirical research base is given.

Results and discussion. As a result of the review study, the evolution of approaches to scientific discourse is characterized, their chronological framework is determined, key concepts that influenced the modern understanding of scientific communication are identified (genre-stylistic, sociocultural, cognitive, linguocultural, pragmatolinguistic, communicative-pragmatic approaches), modern interpretations of scientific discourse are analyzed and prospects for further research are outlined. It is shown that in the study of scientific discourse, the corpus methodology is today in demand and is used in its synchronic and diachronic description. The diachronic development of the English-language scientific discourse by the example of a scientific article genre is an extremely interesting issue, which, according to our data, has not been thoroughly studied before. That is why our further works will be devoted to its consideration.

Conclusion. It is shown that despite the long and intensive study of scientific discourse in the scientific literature there is an insufficient number of works highlighting the trends in the development of scientific communication genres, which demonstrate a certain historical dynamics and changes in the collective consciousness. It is concluded that the discursive-corpus approach to the study of scientific discourse and the methods of corpus linguistics make it possible to objectively identify and describe dynamic processes in the field of written scientific communication caused by changing ways of knowledge transfer under the influence of changes in the socio-cultural context and intensive development of science.

Keywords: scientific discourse, scientific article, linguo-stylistic features, diachrony

For citation: Mironova, M.Yu. (2023), "Scientific Discourse: Evolution of Theoretical and Methodological Approaches and Concepts", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 137–155. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-137-155 (Russia).

Введение. Сегодня в отечественной и зарубежной лингвистике насчитывают немало работ, посвященных изучению научного дискурса и его жанров. В основе каждого исследо-

вания лежит определенный подход и авторский взгляд на проблему. Несмотря на имеющееся разнообразие подходов (функционально-стилистический, коммуникативно-прагматический, социолингвистический, лингвокультурный, когнитивно-семантический, прагмалингвистический, исторический, лингвокогнитивный), все исследования научного дискурса объединяет положение о том, что в современной академической среде научная коммуникация и передача научного знания реализуются посредством дискурса. Выступая результатом научного исследования, научное знание представляет собой профессиональную форму познавательной деятельности, которая направлена на получение научно обоснованных знаний о мире и законах его развития. В процессе осмысления результатов научных исследований и формирования единого научного пространства именно письменная коммуникация имеет большое значение благодаря своей способности накапливать, хранить и передавать информацию. Несмотря на существующие работы, посвященные всеобъемлющему изучению научного дискурса, сохраняется стабильно высокий интерес к его проблематике. Тот факт, что научный дискурс остается перспективной областью исследования, подтверждает его важность для развития академической науки и обуславливает актуальность исследований в данной области.

Поскольку глубокое осмысление проблем научного дискурса требует изучения накопленного опыта в данной области и анализа устоявшихся теоретико-методологических подходов, представляется необходимым осуществить аналитический обзор теоретического наследия изучаемой области. За годы исследований сформировалось несколько научно-методологических направлений, каждое из которых предполагает определенную интерпретацию научного дискурса и предлагает способы его изучения. Этапы становления и развития теории англоязычного академического дискурса, анализ эволюции подходов и ключевые концепции его изучения, повлиявшие на современное понимание академического дискурса, представлены в программной работе А. О. Стеблецовой [1]. Обзорное исследование автора позволило установить, что на изучение англоязычного академического дискурса оказали влияние концепция дисциплинарной вариативности, когда выбор языковых средств и приемов аргументации определяется научной дисциплиной, а также методы и технологии корпусной лингвистики для выявления культурной и жанровой специфики дискурса.

Цель данной статьи – дать краткий обзор работ, которые, на наш взгляд, оказали наиболее значительное влияние на развитие теории научного дискурса в отечественной лингвистике, установить лакуны в существующих исследованиях и наметить перспективы дальнейшего изучения.

Методология и источники. Учеными, в фокусе внимания которых на протяжении многих лет находились проблемы научного дискурса, выступали Н. К. Рябцева, Е. В. Михайлова, Е. М. Крижановская, Л. В. Цурикова, В. И. Карасик, Н. В. Королева, Г. А. Грызлова, Н. Г. Бурмакина, Н. А. Мишанкина, Т. Н. Хомутова, Е. Ю. Викторова, Н. В. Соловьева, В. Е. Чернявская, К. А. Болотина, Т. Г. Попова, Л. В. Дудникова, И. П. Хутыз, Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова, М. А. Сухомлинова, Е. Н. Малюга, А. В. Нохрин, И. И. Торубарова, А. О. Стеблецова, П. Б. Кузьменко, Ю. Н. Науменко. Исследования проводятся на примере разных языков и на базе различных дисциплин. Рассмотрим ключевые концепции и наиболее актуальные результаты исследований ученых.

Основы отечественной дискурсивной теории были заложены в начале 1990-х гг. В. И. Карасиком, который предложил продуктивную модель анализа дискурса, выделил его категории и основные типы. Основываясь на признаках текстуальности (когезия, когерентность, интенциональность, интерпретируемость, информативность, ситуативность и интертекстуальность), ученый выделяет следующие категории дискурса: 1) конститутивные категории, позволяющие отличить текст от нетекста; 2) жанрово-стилистические категории, характеризующие текст в соответствии с его жанровой принадлежностью; 3) содержательные или семантико-прагматические категории, раскрывающие смысл текста и охватывающие такие аспекты, как образ автора и адресата, информативность, модальность, интерпретируемость; 4) формально-структурные категории, относящиеся к способу организации текста (композиция, членимость, когезия) [2].

Анализируя различные социолингвистические и прагмалингвистические типы дискурса, ученый останавливается в том числе и на особенностях научного дискурса: определяет участников и их статусно-ролевые характеристики, цель научного общения, описывает подстили научного стиля и его прагматические характеристики, выделяет ценности научного дискурса, его ключевые концепты, стратегии, жанры, системообразующие признаки, отличительные особенности научного дискурса различных областей знания. В. И. Карасик относит научный дискурс к сфере институционального дискурса и выделяет его наиболее существенные системообразующие признаки: цель и участники общения. Участниками коммуникации являются исследователи, имеющие равный статус. Поскольку уровень подготовки автора текста коррелирует с уровнем подготовки аудитории, адресат заинтересован в восприятии профессиональной информации, и нет необходимости его мотивировать. В. И. Карасик подчеркивает, что, так как научный дискурс характеризуется высокой степенью интертекстуальности, использование прецедентных текстов и их концептов является одним из его системообразующих признаков. Также ученый пишет о роли дискурсивных формул в научном дискурсе. Под дискурсивными формулами ученый понимает те обороты речи, которые характерны для общения в соответствующем социальном институте и объединяют представителей научной общественности.

Одной из ранних работ в русле дискурсивной теории стала работа Е. В. Михайловой, посвященная особенностям реализации категории интертекстуальности в жанре научной англоязычной статьи. На материале научных статей по лингвистике, экономике и физике второй половины XX в. автор рассматривает соотношение категории интертекстуальности с другими категориями дискурса; определяет системные характеристики научной статьи с учетом специфики гуманитарных, точных и неточных дисциплин; предлагает типологию интертекстуальных связей; определяет их формальные признаки (маркированность и локализация) и функции (референционная, оценочная, этикетная и декоративная); описывает средства выражения интертекстуальности в научной статье (цитаты и ссылки); выявляет тенденции в их эволюции. В результате проведенного исследования Е. В. Михайлова приходит к выводу, что цитаты и ссылки являются основными видами интертекстуальных связей. Автор предлагает их классификацию и выделяет отличительные черты каждой группы. Сравнительный анализ научных статей различных дисциплин показал, что для лингвистических публикаций характерны именные ссылки, в то время как в статьях по физике преоб-

ладают смешанные (библиографические) ссылки, когда ссылка оформлена как индекс. Е. В. Михайлова заключает, что в эволюции интертекстуальных связей явно прослеживается тенденция преобразования ссылки в аллюзию, когда в интертекстуальной ситуации нет фиксированного исходного текста, но существует множество потенциально прецедентных текстов [4].

В прагмалингвистическом ключе анализирует научный англоязычный дискурс Л. В. Дудникова, которая проводит сопоставительное исследование текстов научного дискурса в аспекте их предметной отнесенности (математические, медицинские и лингвистические научные произведения), выделяет тактики подачи информации и дискурсивные маркеры, характерные для исследуемых субдискурсов. При изучении средств когезии Л. В. Дудникова предлагает применять инвариантно-вариантный подход, поскольку разнообразие подстилей научного стиля и способов изложения материала (доказательство, описание, рассуждение) обуславливают выбор автором средств когезии. В результате проведенного исследования ученый приходит к выводу, что при передаче когнитивного содержания автор научного текста использует определенные коммуникативные стратегии: стратегия доказательства в математическом субдискурсе, стратегия информирования о результатах эксперимента – в медицинском, стратегия диалогичности и дискуссионности – в лингвистическом. Выбор коммуникативной стратегии обуславливает применение определенных тактик. В математическом дискурсе в первую очередь применяются тактики, обеспечивающие логичность изложения и доказательства, тактики объяснения и обоснования причинно-следственной связи. Они находят выражение в дискурсивных маркерах *so, now, then, whence, since, also*. В медицинском дискурсе важную роль играют тактика акцентуации контраста и противоречия, сбор аргументов и выражение авторского отношения к сказанному. Используются такие дискурсивные маркеры, как *in the same way, nonetheless, generally speaking, summary, conclusion*. Для лингвистического дискурса характерны тактика сопоставления, акцентуации противоречия, объяснения и пояснения, иллюстрации. Перечисленные тактики проявляются в дискурсивных маркерах *nor, as with, yet, or, eg, illustrate, exception*. Определив способы изложения, характерные для каждого подстиля научного стиля и сформулировав цели использования маркеров в субдискурсах научного дискурса, Л. В. Дудникова доказывает существование подстилевой вариативности средств когезии, подчеркивает необходимость применения инвариантно-вариантного подхода к описанию средств осуществления когезии и утверждает, что стратегии подачи информации обуславливают реализацию определенных лингвистических средств, включая средства когезии (дискурсивные маркеры) [5].

В середине 2010-х гг. в отечественной лингвистике в связи с интеграцией отечественной науки в мировое научное пространство, выражающейся в изменениях требований к структурным и содержательным аспектам научного дискурса, возникает устойчивый интерес к лингвокультурным аспектам научного общения, проявившийся в разработке сравнительно-сопоставительных методик, направленных на выявление и анализ различий в конвенциях и алгоритмах порождения научного текста в различных культурах, как правило, англоязычной и русскоязычной. К исследователям, работающим в рамках лингвокультурного подхода к изучению научного дискурса, можно отнести И. П. Хутыз, Н. К. Рябцеву, А. О. Стеблецову, П. Б. Кузьменко, С. В. Когут и др.

И. П. Хутыз проводит сравнительно-сопоставительный анализ академического дискурса в русско- и англоязычных культурах, освещает особенности англосаксонской и азиатской традиций с целью определить, как их представители конструируют знание в научном дискурсе вообще и в исследовательских статьях в частности. Применение лингвокультурного и лингвопрагматического подходов, а также дискурс-анализа позволяет понять влияние социокультурной среды на коммуникативное поведение исследователей и описать средства, с помощью которых ученые определяют свою идентичность, устанавливают контакт с адресатом и выражают отношение к теме исследования. И. П. Хутыз анализирует типичные для академического дискурса коммуникативно-прагматические категории: модальность, имплицативность, интертекстуальность, фактор адресата, маркированность, диалогичность (инклюзивные местоимения, директивы, пояснительные вставки, вопросительные предложения). Помимо того, что И. П. Хутыз описывает особенности академического дискурса, автор отдельно останавливается на общих характеристиках дискурса исследовательской лингвистической статьи и рассматривает лексический уровень, грамматические конструкции, способы выражения модальности, особенности авторской самопрезентации (употребление местоимений «I/я» и «we/мы»), функциональные особенности дейксиса (личностного и пространственно-временного), средства установления интерактивной связи с читателем, группы функциональных единиц, маркирующие дискурс русскоязычной и англоязычной научной статьи, и их роль в конструировании портрета ученого. И. П. Хутыз приходит к выводу, что такие параметры, как ориентация на читателя и автора, на форму и содержание, степень вовлеченности читателя в дискурс и синтаксические правила построения дискурса определяются когнитивными особенностями культуры и отражают социокультурные традиции, в соответствии с которыми авторы конструируют академический дискурс. Так, по мнению ученого, постановка подлежащего, выраженного личным местоимением, на первое место в предложении, обусловлена стремлением автора отделять себя от других.

Синтаксис английского языка отражает особенности мышления представителей данной культуры и нацелен, в первую очередь, на раскрытие основных значений, а уже потом на указание причин. Это, в свою очередь, позволяет достичь связности текста. Конструирование научной статьи в соответствии с принятой структурой, предоставление информации о существующих исследованиях по теме, анализ эмпирического материала, постановка цели, описание методов, формулирование выводов, попытки предвосхитить вопросы читателя и заранее дать на них ответы существенным образом облегчают восприятие научной информации. И. П. Хутыз приходит к выводу, что структурные и лингвистические особенности англоязычной научной статьи берут свое начало в коммуникативных традициях, обусловленных социокультурным контекстом, отражают ритуальные отношения и нормативные предписания, которые диктуют авторам использование принятых формул и клише, что определяет дискурс научной статьи как культурно-специфичный [6–8]. Автор утверждает, что поскольку основная коммуникативная задача, реализуемая в тексте научной статьи, – передача научной информации, важно, чтобы все элементы ее структуры были подчинены этой цели, способствуя логичному представлению научной информации и управляя читательским восприятием: 1) в заглавии фиксируется основная мысль текста, акцентируется внимание читателя на предмете обсуждения. И. П. Хутыз подчеркивает, что для англоязыч-

ных научных статей характерны двухчастные заголовки, в составе которых употребляется союз «и», неличные формы глагола, предлоги, вопросительные конструкции; 2) данные об авторе исследования влияют на восприятие текста как истинного научного знания; 3) аннотация помогает читателю сориентироваться в выборе подходящей научной работы, убеждая в достоинствах предлагаемого исследования; 4) ключевые слова позволяют читателю понять, представляет ли для него интерес та или иная научная работа; благодаря аннотациям можно группировать статьи по сфере исследования и быстро находить среди других научных работ; 5) введение отражает цели и задачи исследования, содержит краткий обзор истории вопроса, а также той информации, которая будет изложена в основной части; 6) информация о текстах, на которые ссылается адресант при изложении своей теории, обуславливает достоверность его научных идей; 7) сноски усиливают точность и полноту выражения научной мысли; 8) невербальные средства воздействия (графики, рисунки, диаграммы, таблицы) облегчают процесс восприятия и понимания читателем научной концепции автора, позволяют ему воздействовать на читателя посредством введения в текст средств наглядности [8].

Лингвокультурные характеристики научного дискурса рассматриваются Н. К. Рябцевой с точки зрения оптимизации преподавания иностранного языка в плане обучения научному изложению на английском языке. Автор выделяет и анализирует наиболее употребительные коммуникативные, дискурсивные, грамматические/конструкционные модели путем создания конкорданса с семантически и тематически упорядоченной англоязычной научной лексикой в сочетаемых контекстах; выявляет лингвокультурные различия англоязычной и русскоязычной научной речи [9]. Не менее интересными представляются работы Н. К. Рябцевой, посвященные исследованию особенностей названий научных статей на русском и английском языке [10], современным терминологическим проблемам, возникающим в процессе перевода научной коммуникации [11]. Более ранние работы автора посвящены роли ментальных перформативов в научном дискурсе. Н. К. Рябцева выделяет классы глаголов, способных формировать ментальные перформативные высказывания, и наиболее характерные для русскоязычного научного дискурса перформативные формулы и приходит к выводу, что ментальные перформативы структурируют текст, облегчают его понимание, снимают неопределенность текста, эксплицируют иллокутивную силу высказывания и выступают средством взаимодействия с адресатом [12].

Сравнительному анализу научных статей на русском и английском языке посвящены и работы А. О. Стеблецовой и Ю. Н. Науменко с тем отличием, что авторы проводят сравнение в рамках одной предметной области. Ученые исследуют дискурсивно-когнитивную специфику конструирования заголовков научных статей британских и российских медицинских журналов с точки зрения их лингвокультурной идентичности и принадлежности академическому дискурсу, проводят сопоставительный анализ с целью выявления синтаксических моделей построения заголовков и семантических особенностей. «Когнитивно-дискурсивный анализ заключался в поиске и выявлении соответствия между конкретными номинативными группами (словосочетаниями с существительным), составляющими структурную основу заголовка, и смысловыми категориями научного анализа, скрытыми в этих номинативных группах» [13, с. 164]. Авторы приходят к выводу, что заголовкам

английских научных медицинских статей присущи четкая композиционная организация (семантическая и синтаксическая) и регулярное использование определенных лексем – маркеров категорий научного анализа [13].

П. Б. Кузьменко тоже посвящает свои работы исследованиям научной речи различных культур, однако в фокусе исследования данного автора находится сравнительный анализ научной речи носителей и не носителей языка. Он изучает особенности содержания, структурирования и языкового оформления англоязычных научных статей по лингвистике, созданных носителями и русскоязычными авторами, для которых английский язык не является родным. Автор справедливо утверждает, что «только при выполнении требований, диктуемых нормами англоязычного научного дискурса, созданный текст будет рассматриваться издателем как статья и может быть рекомендован к опубликованию» [14, с. 6]. По этой причине изучение особенностей организации англоязычной научной статьи представляется чрезвычайно актуальным. Исследовав правила конструирования текстов научных статей на английском языке и существующие форматы научного общения, П. Б. Кузьменко определил особенности структуры и содержания аутентичных англоязычных статей по лингвистике; различия между текстами, созданными носителями и неносителями английского языка; отличительные особенности текстов англоязычных научных лингвистических статей, статей по философии и экономике. Ученый приходит к выводу, что научная статья имеет выраженную культурную специфику и состоит из следующих структурно-организационных компонентов, обеспечивающих ее когерентность: описание текущей ситуации в исследуемой области, постановка цели исследования и изложение его содержания, представление гипотезы и методов, описание вклада результатов исследования в науку и т. д. Сравнительный анализ структуры научных статей позволил заключить, что «несмотря на отсутствие четких требований к их оформлению, англоязычные лингвистические статьи, в отличие от философских и экономических, обычно структурированы по модели естественно-научных публикаций на английском языке, которая может дополняться новыми формально-содержательными компонентами текста в зависимости от целей и фокуса внимания автора» [14, с. 82].

При исследовании особенностей формата аутентичной англоязычной статьи П. Б. Кузьменко использует контрастивно-сопоставительную методiku Л. В. Цуриковой, которая заключается в обращении к неаутентичным статьям, написанным носителями русского языка на английском языке и выявлении случаев отклонений от конвенций, принятых англоязычным научным сообществом. П. Б. Кузьменко анализирует наполнение композиционно-смысловых блоков (вводно-обобщающий, основной и итоговый) англоязычных научных статей, выделяет их наиболее характерные элементы, проводит сравнительно-сопоставительный анализ содержательного наполнения блоков в статьях, написанных носителями английского и русского языков. Автор приходит к выводу, что наполнение композиционно-смысловых блоков аутентичных и неаутентичных англоязычных статей по лингвистике «существенно различаются как в части представленного в них содержания, так и с точки зрения его структурной организации» [14, с. 115]. Ученый предполагает, что выявленные различия обусловлены конвенционализированностью содержательного наполнения англоязычных аутентичных статей, которые создаются по определенной модели и имеют в своем составе определенный набор повторяющихся содержательных элементов, образующих каркас статьи.

Отсутствие же определенных элементов содержания лишает статью научного статуса. Различия в конвенциях, сложившихся в англоязычной и русскоязычной культурах, привели к тому, что «русскоязычные ученые, пишущие статьи на английском языке, следуют знакомым им правилам их содержательного наполнения и транслируют то содержание, которое принято в русской языковой культуре» [14, с. 134]. Анализируя организацию содержания, П. Б. Кузьменко обнаруживает, что аутентичные англоязычные научные тексты имеют четкую формализованную структуру с отдельными озаглавленными разделами (Introduction, Methods, Results, Conclusions). В неаутентичных англоязычных статьях выделение разделов отсутствует, а содержание предстает как линейное описание действий ученого. Помимо вышеупомянутого, П. Б. Кузьменко исследует маркеры когерентности и выявляет наиболее типичные способы их обозначения [14].

С помощью корпусного метода англоязычный и русскоязычный научный дискурс исследуется Л. А. Кочетовой и Е. Ю. Ильиной. Ученые проводят сравнительный анализ двух корпусов научно-ориентированных текстов по различным сферам знаний, выявляют типичные конструкции и частотность их употребления носителями английского языка и русскоговорящими авторами научных статей. Л. А. Кочетова и Е. Ю. Ильинова приходят к выводу, что при написании научных статей на английском языке русскоязычные авторы используют клише, именные конструкции с абстрактными существительными и номинативные конструкции без предлога, что не характерно для англоязычного академического текста. Носители русского языка чрезмерно используют глаголы в активном и пассивном залогах, в то время как для научного дискурса англоязычных авторов более характерно употребление придаточных предложений, вводимых союзом *that* и частицей *to*. Установлено, что письменная речь профессионального англоязычного дискурса русскоязычных авторов не обладает такой лексической вариативностью, как речь носителей английского языка, отмечается отсутствие дискурсивных формул с семантикой количества, а также выражений, смягчающих категоричность высказывания [15].

Вопросам репрезентации автора в научном тексте посвящено исследование С. В. Когут, которая ставит своей задачей исследовать дискурсивные маркеры в русском и немецком научных текстах с целью выявления этнокультурных особенностей. С. В. Когут приходит к выводу, что использование дискурсивных маркеров в письменных научных текстах обусловлено культурной спецификой. Сравнительный анализ русскоязычных и немецкоязычных научных текстов показал, что тексты на немецком языке более стандартизированы, это проявляется в их линейной структуре и единообразии оформления. В русскоязычных научных текстах наблюдается стремление к выражению авторской индивидуальности, в то время как немецкий научный дискурс характеризуется сдержанным проявлением авторской модальности [16].

Дескриптивно-сопоставительный анализ содержательных элементов научного дискурса представлен в работе Ю. Н. Наumenко. Автор рассматривает способы вербальной репрезентации научных категорий в англоязычном и русскоязычном научных дискурсах. На материале медицинских научно-исследовательских статей изучаются языковые единицы, маркирующие научные категории исследования (актуальность, гипотеза, цель, объект, предмет, дизайн, результаты) в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах, выявляются универсальные и национально-специфические характеристики дискурса рас-

смаатриваемых лингвокультур, определяется локализация научных категорий в тексте научной медицинской статьи. Под академическим дискурсом Ю. Н. Науменко понимает «нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, использующее определенную систему профессионально-ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения» [17, с. 8].

Ю. Н. Науменко приходит к выводу, что вербализация научных категорий обусловлена их локализацией в тексте статьи и содержательными компонентами их значения. В англоязычном и русскоязычном академических дискурсах научные категории могут быть вербализованы эксплицитно и имплицитно. Способами вербализации могут в разной степени выступать одноименные лексемы, синонимичные лексемы, лексико-семантические конструкции, позволяющие читателю понять, о каких научных категориях идет речь, лексико-синтаксические конструкции, предложные обороты, инфинитивные конструкции, лексика абстрактной общенаучной семантики. Проведенное исследование позволило автору выявить типы заголовков русскоязычных научных статей и представить их в виде синтаксических моделей [17].

В русле лингвокультурного подхода научный дискурс исследуют Л. А. Кочетова и И. В. Кононова. Авторы изучают лексические маркеры англоязычного научного дискурса различной предметной отнесенности с применением методов корпусной лингвистики. На основе интеграции количественных и качественных методов исследуется специфика дискурсивной стратегии интерпретации межличностных отношений в аутентичных научных текстах и текстах, созданных на английском языке русскоязычными авторами. Ученые делают вывод о дискурсивных стратегиях использования инклюзивного *we* в научной речи русскоязычных авторов [18].

Интегральный и лингвокультурный подходы к изучению научного дискурса предлагает Т. Н. Хомутова. Автор подчеркивает важность применения интегрального подхода, так как совокупность когнитивного, языкового, культурного и социального аспектов позволяет дать системное представление о стратегиях дискурса и обосновать их сущность [19]. В фокусе исследований находятся вопросы вербализации культурных ценностей, в частности, проблема культурной обусловленности научной лексики. Результаты ономазиологического и семасиологического анализа лексического языка программирования позволили Т. Н. Хомутовой сделать вывод о том, что частотная лексика научного дискурса английского языка культурно детерминирована. Исследования языкового материала позволяют получить информацию о системе ценностей и моделях поведения представителей научного сообщества определенной культуры. Например, представителей англоязычного научного сообщества ученый характеризует как прямолинейных, решительных, эффективных, обладающих логическим мышлением, продуктивных, толерантных, безэмоциональных [20]. Также Т. Н. Хомутова проводит сопоставительный анализ макроструктуры научных аннотаций в английском, немецком и французском языках, выделяет их универсальные и культурно-специфические особенности. Автор подробно останавливается именно на изучении макроструктуры, поскольку она является глубинным уровнем организации и поэтому влияет на другие уровни. Соглашаясь с Е. А. Баженовой в том, что научный текст следует рассматривать

с точки зрения эпистемической ситуации (научное знание), ученый определяет макроструктуру как «структурно организованный глобальный концептуальный смысл текста, который отражает способ познания мира» [21, с. 21]. В результате анализа корпусов текстов автор выявляет две модели макроструктуры научных аннотаций: «список ключевых вопросов» (краткое перечисление основных моментов статьи) и «проблема – решение» (описание проблемы, цели, гипотезы исследования, выводов). Т. Н. Хомутова обнаруживает, что в англоязычном научном дискурсе 80 % аннотаций строятся согласно схеме «проблема – решение», когда описание проблемы сопровождается подробным изложением методов и полученных выводов, и приходит к выводу, что композиционно-смысловая макроструктура аннотаций обусловлена культурными отличиями [21].

Исследованию научного дискурса в русле когнитивного подхода посвящены работы Т. Н. Хомутовой совместно с А. В. Нохриным, а также работы Т. В. Дроздовой. Т. Н. Хомутова и А. В. Нохрин проводят контрастивный анализ концептосфер «моральные ценности» в англоязычных, немецкоязычных и русскоязычных научных экологических дискурсах и исследуют языковую репрезентацию концепта «мораль» с целью выявить универсальные (не зависящие от времени, места, языка и культуры) и культурно-специфические (характерные для рассматриваемых культур и профессий) особенности. В результате исследования авторы создают интегральную модель моральных ценностей научного дискурса в виде единства четырех секторов: когнитивный, языковой, культурный и социальный; выделяют моральные концепты типичных моральных ценностей обычного человека и ученого; определяют частотность использования лексем с различными оценочными компонентами и дают обоснование числовым значениям. Проанализировав ядерную, приядерную и периферийную зоны исследуемых концептосфер, Т. Н. Хомутова и А. В. Нохрин приходят к выводу, что концептосфера каждого языка имеет культурно-специфический характер [22].

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы изучению научного дискурса посвящены работы Т. В. Дроздовой. Автор освещает реализуемые в научном тексте основные текстовые категории, сопоставляя их с текстовыми категориями художественных или публицистических произведений; изучает роль терминологической и нетерминологической лексики в построении научного текста и предлагает методику концептуального анализа терминов. Более современные работы Т. В. Дроздовой фокусируются на изучении метафоры в научном дискурсе [23].

С позиций социокультурного подхода научный дискурс рассматривает В. Е. Чернявская. Проблема представления нового знания или, с опорой на термин В. Е. Чернявской, проблема «выдвижения результата» заслуживает сегодня отдельного внимания. В. Е. Чернявская затрагивает проблемы признания научного результата социумом, выделяет стратегии популяризации науки и предлагает теоретические и практические методы, способствующие успешному вхождению авторского результата в профессиональный дискурс. Необходимость фокусирования авторского результата является как никогда актуальной задачей, поскольку одного факта опубликования недостаточно для того, чтобы новое слово в науке было замечено и услышано современным информационным обществом. В. Е. Чернявская выделяет факторы, играющие значительную роль при выдвижении научного результата и привлечении внимания читателей к новому научному знанию: эпистемическая составляю-

щая научного результата, импакт-фактор журнала, соблюдение установленной структуры порождения текста, правильное использование языковых средств для убеждения и акцентирования наиболее важных текстовых компонентов. Более того, количество цитирований рассматривается сегодняшней научной общественностью как показатель востребованности результатов исследования. В. Е. Чернявская с сожалением констатирует, что показатели публикационной активности могут повышаться искусственно и поэтому далеко не всегда отражают качество научного результата. Факторами, препятствующими продвижению научного результата в фокус внимания общественности, могут выступать объективные причины, например, несоответствие работы установленным правилам моделирования научного текста, недостаточная сфокусированность новизны, несоответствие процедуры анализа теоретическим положениям, недостаточность аргументации, неубедительность результатов исследования, а также непрозрачные социально обусловленные критерии оценки качества научного текста, например, нетолерантность людей науки к чужим идеям, не внушающий доверия возраст и статус автора [24].

Одной из целей, которую В. Е. Чернявская ставит перед собой при анализе научного дискурса, является рассмотрение соотношения нормы и отклонений от нее как проявление творческого начала при выдвижении результата. Нормативность является социальной категорией, формируется под воздействием культурно-исторической ситуации и «проявляется в использовании наиболее устойчивых, регулярно повторяющихся средств, структур, правил, форм» [24, с. 59]. Тем не менее стремление автора найти средства для оптимального выражения мысли неизбежно ведет к проявлению индивидуальности в научной речи и созданию авторского идиостиля. По мнению В. Е. Чернявской, для того чтобы получить признание, открытие должно быть связано с общепринятым знанием и быть представлено в связи с уже известным как часть научного дискурса. Что касается субъективно-личностного начала, оно должно ограничиваться условиями коммуникативной ситуации [24].

Поскольку взаимодействие науки и общества возможно только посредством научной коммуникации, ее правильное построение играет существенную роль. Текст научной статьи становится результатом взаимодействия двух процессов: создание познавательного содержания и введение его в уже существующую систему научного знания. В. Е. Чернявская анализирует исторически сложившийся коммуникативный стандарт представления научного результата, выделяет композиционно-прагматические сегменты (мыслительные этапы/коммуникативные блоки) научной работы и типичные речевые средства, позволяющие привлечь внимание читателя к полученному автором результату. Каждый из блоков несет определенную смысловую нагрузку и выполняет определенные функции в рамках общей коммуникативной задачи «представление нового авторского знания»: «характеристика предмета исследования» (обычно представлена во введении, содержит указание на предмет анализа и границы планируемого исследования); «история вопроса» (предлагает описание теоретических предпосылок, тенденций и концепций, актуализирует научную преемственность и старое знание); «постановка цели и задач исследования» (охватывает предполагаемые для рассмотрения вопросы); «формулирование проблемы» (маркируется в тексте прямой номинацией либо проблемным вопросом); «выдвижение гипотезы» (актуализируется эксплицитными средствами прямой номинации авторской новизны, лексическими сред-

ствами со значением гипотетичности, модальными глаголами, пассивным залогом); «доказательство гипотезы и описание эксперимента» (представляется в форме рассуждения, опровержения, подтверждения или обоснования и оформляется такими речевыми средствами, как прямая номинация исследовательских процедур, глаголы соответствующей семантики, инфинитивные конструкции, перечисление этапов исследования); «выводы/заключение» (оформляется стандартизированными вводными словами и словосочетаниями, маркирующими выдвижение тех фрагментов текста, которые актуализируют новое знание и его связь со старым знанием); «прогнозирование» (содержит указание на еще неоткрытое, но прогнозируемое в будущем научное знание, актуализирует информацию о том, что добавляет полученный результат к существующему знанию, и оформляется конструкциями, выражающими модальные отношения важности и необходимости, а также существительными и прилагательными соответствующей семантики); «выражение благодарности». Результаты, к которым приходит В. Е. Чернявская, наглядно подтверждают, что композиционно-прагматические сегменты характеризуются типовым содержанием, определяемым его функционально-коммуникативной нагрузкой, и вводятся в текст стандартизированными лексико-грамматическими средствами [24, 25]. Автор уточняет, что композиционно-прагматические сегменты не всегда совпадают с архитектурным членением текста, поскольку формальная структура может иметь менее дробный характер, например: *introduction, methodology and sources, results and discussion, conclusion*. Раздел введение/*introduction* часто объединяет сегменты «характеристика предмета исследования», «история вопроса», «постановка цели и задач исследования». Последовательность и состав композиционных частей может несколько варьироваться в зависимости от коммуникативно-прагматических установок автора и авторского стиля. В любом случае, как пишет В. Е. Чернявская, модель эталонного текста научной статьи представляет собой последовательность этапов мышления «постановка проблемы – идея – гипотеза – доказательство/обоснование – вывод – научный прогноз» [24, с. 82].

Ученый отдельно останавливается на роли, которую играют аннотация и ключевые слова для выдвижения результата. Аннотацию можно с уверенностью назвать одним из наиболее информативных компонентов текста. Ее главная функция – проинформировать читателя о результатах исследования и позволить ему принять решение о необходимости прочтения полного текста статьи. Правильно составленная аннотация и ключевые слова способствуют вхождению текста в научный оборот. Особенности научной коммуникации, согласно В. Е. Чернявской, обусловлены стилем научного общения, принятым в той или иной культуре. Профессор проводит сравнительный анализ германской и англо-саксонской научных традиций и определяет культурно-языковую специфику композиционной структуры изложения. В. Е. Чернявская приходит к выводу, что стратегии выдвижения результата, безусловно, культурно детерминированы. Автор, желающий опубликовать материал в зарубежном издании, но нарушивший культурно-специфические правила научного стиля, будет выглядеть чуждо и не вызовет доверия у представителей научной общественности другой культуры [24].

В рамках жанрово-стилистического подхода проводит исследования Е. Н. Малюга. Автор исследует новые тенденции англоязычного научного дискурса, формат англоязычных научных публикаций и поднимает вопросы актуальности исследования и языковой идентичности.

Проанализировав англоязычные статьи с периферийной актуальностью темы исследования, Е. Н. Малюга выделяет их ключевые особенности: сохранение познавательной функции, реализация развлекательной функции, наличие потенциала для самоидентификации автора. Ученый приходит к выводу, что познавательная функция остается приоритетной в научно-исследовательских статьях, в то время как развлекательная компонента может рассматриваться как попытка вступить в конфликт с правилами построения научного письма. С другой стороны, утверждает Е. Н. Малюга, использование определенных языковых средств для достижения комического эффекта дает автору возможность стать ближе к читателю. Е. Н. Малюга указывает на присутствие в текстах научных статей дискурсивных элементов, позволяющих авторам идентифицировать себя в научных работах. Самоидентификация автора реализуется через развлекательный компонент, при использовании местоимения 1-го лица единственного и множественного числа, через прецедентные референции [26].

Соглашаясь с перечисленными авторами в том, что научное общение и обмен информацией происходят, в первую очередь, с помощью научных текстов, хочется подчеркнуть важность проведения дальнейших исследований в данной сфере и уточнить основные понятия научного дискурса (на примере жанра научной статьи) и выделить его доминанты.

В последнее время в фокус внимания исследователей попадает изучение жанров/дискурсов в диахронии, ориентированное на освещение трансформации и эволюции коммуникативных форм речи (см., например, [27]). Историческая дискурсология становится одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений исторической лингвистики, использующим диахронический принцип в методологии дискурсивного исследования, который позволяет сопоставить дискурсивные/жанровые признаки в разные периоды их существования и выделить характеристики, приобретаемые или утрачиваемые жанрами в процессе функционирования в историческом социокультурном контексте. В настоящее время в рамках исторической дискурсологии некоторые типы дискурса получили достаточное освещение, например рекламный дискурс [27], другие все еще остаются недостаточно изученными. Научный дискурс относится к наименее исследованным с точки зрения эволюции и тенденций развития его содержательных, жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических характеристик. Изучению исторических изменений академического дискурса посвящена работа М. А. Сухомлиновой, которая проводит его периодизацию, охватывающую продолжительный период времени с 90-х гг. XX в. по настоящее время, с позиций лингвокультурного, жанрово-стилистического и исторического подходов рассматривает жанровую организацию, а также лексическое наполнение жанров научной речи [28].

Автор анализирует существующие трактовки понятия «академический дискурс»; затрагивает вопрос о его семиотической природе; классифицирует жанры академического дискурса; описывает стилистические средства, формирующие его; выявляет лингвоспецифические особенности университетского общения, определяющие национально-культурную специфику речевого поведения людей в типовых ситуациях академического дискурса; анализирует степень влияния классических (мертвых) и современных языков на современное состояние академического дискурса; выделяет тематические группы заимствованной лексики академического дискурса и рассматривает ее происхождение (лексика, номинирующая руководящий и профессорско-преподавательский состав, структурные подразделения уни-

верситета, виды учебной деятельности, степени, периоды обучения). М. А. Сухомлинова определяет академический дискурс как «совокупность устных, письменных и электронных, иерархически выстроенных жанров, функционирующих в академическом сообществе с целью осуществления регламентированной академической деятельности, основными задачами которой являются трансляция и конструирование профессиональных знаний» [28, с. 80].

К академической коммуникации М. А. Сухомлинова относит чтение лекций, изложение материала учебников, формулирование заданий, проведение экзаменов, студенческие конференции, написание и защиту дипломных работ и диссертационных исследований и т. д. Не ставя знак равенства между академическим и научным дискурсом, автор утверждает, что академический дискурс включает в себя научную коммуникацию, исследовательский и образовательный процессы. Таким образом, в академическом дискурсе выделяют учебно-педагогический и исследовательский виды, а преподаватель выполняет в университете и функцию преподавателя, и функцию ученого. М. А. Сухомлинова приходит к выводу, что современный англоязычный академический дискурс отличается наличием общеобразовательной университетской лексики, узкоспециальной и общенаучной терминологии и общепотребительной лексики. Также автор рассматривает жанровое пространство академического общения, предлагает классификацию устных и письменных жанров динамических и статических ситуаций общения. Научную статью М. А. Сухомлинова относит к наиболее распространенными письменными научно-исследовательским академическим жанрам (наряду с авторефератом и аннотацией). М. А. Сухомлинова отдельно останавливается на историческом развитии академической коммуникации в английском языке и предпринимает попытку проследить ее основные изменения на примере таких жанров, как лекция, эссе и занятие в малых группах [28].

Результаты и обсуждение. Выбор англоязычного научного дискурса в качестве объекта изучения связан с давно установившимся статусом английского языка как основного языка письменного научного общения. Как показывает анализ научной литературы, в фокус внимания исследователей попадали различные категории научного дискурса: жанрово-композиционные, содержательные, формально-структурные и коммуникативно-прагматические. Исследователи, как правило, делали акцент на изучении научной статьи или ее элементов – заголовка, аннотации. Особое внимание к жанру статьи обусловлено тем, что она входит в группу ядерных жанров научного дискурса и наряду с диссертацией, монографией и тезисами репрезентирует новое научное знание. В европейской и американской академических культурах научная статья как основная форма публикации «становится объектом ретро- и проспективной оценки, опровержения, трансформации, переосмысления только и именно как часть научного дискурса» [24, с. 28].

Вслед за В. Е. Чернявской мы рассматриваем научную статью с дискурсивных позиций и понимаем под ней текст, погруженный в ситуацию научного общения, как связный научный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами и когнитивными целеустановками автора в момент взаимодействия с адресатом, когда анализ текста предполагает выход за пределы самого письменного произведения. Научный дискурс рассматривается как родовая категория по отношению к тексту, как коммуникативный процесс, приводящий к образованию текста [25].

Научная статья является первичным жанром научного дискурса, его прототипом, в котором реализуются все его категориальные признаки. Выявление дискурсивной специфики научной статьи невозможно без проведения анализа конкретных текстов, которые являются результатом дискурсивной деятельности и могут принадлежать различным периодам в истории научного дискурса. Очевидно, что изменения контекста ведут к трансформациям в дискурсивной репрезентации знаний и изменению дискурсивных практик. В связи с этим диахроническое развитие англоязычного научного дискурса на примере жанра научной статьи представляет собой чрезвычайно интересную проблему, которая, по нашим данным, ранее не подвергалась тщательному изучению.

Заключение. В результате детального рассмотрения теоретико-методологических подходов к исследованию научного общения можно сделать вывод, что, несмотря на достаточно длительную традицию изучения научного дискурса, научная статья как жанр научного дискурса изучена недостаточно, поскольку отсутствуют детальные диахронические исследования данного жанра. Следует отметить недостаточную востребованность корпусной методологии при проведении дискурсивных исследований и при изучении языка с позиции диахронического подхода. Для более глубокого изучения проблем и тенденций развития и функционирования англоязычной научной статьи и получения целостного представления о ее особенностях необходимо провести отдельное исследование с применением корпусного подхода, который позволит выявить динамические процессы в научных дискурсивных практиках.

На повестку дня выходит задача определения и описания основных векторов развития жанра научной статьи как результата социокультурных трансформаций второй половины XX – первой четверти XXI в. Можно предположить, что характеристиками состояния общества заданного периода времени станут результаты процессов глобализации, а именно: продвижение западного стиля жизни, распространение английского языка во все лингвокультуры и подавление национальных культур, растущее культурное многообразие и плюрализм мнений, многообразие интертекстуальных связей в процессе текстопорождения. В любом случае определение тенденций развития англоязычной научной статьи представляет собой задачу, требующую проведения комплексного многоаспектного исследования и учета множества факторов. Анализ научной статьи в диахронии, проводимый с применением дискурсивно-корпусного подхода и методов корпусной лингвистики, даст возможность выявить и описать динамические процессы в области письменной научной коммуникации и проследить влияние изменений социокультурного контекста на ее функционирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стеблецова А. О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2020. Т. 19, № 5. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.1>.

2. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмоциональные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

4. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 1999.

5. Дудникова Л. В. Субдискурсивная вариативность средств реализации когезии в научном дискурсе: на материале английского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону, 2018.

6. Хутыз И. П. Особенности конструирования академического дискурса: ориентация на читателя/автора // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2015. № 1. С. 77–82.
7. Хутыз И. П. Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 86–93.
8. Хутыз И. П. Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. М.: Флинта, 2018.
9. Рябцева Н. К. Иностранный язык для академических целей: интегральное представление лингвистической информации // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. тр. В 2 т. Т. 2. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 243–250.
10. Рябцева Н. К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог. 2018. № 6. С. 32–42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42.
11. Рябцева Н. К. Термины как когнитивные доминанты в научной коммуникации и их межъязыковые соответствия // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 356–364.
12. Рябцева Н. К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.
13. Стеблецова А. О., Науменко Ю. Н. Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 161–179.
14. Кузьменко П. Б. Структурно-содержательная организация гуманитарного научного текста на английском языке (на материале публикаций по лингвистике): дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2020.
15. Kochetova L. A., Ilyinova E. Yu. English academic discourse in translinguistic context: corpus-based study of lexical markers // Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics. 2020. Vol. 19, no. 5. P. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>.
16. Когут С. В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале): дис. ... канд. филол. наук / Том. политех. ун-т. Томск, 2016.
17. Науменко Ю. Н. Маркеры научных категорий исследования: сопоставительный анализ способов вербализации: дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2021.
18. Kochetova L. A., Kononova I. V. Corpus-Based Contrastive Study of Discursive Strategy of Construing Interpersonal Relations in English Language Academic Discourse // J. of Siberian Federal Univ. Humanities and Social Sciences. 2022. № 15 (10). P. 1516–1523. DOI: 10.17516/1997-1370-0353.
19. Хомутова Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2015. Т. 12, № 3. С. 15–22.
20. Хомутова Т. Н. Вербализация культурных ценностей в англоязычном научном дискурсе // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы междунар. науч. конф., Тяньцзинь, 16 ноября 2018 г. Тяньцзинь: Тяньцзиньский ун-т иностранных языков, 2019. С. 271–279.
21. Хомутова Т. Н., Силкина О. М. Макроструктура научной аннотации // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2018. Т. 15, № 4. С. 21–30. DOI: 10.14529/ling180404.
22. Нохрин А. В. Вербализация моральных ценностей в научном экологическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Южно-Урал. гос. ун-т. Челябинск, 2019.
23. Дроздова Т. В. Научный текст и проблемы его понимания: на материале англоязычных экономических текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т языкознания РАН. Москва, 2003.
24. Чернявская В. Е. Научный дискурс: выдвигание результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017.
25. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

26. Малюга Е. Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 58. С. 52–70. DOI: 10.17223/19986645/58/4.

27. Кочетова Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013.

28. Сухомлинова М. А. Современный англоязычный академический дискурс: генезис и жанровая специфика. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2018.

Информация об авторе.

Миронова Марина Юрьевна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 53 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурс, лингвокультурология, корпусная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.12.2022; принята после рецензирования 10.01.2023; опубликована онлайн 24.04.2023.*

REFERENCES

1. Stebletsova, A.O. (2020), "Academic Discourse in Western Research at the Turn of the 21st Century: Evolution of Approaches and Concepts", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 19, no. 5, pp. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.1>.

2. Karasik, V.I. (1998), "About the categories of discourse", *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* [Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty], Peremena, Volgograd, RUS, pp. 185–197.

3. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Volgograd, Peremena, RUS.

4. Mikhailova, E.V. (1999), "Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse (na materiale statey) [Intertextuality in scientific discourse (based on articles)], Can. Sci. (Philology) Thesis, Volgograd State Pedagogical Univ., Volgograd, RUS.

5. Dudnikova, L.V. (2018), "Sub-discursive variability of means of realization of cohesion in scientific discourse: on the material of English and French", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Southern Federal Univ., Rostov-na-Donu, RUS.

6. Khutyz, I.P. (2015), "Features of the academic discourse designing: orientation to the reader / author", *Vestnik of Maikop State Technological Univ.*, no. 1, pp. 77–82.

7. Khutyz, I.P. (2016), "Linguo-cultural Traditions in Academic Discourse: Construction Specifics", *MCU J. of Philology. Theory of linguistics. Linguistic education*, no. 3 (23), pp. 86–93.

8. Khutyz, I.P. (2018), *Akademicheskii diskurs: kul'turno-spetsificheskaya sistema konstruirovaniya i translyatsii znanii* [Academic discourse: a culturally specific system of constructing and translating knowledge], Flinta, Moscow, RUS.

9. Riabtseva, N.K. (2017), "Foreign language for academic purposes: integral representation of linguistic information", *Magiya INNO: Novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike* [The magic of INNO: New dimensions in linguistics and linguodidactics], vol. 2, pp. 243–250, MGIMO Univ., Moscow, RUS.

10. Riabtseva, N.K. (2018), "Academic papers titles: a Russian - English perspective", *Nauchnyy dialog*, no. 6, pp. 32–42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42.

11. Riabtseva, N.K. (2021), "Terms as cognitive dominants in scientific communication and their cross-linguistic equivalents", *Cognitive studies of language*, no. 1 (44), pp. 356–364.

12. Riabtseva, N.K. (1992), "Mental performatives in scientific discourse", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 12–28.

13. Stebletsova, A.O. and Naumenko, Yu.N. (2019), "Titles of English and Russian research articles: discursive and cognitive features", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ, Humanitarian Sciences*, iss. 4 (820), pp. 161–179.

14. Kuz'menko, P.B. (2020), "Structural and content organization of a humanitarian scientific text in English (based on publications on linguistics)", Can. Sci. (Philology) Thesis, Voronezh State Univ., Voronezh, RUS.

15. Kochetova, L.A. and Ilyinova, E.Yu. (2020), "English academic discourse in translanguistic context: corpus-based study of lexical markers", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 19, no. 5, pp. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>.

16. Kogut, S.V. (2016), "Discursive markers in a scientific text: ethno-cultural and discursive aspects (in Russian and German language material)", Can. Sci. (Philology) Thesis, Tomsk Polytechnic Univ., Tomsk, RUS.

17. Naumenko, Yu.N. (2021), "Markers of scientific research categories: comparative analysis of verbalization methods", Can. Sci. (Philology) Thesis, Tver State Univ., Tver, RUS.

18. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2022), "Corpus-Based Contrastive Study of Discursive Strategy of Construing Interpersonal Relations in English Language Academic Discourse", *J. of Siberian Federal Univ. Humanities and Social Sciences*, 15 (10), pp. 1516–1523. DOI: 10.17516/1997-1370-0353.

19. Khomutova, T.N. (2015), "Strategies of Research Discourse: an Integral Approach", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, vol. 12, no. 3, pp. 15–22.

20. Khomutova, T.N. (2019), "Verbalization of cultural values in English-language scientific discourse", *Cultural values in linguistic consciousness and communicative practice, International Conference Proceedings*, Tianjin, November 16, 2018, Tianjin Foreign Studies Univ., Tianjin, CHN, pp. 271–279.

21. Khomutova, T.N. and Silkina, O.M. (2018), "The macrostructure of a scientific abstract", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, vol. 15, no. 4, pp. 21–30. DOI: 10.14529/ling180404.

22. Nokhrin, A.V. (2019), "Verbalization of moral values in scientific ecological discourse", Can. Sci. (Philology) Thesis, South Ural State Univ., Chelyabinsk, RUS.

23. Drozdova, T.V. (2003), "Scientific text and problems of its understanding: based on the material of English-language economic texts", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Institute of Linguistics RAS, Moscow, RUS.

24. Chernyavskaya, V.E. (2017), *Nauchnyi diskurs: Vydvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema* [Scientific discourse: The promotion of results as a communicative and linguistic problem], LENAND, Moscow, RUS.

25. Chernyavskaya, V.E. (2007), *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpretation of a scientific text], Izd-vo LKI, Moscow, RUS.

26. Malyuga, E.N. (2019), "New trends in English-language scientific discourse: issues of relevance of research and linguistic identity", *Tomsk State Univ. J. of Philology*, no. 58, pp. 52–70. DOI: 10.17223/19986645/58/4.

27. Kochetova, L.A. (2013), *Angliiskii reklamnyi diskurs v dinamicheskom aspekte* [English advertising discourse in a dynamic aspect], Izd-vo VolGU, Volgograd, RUS.

28. Sukhomlinova, M.A. (2018), *Sovremennyi angloyazychnyi akademicheskii diskurs: genezis i zhanrovaya spetsifika* [Modern English-language academic discourse: genesis and genre specifics], Izd-vo Yuzhnogo feder. un-ta, Rostov-na-Donu, Taganrog, RUS.

Information about the author.

Marina Yu. Mironova – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the English Language Department № 2, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 53 scientific publications. Area of expertise: discourse studies, cross-cultural studies, corpus linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.12.2022; adopted after review 10.01.2023; published online 24.04.2023.

Оригинальная статья

УДК 811.112.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-156-168>

Лингвокультурная составляющая в дискурсе о пандемии коронавируса (на материале немецких юмористических текстов и метафор)

Нэлла Аркадьевна Трофимова¹, Янис Ашотович Манукян^{2✉}

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹n.a.trofimova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

^{2✉}manukyanyanis@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6117-8166>

Введение. Статья посвящена лингвокультурному изучению текстов юмористического содержания / метафор, появившихся в немецком языке в период пандемии COVID-19. Научная новизна исследования состоит в ранее не проводившемся изучении лингвокультурной специфики немецкоязычного юмора в контексте пандемии коронавируса. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению национальной специфики юмора.

Методология и источники. Исследование проведено в рамках лингвокультурологического подхода с использованием методов описания, сравнения, интерпретативного анализа. Иллюстративный материал описан и интерпретирован как продукт речевого самовыражения индивида, маркирующего и оценивающего себя и происходящее в границах своей (этно)культуры.

Результаты и обсуждение. Основной тематической доминантой в дискурсе о пандемии COVID-19 становится «мы и они в условиях новой реальности». Исследование показало: для пандемического дискурса характерны экспрессивность и аксиологичность, ирония и самоирония, стереотипизация и интерпретация себя и своего сквозь призму чужого. Пандемия/самоизоляция → стресс → карнавализация сознания репрезентируют рядового немца как личность, преодолевающую действительность и оценивающую ее с опорой на этнокультурные представления о нормах и моделях поведения в определенных обстоятельствах (концепт *Ordnung*). Некоторые контексты иллюстрируют ироничное переосмысление концепта *Sicherheit*.

Заключение. Репрезентация действительности конструируется с опорой на ментальность и национальные стереотипы; в рамках немецкой культуры контексты выявили разграничение культур, на уровне этнокультурного сопоставления – противоречие культурных кодов.

Ключевые слова: пандемический дискурс, коронавирус, лингвокультура, ментальность, (немецкий) юмор, (само)ирония

Для цитирования: Трофимова Н. А., Манукян Я. А. Лингвокультурная составляющая в дискурсе о пандемии коронавируса (на материале немецких юмористических текстов и метафор) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 156–168. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-156-168.

© Трофимова Н. А., Манукян Я. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Linguistic and Cultural Component in Pandemic Coronavirus Discourse (German Humorous Texts and Metaphors)

Nella A. Trofimova¹, Yanis A. Manukyan²✉

^{1,2}Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

¹n.a.trofimova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

²✉manukyanyanis@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6117-8166>

Introduction. This article is devoted to the linguocultural study of humorous texts/metaphors which appeared in German during the COVID-19 pandemic. The scientific novelty of the study lies in the previously unexplored study of the linguocultural specificity of German-language humour in the context of the coronavirus pandemic. The relevance of the research is due to the interest of modern linguistics in the study of national specificity of humour.

Methodology and sources. The research is conducted within the framework of the linguocultural approach using descriptive, comparative and interpretative analysis methods. The illustrative material is described and interpreted as a product of an individual's speech self-expression, marking and evaluating himself and what is happening within the boundaries of his (ethno)culture.

Results and discussion. The main thematic dominant theme in the COVID-19 pandemic discourse is “us and them in the context of the new reality”. The study showed: the pandemic discourse is characterised by expressiveness and axiology, irony and self-irony, stereotyping and interpretation of self and self through the prism of others. Pandemic / self-isolation → stress → carnivalisation of consciousness represent the average German as a person who overcomes reality and evaluates it on the basis of ethno-cultural ideas about norms and patterns of behaviour in certain circumstances (the concept Ordnung). Some contexts illustrate an ironic reinterpretation of the concept of Sicherheit.

Conclusion. The representation of reality is constructed on the basis of mentality and national stereotypes; within German culture, the contexts reveal a cultural distinction and, on the level of ethno-cultural comparison, a contradiction of cultural codes.

Keywords: pandemic discourse, coronavirus, linguoculture, mentality, (German) humor, (self)irony

For citation: Trofimova, N.A. and Manukyan, Ya.A. (2023), “Linguistic and Cultural Component in Pandemic Coronavirus Discourse (German Humorous Texts and Metaphors)”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 156–168. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-156-168 (Russia).

Введение. Обзор научных работ, выполненных на материале немецкого языка, показывает, что особенности комического лингвокультурного кода рассматривались исследователями, как правило, на примере текстотипа «анекдот» и анализировались с позиций жанровых особенностей (структура, тематика, проблематика, основные персонажи). Исследователи утверждают, что тематическая доминанта немецкого анекдота схожа с русской (отношения между полами, дети, профессия, иностранцы, блондинки), но несколько иначе воплощается в национальных анекдотах – высмеиваются те черты, которые не соответствуют привычному для немецкой культуры поведению [1, с. 39–40; 2, с. 127–129]. Взгляд на персонажей анекдотов показывает, что немцы смеются над популярными политиками, представителями шоу-бизнеса, скандальными персонажами, смеются просто над собой и

над представите-лями других этнокультур, при этом стереотипные представления об этнокультурных особенностях не всегда являются положительными или нейтральными по коннотации [3, с. 169]. В отдельных работах анализируется композиционная структура текстотипа «анекдот», приводятся различные типологии анекдотов (по типичному главному герою, по типизированной форме воспроизведения и т. п.) [4].

В центре внимания данной работы иной исследовательский вектор, он основывается на идее определения сути юмора как качества «ментальной репрезентации» – мысленной представленности окружающего мира в индивидуальном/групповом сознании [5, с. 209]. Мы исходим из положения о том, что «сущность смешного остается во все века одинаковой, однако преобладание тех или иных черт в “смеховой культуре” позволяет различать в смехе национальные черты и черты эпохи» [6, с. 7]. Задачей определить национально-культурные маркеры в юмористических текстах и новых метафорических единицах, появившихся в немецкоязычном интернет-пространстве в период пандемии COVID-19, и задались авторы настоящей статьи.

Исследование продолжает изучение авторами мировидения (*Weltansicht*) рядового немца сквозь призму шуток о пандемии COVID-19 (*Pandemiewitze*). В предыдущей статье нами было отмечено: шутки о пандемии являются результатом особого мировосприятия личности, находящейся в условиях опасности и неопределенности, и защитной реакцией на переживаемый коллективный стресс; «ковидный» юмор выступает как диагност «заболеваний», сопутствующих распространению мер по борьбе с коронавирусной инфекцией: самоизоляция послужила поводом для ироничного переосмысления супружеских, детско-родительских отношений; дистанционное образование оценивается резко отрицательно; состояние некоторых членов социума осмысливается как психическое заболевание; новая действительность моделируется не без влияния этнокультурных факторов и стереотипов [7].

Цель настоящего исследования заключается в изучении лингвокультурной специфики немецкого юмора в контексте пандемии коронавируса. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению национальной специфики юмора. Научная новизна исследования заключается в ранее не проводившемся изучении лингвокультурной специфики немецкоязычного юмора в контексте пандемии COVID-19.

Методология и источники. Работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода с использованием методов описания, сравнения, интерпретативного анализа. Иллюстративный материал анализируется в работе как продукт речевого самовыражения человека, маркирующего и оценивающего себя, других и реальность в границах своих (этно)культурных традиций. Объектом изучения являются юмористические тексты (*Witze*), метафоры о пандемии; в качестве предмета исследования рассматриваются их лингвокультурные характеристики.

Существенное влияние на ход анализа повлияли некоторые положения, высказанные в трудах И. В. Вержинской [8]; Е. В. Бабаевой [9]; М. А. Кулинич [10]; В. А. Масловой [11]; Т. С. Медведевой, М. В. Опарина, Д. И. Медведевой [12]. Эти исследователи указывают: к немецким культурным стандартам относятся ориентация на выполнение конкретных задач, значимость правил, внутренний контроль за соблюдением правил, долгосрочное планирование; в данных культурных стандартах отражается связь с такими ключевыми кон-

цептами немецкой культуры, как *Ordnung* и *Sicherheit* [12, с. 16]; языковая информация о системе ценностей характеризует особенности мировосприятия народа [11, с. 51]; ценности и нормы находят выражение в семантике языковых единиц и коммуникативной деятельности представителей культурно-языкового сообщества [9, с. 5]; юмор является национально-культурно обусловленным феноменом [8, с. 10]; этнокультурные особенности юмора определяются особенностями национального характера, общественного устройства и проявляются прежде всего в тематике юмористических текстов [10, с. 5].

Результаты и обсуждение. Уже с самого начала пандемии COVID-19 носители немецкого языка стали реагировать на сложную ситуацию, используя различные шуточные обозначения. Актуализировавшийся архетип «пира во время чумы» породил бесчисленное множество мемов, шуток, анекдотов. Подобное вербальное поведение в сложных жизненных обстоятельствах вполне закономерно: негативные переживания требуют языковой проработки – названия и интерпретации [13, с. 23]; юмор позволяет посмотреть на других и на себя отстраненно, что дает возможность расширять и сжимать «рамку», через которую индивид смотрит на ситуацию, формирует дистанцированность по отношению к проблеме и способность смотреть на нее с разных точек зрения. В результате снижается озабоченность [14, с. 101]. *Неслучайно* механизмы словотворчества оказались сопоставимы в целом ряде языковых культур [15, с. 573].

Однако, как показало дальнейшее исследование, «ковидный» юмор проявил не только наднациональные законы развития и функционирования юмористической картины мира, но и отразил этнокультурную юмористическую специфику. Порой самым неожиданным образом шутки/метафоры о пандемии COVID-19 отражают важные элементы национальной культуры, которые можно синтезировать в несколько исследовательских проекций, объединенных общим понятием «*Selbstbild*» (представление о самом себе): 1) *Hamsterkauf* (хомячизм); 2) *Sei kein Nasenpimmel!* (Не будь!..); 3) *Selbsteinschätzung* (самооценка). Обратимся к рассмотрению этих исследовательских векторов.

1) *Hamsterkauf*. «Коронаюмор» обнаруживает способность разобщать людей (аналогичное явление, например, наблюдается в русском языке: по отношению к коронавирусной инфекции различают *ковидопессимисты*, *ковидоскептики*, *ковидодиссиденты* и *ковидигисты* / *ковидопофигисты*; во время самоизоляции появились *погуляницы* (нарушители режима) и *сидидомцы* (соблюдающие ограничения)) [16, с. 897–898]. Так, оценка, данная поведению сограждан, как безумные скупающих продукты и прочее, позволяет говорить об условном разделении немецкого общества на «*умных*» (= *смеющиеся*; авторы шуток) и «*глупых*» (= *осмеянные*; персонажи шуток) [7, с. 227]. Эта оценка репрезентирована в лексемах *hamster*, *Hamsterkauf* [17] *Hamsteritis*, *Zellstoffhamster* [18]. В основе переносного значения данных лексем лежат характеристики животного, ставшего сферой-источником переноса: хомяк отличается способностью запасать впрок большое количество пищи. Согласно Келлерхоффу, лексема *Hamsterkauf* не нова, она известна в немецком языке с 1914 г. В годы Второй мировой войны активно использовался агитационный плакат М. Эшле *Hamsterin, schäme dich!* («Стыдись, хомячиха!») [19, с. 47]. Пандемия коронавируса опять актуализировала понятие *Hamsterkauf*: основным товаром первой необходимости, который немцы в начале пандемии закупали в огромных количествах, стала туалетная бумага. Но если в лексемах *hamster*, *Hamsterkauf* прослеживается лишь шуточная оценка, то лексема *Hamsteritis*,
Лингвокультурная составляющая в дискурсе о пандемии коронавируса (на материале немецких... 159
Linguistic and Cultural Component in Pandemic Coronavirus Discourse (German Humorous Texts and...

образованная по аналогии с *gastritis* (гастрит), *nephritis* (нефрит), в своей глубинной структуре содержит сему «болезнь». Таким образом, запасливость/предусмотрительность и болезнь в обыденном языковом сознании синонимизировались, и номинация *Zellstoffhamster* («целлюлозный хомяк», т. е. немец, который запасается большим количеством туалетной бумаги), имеет в условиях пандемии уже не шутливую, а отрицательную аксиологическую интерпретацию.

Приведем другие примеры (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации; перевод наш): *Der Idiotismus verbreitet sich noch schneller als mancher Virus* [20] – Идиотизм распространяется быстрее, чем иной вирус / *Mama, wie lange dauert die Quarantäne? Sei still und iss deine Nudeln mit Toilettenpapier* [21] – Мама, как долго продлится коронавирус? Сиди тихо и ешь свои макароны с туалетной бумагой / *Wir werden alle sterben, aber nicht an CORONA, sondern weil die ganzen Idioten die Läden leer kaufen. WIR WERDEN VERHUNGERN* [22] – Мы все умрем, но не от коронавируса, а от голода в результате опустошительных «набегов» идиотов на магазины / *An alle, die jetzt genug Klopapier und Nudeln haben: nächste Woche gibt's beim Metzger Hirn im Angebot* [23] – Всем, у кого сейчас достаточно туалетной бумаги и макарон: на следующей неделе у мясника будут в продаже мозги.

Ироничный образ запасливого немца показывает пародийное переосмысление четверостишия из баллады «Лесной царь» („*Erlkönig*“) Гете:

Wer hamstert so spät bei Nacht und Wind? / Кто так поздно «хомячит» ночью в непогоду?

Es ist der Deutsche, der wieder spinnt. / То немец, который снова сходит с ума.

Er hat die Nudeln wohl in dem Arm / В руке у него, вероятно, лапша

Und Toilettenpapier für seinen Darm [21]. / И туалетная бумага для нужд кишечника.

Полагаем, что синдром чрезмерной запасливости в известной степени носит наднациональный характер, он репрезентирован и в других языках, например, паникер, скупающий продукты и прочее, обозначен как *ковидиот* в русском языке, *covidiot* в английском языке [16]. А. Бергсон называет такое явление «комическое характера», т. е. то, что является смешным для каждого, независимо от его национальности [24]. Этнокультурную специфику немецким шуткам придает сравнение списка закупок в период локдауна в разных странах. Проиллюстрируем сказанное: *In Frankreich sind Rotwein und Kondome aus den Regalen verschwunden – und hier? Klopapier und Nudeln! Andere Länder, andere Sitten* [25] – Коронавирус: во Франции с полок исчезли красное вино и презервативы. А здесь? Туалетная бумага и макароны! Другие страны, другие нравы; *In Frankreich werden Kondome und Rotwein knapp. In Deutschland werden Nudeln und Klopapier knapp. Jedes Land geht anders mit der Krise um* [21] – Во Франции заканчиваются презервативы и красное вино. В Германии не хватает макарон и туалетной бумаги. Каждая страна по-разному справляется с кризисом; *In Deutschland gibt es Engpässe beim Toilettenpapier. In Frankreich werden Kondome und Rotweinknapp. Im Ergebnis verbringt jede Nation ihren Weltuntergang halt anders* [26] – В Германии есть недостаток туалетной бумаги. Во Франции не хватает презервативов и красного вина. Вывод: каждая нация проживает конец света по-своему; *Die Österreicher prügeln sich um Klopapier, Nudeln und Mehl und in Frankreich werden Wein und Kondome*

knapp. Da weiß man, wo die Welt im Ernstfall schöner untergeht [27] – Австрийцы борются за туалетную бумагу, макароны и муку, а во Франции не хватает вина и презервативов. Там люди знают, где в случае реальной опасности мир закончится прекраснее. Подчеркнем, что в шутках французы не осуждаются за легкомыслие, немцы иронично сетуют на особенности своего менталитета.

Самоиронию в отношении сугубо немецких сценарных фреймов во время пандемии иллюстрирует и другой контекст:

Hamsterkäufe: / Закупки «хомяков»:

USA: Medikamente und Waffen, / США: лекарства и оружие,

Italien: Zigaretten und Grappa, / Италия: сигареты и граппа,

Frankreich: Kondome und Rotwein, / Франция: презервативы и красное вино,

Holland: Haschisch und Käse, / Голландия: гашиш и сыр,

Schottland: Whisky, / Шотландия: виски,

Deutschland: Klopapier und Mehl. / **Германия: туалетная бумага и мука.**

Ich bin im falschen Land!! [28] / **Я не в той стране, что мне нужна!!**

В данной шутке четко выражается *сожаление* о своей принадлежности к скучной и прагматичной немецкой нации.

Думается, что приведенные метафоры, как и юмористические контексты, имплицитно иллюстрируют шутивно-ироничное переосмысление концепта *Sicherheit*, который в немецкой этнокультуре определяется как отсутствие физической и социальной опасности, состояние психической и духовной уравновешенности, отсутствие внутренней растерянности. *Sicherheit* содержит чувство защищенности, дает ясное представление о том, *что нужно / не нужно делать*. Характеристиками немецкого менталитета являются *Sicherheitsverlangen* и *die tiefe Sehnsucht nach Sicherheit*, которые отражают страх перед будущим или недостаток уверенности [12, с. 72–73]. Подобная потребность в *Sicherheit* особенно актуализировалась в сознании какой-то части общества в период пандемии коронавируса, когда индивидом овладели страх, растерянность, депрессия. Авторы шуток подвергают осмеянию немецкое стремление к стабильности, доведенное какой-то частью немецкого общества до абсурда.

2) *Sei kein Nasenpimmel!* В данном тематическом фрейме нами анализируются юмористические метафоры, обозначающие гигиенические маски. В случае с рассматриваемыми лексемами мы видим свободное манипулирование «низовыми» понятиями, как, например, в метафоре *Nasenpimmel*, которая называет спущенную на подбородок маску. Метафора *Nasenpimmel* (производная от нее лексема *Nasenpimmler/in* – тот (та), который (-ая) носит маску на подбородке) вербализирует карикатуру, на которой изображен торчащий над маской нос, иронично отождествляемый с мужским половым органом над спущенным нижним бельем. Карикатура хорошо известна в мировом интернет-пространстве, однако наибольшую популярность она приобрела именно в немецкоязычной сети. Так, например, высказывание с императивной семантикой *Sei kein Nasenpimmel! Trag eine Maske! Trag sie richtig!* [29] (Не будь!.. Носи маску! Носи ее правильно!) пополнилось следующим синонимическим рядом: *Maske über die Nase! – Sei kein Pimmelgesicht!* [30] / *Wenn du deine Maske so trägst... Ist so als würdest du die Unterhose so tragen ...also bitte Maske richtig tragen*

[31] / *Wenn du deine Maske so trägst... kannst du deine Unterhose so tragen* [32] / *Wenn du deine Maske so trägst, trägst du deine Unterhose auch so?* [33].

Полагаем, что функционирование столь откровенной метафоры, так полюбившейся интернет-пользователям в Германии, имплицитно связано с концептом *Freikörperkultur* – нагое тело как право быть равным с другими (нагими) членами общества. Думается, что эта сугубо немецкая концепция «свободного тела» опосредованно реализуется и в нетабуированном использовании наименований гениталий, которые рассматриваются как любая другая часть тела и поэтому избавлены от восприятия как нечто постыдное, неприличное, запретное и не предназначенное для чужого взгляда.

Нами также высказывается предположение, что в ситуации функционирования метафоры *Nasenpimmel* (ср. с императивами, приведенными выше) проявляется немецкий концепт *Ordnung* – важнейший компонент системы ценностных ориентаций немецкой культуры. При этом сам немец часто исходит из когнитивной формулы «*порядок* → *прямая польза человечеству*». Нарушение обусловленных сложной эпидемиологической ситуацией правил поведения осмеивается и порицается (ср., например, с такими лексемами, как *Schnutenpulli* [34] – «джерпер для рта», насмешливое обозначение сшитых вручную масок, которые не соответствуют медицинским стандартам; *Nacktnase* [Ibid.] – «голоносый», тот, кто носит маску, закрывая только рот). Порицание выражается в иронических метафорах, которые являются инструментом обличения и побуждения включиться в установленный правилами порядок. Интересные наблюдения по этому поводу приводит С. В. Буренкова: «...объектом немецкого юмора становятся отклонения от привычных стереотипов поведения, закрепившиеся за жителями отдельных регионов Германии. Тем самым шутки выступают своеобразным способом интерпретации и оценки норм и ценностей немецкого общества сквозь призму их нарушений» [1, с. 40].

Осмеяние в рамках модуса «*порядок – непорядок*» косвенно кодируется и в метафоре *Gesichtsschlüpfer* [34], обладающей несколько меньшей степенью интенсивности порицания. Перенос основан на сравнении спущенной маски с предметом нижнего белья, как бы надетого на подбородок. В использовании этой метафоры также прослеживается ироничное подтрунивание над ненадлежащим исполнением гражданского долга. Аналогичная оценка прослеживается и в метафорах *Kinnschoner* [Ibid.] («чехол для подбородка»), *Kinnwärmer* [Ibid.] («грелка для подбородка»), тоже обладающих культурной специфичностью – именно потому, что в их глубинной семантике скрыто присутствует интенция назидания, призыв следовать правилам.

3) *Selbsteinschätzung*. Отражением текущей ситуации пандемии стали шутки, в которых обыгрываются политические реалии недавнего прошлого Германии – авторы юмористических текстов, размещая их в сети, включаются в публичное обсуждение общественно-политических тем здесь и сейчас [15, с. 101]. Полагаем, что такого рода сатира, поднимающая традиционные для ГДР дискурсы (экономический дефицит, внутренняя и внешняя политика, ограничения на зарубежные поездки), может быть интерпретирована как своего рода «барометр» общественного мнения, показывающий проблему отношений государственной власти и гражданского общества, границы власти в условиях ограничений в период коронавируса. Проиллюстрируем сказанное.

Обстановка в период пандемии COVID-19 иронично сравнивается с экономической и политической обстановкой в ГДР: *Grenzen dicht, Regale leer, willkommen in der DDR!* [35] – Границы закрыты, полки пусты, добро пожаловать в ГДР; *Corona: Die DDR-Mottowochen sind ein voller Erfolg!!!! – leere Supermarktregale – keine Auslandsreisen – beschränktes Kulturangebot – ausgelaugte Wirtschaft* [36] – Коронавирус: «Тематические ГДР-недели» – вот настоящий успех!!!! – пустые полки в магазинах – запрет на поездки за границу – ограниченные культурные предложения – истощенная экономика. Немцы, которые еще помнят условия жизни в Восточной Германии, констатируют: «диктатура» пандемии превзошла политические требования того времени. Отмечается, что нынешнему правительству удалось вернуть немцев во времена ГДР: даже председателю СЕПГ – главной политической партии ГДР – Э. Хонеккеру не могла прийти в голову идея ограничить поездки внутри страны: *Reiseverbote innerhalb des Landes – RESPEKT! – das hätte sich nicht mal Erich getraut* [37].

Осмеянию, как уже было отмечено выше, подвергаются такие ментальные качества, как стремление к порядку, которое часто реализуется в формализованности отношений человека и общества, обилии самых разнообразных правил, которые добропорядочные немцы неукоснительно выполняют. Об этом свидетельствует шутка, иллюстрирующая тотальную бюрократию в Германии: *Warum gibt es noch keine deutsche Corona-Mutation? Da fehlt noch ein Formular* [38] – В Германии и коронавирус должен действовать по установленным правилам: на собственную мутацию ему следует получить разрешение и заполнить специальные документы. Или: *Vorsicht!! Bei Witzen über Corona-, Klima- und Flüchtlingskrise droht Anzeige!!! Warum? – Wegen Störung der öffentlichen Unordnung* [39] – Осторожно!! Шутки о коронавирусе, климатическом кризисе и кризисе с беженцами угрожают доносом!!! Почему? – За нарушение общественного порядка. Другой пример автостереотипа – обусловленная особенностями географии региона шутка о северных немцах: *Schleswig-Holstein: hier stirbt das Virus vor Langeweile*. Жители других регионов Германии уверены, что коронавирус не сможет выжить в земле Шлезвиг-Гольштейн, он просто умрет от скуки (коронавирус распространяется в условиях скопления людей, чего север Германии при невысокой плотности населения и больших расстояниях между населенными пунктами никак не может обеспечить).

Объектом шутливого самопародирования выступают фонетические особенности саксонского диалекта: *Alle Kinder haben Corona, nur nicht Andy, er hat Andykörper* [40]. Это шутка из серии *Alle Kinder*, героями которых являются все дети (*alle Kinder*), выполняющие какое-то действие, и один, не принимающий в нем участия из-за происхождения с ним злключения. Шутка построена на языковой игре с фонетическими особенностями саксонского диалекта – звонким произнесением глухого [t], в результате чего приставка *anti-* становится созвучной имени собственному *Andy*.

Шутки из серии *alle Kinder* можно отнести к категории «винтажных». Этот лаконичный юмор, вложенный в короткую рифмованную фразу, создается всегда по одному и тому же синтаксическому образцу: рифмуются имя героя и название злключения, которое, как правило, заканчивается печально. Пандемия как ситуация социального напряжения актуализировала новые образцы такого специфического юмора. Приведем некоторые примеры, построенные на рифме “*Mona – Corona*” [41]: *Alle Kinder spielen auf dem Spielplatz, nur*

nicht Mona, die hat Corona / Alle Kinder sind gesund außer Mona, die hat Corona / Alle Kinder haben Angst vor Corona, nur nicht Mona, die liegt im Koma / Alle Kinder baden, außer Mona, die hat Corona.

Юмор о пандемии реализуется в еще одной серии шуток – в шутках о масках с обязательным элементом *Keine Ahnung, der trug eine Maske*. Структурно такая шутка представляет собой вопрос о том, кто совершил некоторое действие, и ответ на вопрос в виде приведенного клише. Это тоже анекдоты из категории типично немецких, понятных только носителям культуры. Приведем пример: считается, что локдауны в начале пандемии стали причиной большого беби-бума. Не прошло и года, как стали рождаться так называемые «корона-дети» (*Coronakinder*). Шутка в связи с этим [42]:

Nach 9 Monaten Coronazeit:

Arzt: “Und, wer ist nun der Vater?”

Mutter: “Ich habe keine Ahnung, er trug eine Maske.”

Заключение. Исследование показало, что юмор в эпоху пандемии коронавируса, кардинально изменившей привычную для каждого из нас жизнь, проявил не только общие законы глобальной юмористической картины мира, но и высветил свойственную этому конкретному социуму культурную специфику. Рассмотрение объекта исследования в рамках отдельно взятого немецкого этноса дает основания полагать, что репрезентация пандемической действительности в юмористических текстах конструируется с опорой на особенности немецкой ментальности (призыв следовать правилам, стремление к безопасности и шире – осмеяние в рамках модуса «*порядок – беспорядок*») и национальные стереотипы (модус «*мы* (скучные и предсказуемые) *и они* (веселые и умеющие получать удовольствие от жизни даже в период пандемии COVID-19)»). Можно утверждать, что в рамках своей культуры рассмотренные контексты иллюстрируют разграничение культур, а на уровне этнокультурного сопоставления – противоречие культурных кодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буренкова С. В. Жанровые особенности немецких анекдотов // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 38–41.
2. Собянина В. А. Языковая репрезентация этностереотипов в немецких анекдотах и шутках (на примере интернет-сайтов) // Изв. Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (124). С. 125–130.
3. Романова Е. В. Немецкий юмор: лингвистический и культурологический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). С. 168–172.
4. Новикова Е. В., Евтугова Н. Н. Лингвокультурные особенности немецких анекдотов // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2021. № 3 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-osobennosti-nemetskih-anekdotov> (дата обращения: 15.10.2022).
5. Семенова Т. В. Социальная психология комического: социальное познание, компетентное общение, эмоциональная регуляция, личностное саморазвитие, теоретико-эмпирические исследования. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2009.
6. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. М. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
7. Манукян Я. А., Трофимова Н. А. Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 6. С. 218–234. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-218-234.

8. Вержинская И. В. Лингвокультурологический анализ британской и американской юмористической фэнтези: на материале произведений Т. Пратчетта и Ш. Теппер: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чел. гос. ун-т. Челябинск, 2012.

9. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004.

10. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... д-ра культурол. наук / Волгоград. пед. гос. ун-т. Москва, 2000.

11. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.

12. Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011.

13. Харченко В. К., Коренева Е. Ю. Язык фрустрации: М. Ю. Лермонтов, М. Горький, О. Уайльд, С. Есин. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2007.

14. Кулинич М. А. Пандемия в зеркале англоязычного и русскоязычного юмора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 99–110. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-3-99-110.

15. Русский язык коронавирусной эпохи / Т. Н. Буцева, Х. Вальтер, И. Т. Вепрева и др. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

16. Северская О. И. Ковидиоты на карантинулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 887–906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

17. Hamstern in Coronazeiten. Der Klopapier-Index // Taz.de. 20.10.2020. URL: <https://taz.de/Hamstern-in-Coronazeiten!/5721253/> (дата обращения: 10.10.2022).

18. Пандемия дала немецкому языку 1200 неологизмов // Inbusiness.kz. 24.02.2021. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/pandemiya-dala-nemeckomu-yazyku-1200-neologizmov> (дата обращения: 12.10.2022).

19. Смирнова М. А. Словотворчество как основа создания новой мифологемы пандемии коронавируса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 6. С. 44–53.

20. Coronavirus Sprüche Witzig Und Lustig // Statussprueche.net. URL: <https://statussprueche.net/coronavirus-sprueche-witzig-und-lustig/> (дата обращения: 10.10.2022).

21. 50+ Coronawitze, Coronaviruswitze, Covid-19-Witze und Sprüche als lustige Bilder // Bedeutung Online. URL: <https://www.bedeutungonline.de/coronawitze-coronaviruswitze-covid-19-witze-und-sprueche-als-lustige-bilder/> (дата обращения: 10.10.2022).

22. Pinterest. URL: <https://www.pinterest.de/pin/709317010052223821/> (дата обращения: 12.10.2022).

23. Kaufdex. URL: <https://www.kaufdex.com/an-alle-die-jetzt-genug-klopapier-und-nudeln-haben/> (дата обращения: 12.10.2022).

24. Бергсон А. Смех / пер. с фр. Я. С. Вдовиной. М.: Искусство, 1992.

25. Kekememes. URL: <https://kekememes.de/picture/mememaster-187-in-frankreich-sind-rotwein-ufld-kondome-aus-den-vBrALbg58> (дата обращения: 10.10.2022).

26. Visualstatements. URL: <https://www.visualstatements.net/visuals/visualstatements/in-deutschland-gibt-es-engpaesse-beim-toilettenpapier-in-frankreich-werden-kondome-und-rotwein-knapp-im-ergebnis-verbringt-jede-nation-ihren-weltuntergang-halt-anders/> (дата обращения: 10.11.2022).

27. Styleupyourlife. URL: <https://www.styleupyourlife.at/die-oesterreicher-pruegeln-sich-um-klopapier-nudeln-und-mehl-und-in-frankreich-werden-wein-und-kondome-knapp-da-weiss-man-wo-die-welt-im-ernstfall-schoener-untergeht> (дата обращения: 10.11.2022).

28. Boldomatic. URL: <https://boldomatic.com/p/Lf9fVQ/hamsterkaufe-usa-medikamente-und-waffen-italien-zigaretten-und-grappa-frankreich> (дата обращения: 10.10.2022).

29. Nasenpimmel. URL: <https://nasenpimmel.de/> (дата обращения: 15.10.2022).
30. Der Online Ingenieur. URL: <https://onlineingenieur.de/pimmelgesicht-sticker/> (дата обращения: 15.10.2022).
31. Dr. Birgit Asinger. URL: <http://www.asinger.at/corona-virus.html> (дата обращения: 18.10.2022).
32. Debeste. URL: <https://debeste.de/140533/Wenn-du-deine-Maske-so-tr-gst> (дата обращения: 18.10.2022).
33. Amazon. URL: <https://www.amazon.de/Blechschild-20x30cm-gew%C3%B6lt-Spr%C3%BChe-Geschenk/dp/B08PDN1TP2> (дата обращения: 18.10.2022).
34. Owid. URL: <https://www.owid.de/index.jsp> (дата обращения: 15.10.2020).
35. Debeste. URL: <https://debeste.de/121935/Grenzen-dicht,-Regale-leer,-Willkommen-in-der-DDR> (дата обращения: 12.10.2022).
36. Witze. URL: <https://witz.net/erfolg-witze> (дата обращения: 12.10.2022).
37. Pinterest. URL: <https://www.pinterest.es/pin/753156737678786389/> (дата обращения: 18.10.2022).
38. Twitter. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:d5RhdK8iwxAJ:https://twitter.com/gemuellert/status/1364555154343755778&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 10.11.2022).
39. Schlechte Witze. URL: <https://schlechtewitze.com/klima> (дата обращения: 10.11.2022).
40. Witze.tv. URL: <https://www.witze.tv/lustige-witze/alle-kinder-haben-corona/> (дата обращения: 12.10.2022).
41. Schlechte Witze. URL: <https://schlechtewitze.com/mona> (дата обращения: 10.11.2022).
42. Andinet. URL: https://www.andinet.de/lustiges/witze/corona-virus_witze.html (дата обращения: 12.10.2022).

Информация об авторах.

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук (2009), доцент (1998), доцент кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистическая прагматика, теория речевых актов, когнитивная лингвистика.

Манукян Янис Ашотович – кандидат филологических наук (2011), старший преподаватель кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, немецкий военный жаргон.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.01.2023; принята после рецензирования 22.02.2023; опубликована онлайн 24.04.2023.

REFERENCES

1. Burenkova, S.V. (2017), "Genre features of German jokes", *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, no. 3. pp. 38–41.
2. Sobyagina, V.A. (2018), "Linguistic representation of ethnic stereotypes in German anecdotes and jokes (based on Internet websites)", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, no. 1 (124), pp. 125–130.
3. Romanova, E.V. (2014), "German humor: linguistic and cultural aspects", *Philological sciences. Questions of theory and practice*, no. 7 (37), pp. 168–172.
4. Novikova, E.V. and Evtugova, N.N. (2021), "Linguistic and cultural features of German anecdotes", *Research and Scientific Electronic J. of Omsk SAU*, no. 3 (26), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-osobennosti-nemetskih-ankdotov> (accessed 15.10.2022).

5. Semenova, T.V. (2009), *Sotsial'naya psikhologiya komicheskogo: sotsial'noe poznanie, kompetentnoe obshchenie, emotsional'naya regulyatsiya, lichnostnoe samorazvitie, teoretiko-empiricheskie issledovaniya* [Social psychology of the comic: social cognition, competent communication, emotional regulation, personal self-development, theoretical and empirical research], Samara State Pedagogical Univ., Samara, RUS.

6. Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. and Ponyrko, N.M. (1984), *Smekh v Drevnei Rusi* [Laughter in Ancient Russia], Nauka, Leningrad, USSR.

7. Manukyan, Y.A. and Trofimova, N.A. (2022), "COVID-19 Pandemic in German Humor", *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 6, pp. 218–234. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-218-234>.

8. Verzhinskaya, I.V. (2012), "Linguoculturological analysis of British and American humorous fantasy: based on the works of T. Pratchett and Sh. Tepper", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Chelyabinsk State Univ., Chelyabinsk, RUS.

9. Babaeva, E.V. (2004), "Linguoculturological characteristics of Russian and German axiological paintings of the world", Abstract of Dr. Sci. (Culturology) dissertation, Moscow Pedagogical State Univ., Moscow, RUS.

10. Kulinich, M.A. (2000), "Semantics, structure and pragmatics of English-language humor", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Volgograd, RUS.

11. Maslova, V.A. (2001), *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], Akademiya, Moscow, RUS.

12. Medvedeva, T.S., Oparin, M.V. and Medvedeva, D.I. (2011), *Klyuchevye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury*. [Key Concepts of German Linguoculture], Izd-vo "Udmurtskii universitet", Izhevsk, RUS.

13. Kharchenko, V.K. and Koreneva, E.Yu. (2007), *Yazyk frustratsii: M. Yu. Lermontov, M. Gor'kii, O. Uail'd, S. Esin* [Language of frustration: M. Lermontov, M. Gorky, O. Wilde, S. Esin], Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A.M. Gor'kogo, Moscow, RUS.

14. Kulinich, M.A. (2021), "Pandemic as Reflected in English and Russian", *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 3, pp. 99–110. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-3-99-110.

15. Butseva T.N., Val'ter, Kh., Vepreva, I.T. et al. (2021), *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi* [The Russian language of the coronavirus era], OR RAS, SPb., RUS.

16. Severskaya, O.I. (2020), "Covidioty on coronacation: coronaviral lexicon as a diagnostic field for actual discursive practices", *Communication Studies (Russia)*, vol. 7, no. 4, pp. 887–906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

17. "Hamstern in Coronazeiten. Der Klopapier-Index" (2020), *Taz.de*, 20.10.2020, available at: <https://taz.de/Hamstern-in-Coronazeiten/!5721253/> (accessed 10.10.2022).

18. "The pandemic gave the German language 1200 neologisms" (2021), *Inbusiness.kz*, 24.02.2021, available at: <https://inbusiness.kz/ru/last/pandemiya-dala-nemeckomu-yazyku-1200-neologizmov> (accessed 12.10.2022).

19. Smirnova, M.A. (2020) "Neology as a Framework for the Creation of a New Coronavirus Pandemic Mythologem", *Moscow Univ. Bulletin. Ser. 9. Philology*, no. 6, pp. 44–53.

20. "Coronavirus Sprüche Witzig Und Lustig", *Statussprueche.net*, available at: <https://statussprueche.net/coronavirus-sprueche-witzig-und-lustig/> (accessed 10.10.2022).

21. "50+ Coronawitze, Coronaviruswitze, Covid-19-Witze und Sprüche als lustige Bilder", *Bedeutung Online*, available at: <https://www.bedeutungonline.de/coronawitze-coronaviruswitze-covid-19-witze-und-sprueche-als-lustige-bilder/> (accessed 10.10.2022).

22. *Pinterest*, available at: <https://www.pinterest.de/pin/709317010052223821/> (accessed 12.10.2022).

23. *Kaufdex*, available at: <https://www.kaufdex.com/an-alle-die-jetzt-genug-klopapier-und-nudeln-haben/> (accessed 12.10.2022).

24. Bergson, H. (1992), *Le Rire*, Transl. by Vdovina, Ya.S., Iskustvo, Moscow, RUS.

25. *Kekememes*, available at: <https://kekememes.de/picture/mememaster-187-in-frankreich-sind-rotwein-ufld-kondome-aus-den-vBrALbg58> (accessed 10.10.2022).

26. *Visualstatements*, available at: <https://www.visualstatements.net/visuals/visualstatements/in-deutschland-gibt-es-engpaesse-beim-toilettenpapier-in-frankreich-werden-kondome-und-rotwein-knapp-im-ergebnis-verbringt-jede-nation-ihren-weltuntergang-halt-anders/> (accessed 10.11.2022).
27. *Styleupyourlife*, available at: <https://www.styleupyourlife.at/die-oesterreicher-pruegeln-sich-um-klopapier-nudeln-und-mehl-und-in-frankreich-werden-wein-und-kondome-knapp-da-weiss-man-wo-die-welt-im-ernstfall-schoener-untergeht> (accessed 10.11.2022).
28. *Boldomatic*, available at: <https://boldomatic.com/p/Lf9fVQ/hamsterkaufe-usa-medikamente-und-waffen-italien-zigaretten-und-grappa-frankreich> (accessed 10.10.2022).
29. *Nasenpimmel*, available at: <https://nasenpimmel.de/> (accessed 15.10.2022).
30. *Der Online Ingenieur*, available at: <https://onlineingenieur.de/pimmelgesicht-sticker/> (accessed 15.10.2022).
31. *Dr. Birgit Asinger*, available at: <http://www.asinger.at/corona-virus.html> (accessed 18.10.2022).
32. *Debeste*, available at: <https://debeste.de/140533/Wenn-du-deine-Maske-so-tr-gst> (accessed 18.10.2022).
33. *Amazon*, available at: <https://www.amazon.de/Blechschild-20x30cm-gew%C3%B6lt-Spr%C3%BChe-Geschenk/dp/B08PDN1TP2> (accessed 18.10.2022).
34. *Owid*, available at: <https://www.owid.de/index.jsp> (accessed 15.10.2020).
35. *Debeste*, available at: <https://debeste.de/121935/Grenzen-dicht,-Regale-leer,-Willkommen-in-der-DDR> (accessed 12.10.2022).
36. *Witze*, available at: <https://witze.net/erfolg-witze> (accessed 12.10.2022).
37. *Pinterest*, available at: <https://www.pinterest.es/pin/753156737678786389/> (accessed 18.10.2022).
38. *Twitter*, available at: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:d5Rhdk8iwxAJ:https://twitter.com/gemuellert/status/1364555154343755778&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (accessed 10.11.2022).
39. *Schlechte Witze*, available at: <https://schlechtewitze.com/klima> (accessed 10.11.2022).
40. *Witze.tv*, available at: <https://www.witze.tv/lustige-witze/alle-kinder-haben-corona/> (accessed 12.10.2022).
41. *Schlechte Witze*, available at: <https://schlechtewitze.com/mona> (accessed 10.11.2022).
42. *Andinet*, available at: https://www.andinet.de/lustiges/witze/corona-virus_witze.html (accessed 12.10.2022).

Information about the authors.

Nella A. Trofimova – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (1998), Associate Professor at the Department of German language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 140 scientific publications. Area of expertise: pragmatics, theory of speech acts, cognitive linguistics.

Yanis A. Manukyan – Can. Sci. (Philology, 2011), Senior Lecturer at the Department of German language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: linguoculturology, cognitive linguistics, German military jargon.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.01.2023; adopted after review 22.02.2023; published online 24.04.2023.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *И. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *I. A. Orlova*

Подписано в печать 20.04.23. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 22,49. Печ. л. 21,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 57.
Цена свободная.

Signed to print 20.04.23. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 22,49. Conventional printed sheets 21,5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 57.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56